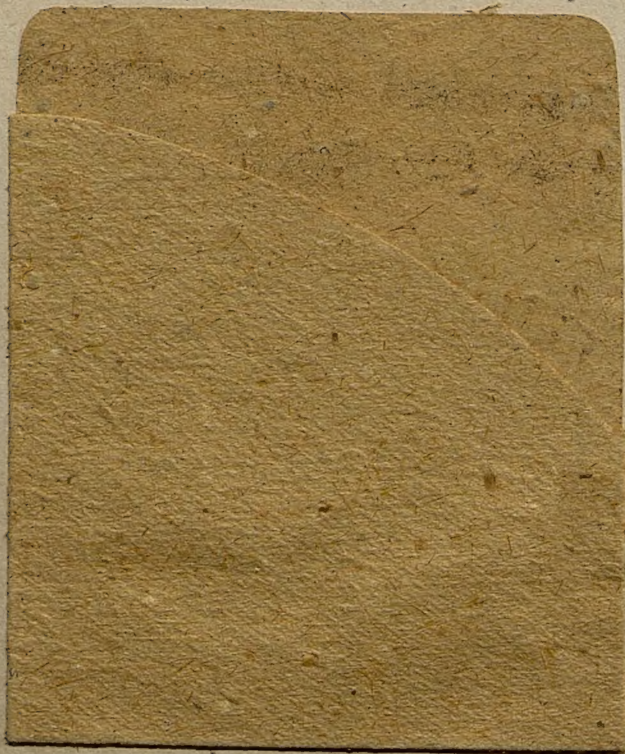

2р 60к +1р.

[illegible]

Н. Карѣевъ.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ.

Томъ I.

ПЕРЕХОДЪ ОТЪ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ КЪ НОВОМУ ВРЕМЕНИ.

Часть I. Политическія и соціальныя отношенія въ концѣ среднихъ вѣковъ

ВЫПУСКЪ I-й.

ИЗДАНІЕ 2-Е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1898.

ОБЗОРЪ СОДЕРЖАНІЯ

„ИСТОРІИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ НОВОЕ ВРЕМЯ".

Томъ I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Часть I (*Выпускъ 1*). **Политическія и соціальныя отношенія въ концѣ среднихъ вѣковъ.**

Введеніе. I. Западно-европейская исторія.—II. Католицизмъ и феодализмъ.—III. Культурно-соціальная исторія.

Политическія формы конца среднихъ вѣковъ. IV. Феодальное устройство.—Муниципальный бытъ.—V. Сословно-представительныя учрежденія.—VI. Великая хартія. — VIII. Возникновеніе парламента. — IX. Права парламента.—X. Королевская власть во Франціи.—XI. Политическое раздробленіе Германіи.—XII. Политическіе вопросы новаго времени.

Средневѣковыя соціальныя отношенія. XIII. Крѣпостничество во Франціи.—XIV. Эпоха освобожденія французскихъ крестьянъ.—XV. Положеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.—XVI. Соціальный строй Англіи.—XVII. Церковное землевладѣніе.—XVIII. Цеховое устройство промышленности.—XIX. Начало денежнаго хозяйства.—XX. Общественный характеръ литературы.—XXI. Положеніе личности въ обществѣ.

Томъ I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Часть II (*Выпускъ 2*). **Культурное состояніе общества въ концѣ среднихъ вѣковъ.**

Средневѣковой католицизмъ. XXII. Католическая церковь и свѣтское общество.—XXIII. Отношеніе католицизма къ личности.—XXIV. Политическая оппозиція церкви.—XXV. Зарожденіе литературной оппозиціи католицизму.

Возрожденіе и гуманизмъ. XXVI. Средніе вѣка и классическая древность.—XXVII. Петрарка, какъ первый гуманистъ.—XXVIII. Гуманистическое значеніе Боккачіо.—XXIX. Главные итальянскіе гуманисты.—XXX. Ренессансъ внѣ Италіи.—XXXI. Гуманистическая мораль.—XXXII. Гуманистическая политика.—XXXIII. Гуманистическая наука.

Порча церкви и стремленіе къ реформѣ. XXXV. Упадокъ папства и монашества.—XXXVI. Суевѣрія и злоупотребленія религіей.—XXXVII. Обличеніе духовенства въ литературѣ.—XXXVIII. Неудача соборной реформы.—XXXIX. Предшественники реформаціи.—XL. Внѣ-церковныя силы въ дѣлѣ религіозной реформы.—XLI. Общественное значеніе религіозныхъ движеній.

Заключеніе. XLII. Главные общіе выводы.

Томъ II. Исторія XVI и XVII вѣковъ. Часть I (*Выпускъ 3*). **Исторія XVI вѣка. Реформаціонное движеніе и католическая реакція.**

Вступленіе. I. Изученіе реформаціоннаго періода.

Реформаціонный періодъ. II. Политическое состояніе Германіи въ началѣ XVI вѣка.—III. Культурная борьба и Ульрихъ фонъ-Гуттенъ.—IV. Карлъ V и его общеевропейская политика.—V. Лютеръ до отпаденія отъ церкви.—VI. Эпоха вормскаго сейма.—VII. Начало религіозной реформаціи въ Германіи.—VIII. Рыцарское возстаніе.—IX. Происхожденіе крестьянской войны.—X. Крестьянская война и ея программы.—XI. Сектантство и соціальныя движенія. XII. Нѣмецкіе князья и лютеранская реформація.—XIII. Борьба князей съ императоромъ.—XIV. Цвингліанская реформація.—XV. Происхожденіе кальвинизма. — XVI. Характеръ и историческое значеніе кальвинизма. — XVII. Монархическія реформаціи первой половины XVI в.—XVIII. Народныя реформаціи второй половины XVI в.—XIX. Столкновеніе двухъ реформацій въ Англіи.—XX. Принципы протестантизма.

Эпоха католической реакціи. XXI. Общій взглядъ на католическую реакцію.—XXII. Орденъ іезуитовъ.—XXIII. Культурныя слѣдствія католической реакціи.—XXIV. Католическая политика, Филиппъ II и Елизавета Англійская.—XXV. Нидерландская революція.—XXVI. Религіозныя войны во Франціи и нантскій эдиктъ.

Н. Карѣевъ.

Исторія западной Европы

въ новое время.

Томъ I.

Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени.

—

Часть I. Политическія и соціальныя отношенія въ концѣ среднихъ вѣковъ.

Изданіе 2-е.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1898.

2664

ПРЕДИСЛОВІЕ

КО ВТОРОМУ ИЗДАНІЮ.

Въ предисловіи къ первому изданію перваго тома „Исторіи Западной Европы въ новое время“ было уже объяснено, что въ основу этого труда легли читанные авторомъ университетскіе курсы. Тамъ же было сказано, для какихъ читателей предпринялъ онъ изданіе настоящей книги: кромѣ студентовъ, изучающихъ исторію, это, съ одной стороны,—преподаватели исторіи, особенно начинающіе и живущіе въ провинціальной глуши, гдѣ съ такимъ трудомъ достаются книги, съ другой—вообще лица, желающія познакомиться съ главными событіями новой исторіи, но не имѣющія ни времени, ни даже подготовки, необходимыхъ для чтенія болѣе объемистыхъ или болѣе спеціальныхъ трудовъ. Наконецъ, въ томъ же предисловіи былъ выясненъ и общій характеръ задуманнаго авторомъ изложенія новой исторіи. Прежде всего, это не учебникъ и не справочная книга: авторъ не ставилъ своею задачею передавать всѣ факты, которые обыкновенно составляютъ содержаніе школьныхъ руководствъ, предполагая, что его читатели знакомы съ гимназическимъ учебникомъ, а также не задавался цѣлью сообщить какъ можно болѣе фактическаго матеріала, дабы къ его книгѣ можно было обращаться за разнаго рода детальными справками. Далѣе, кто по старой традиціи все еще думаетъ, что основу историческаго изображенія жизни народовъ должны составлять международныя отношенія—дипломатія и война, тотъ пусть лучше не беретъ въ руки эту книгу. „Исторія Западной Европы въ новое время“ есть по преиму-

ществу исторія учрежденій и идей и исторія общественныхъ движеній.

Справочный характеръ имѣютъ въ книгѣ лишь исторіографическія и библіографическія указанія, которыя даются авторомъ иногда въ самомъ текстѣ, но бо̀льшею частью въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ.

Нужно еще замѣтить, что когда пять съ половиной лѣтъ тому назадъ писалось упомянутое предисловіе къ первому тому, авторъ имѣлъ въ виду въ самомъ близкомъ будущемъ выпустить въ свѣтъ лишь второй и третій томы, которые должны были заключать въ себѣ исторію XVI—XVIII вѣковъ. Эти три тома, дѣйствительно, составляютъ одно цѣлое: первый, посвященный преимущественно XIV и XV вѣкамъ, какъ эпохѣ упадка средневѣковыхъ феодализма и католицизма, служитъ введеніемъ въ исторію новаго времени, а второй и третій разъясняютъ смыслъ двухъ наиболѣе важныхъ историческихъ явленій новаго времени—реформаціи XVI вѣка и революціи XVIII вѣка, явленій, имѣющихъ такое важное значеніе въ паденіи средневѣковыхъ формъ западно-европейской жизни. „Основныя понятія, главнѣйшія обобщенія и наиболѣе существенные итоги исторіи XIV—XVIII вѣковъ“, разсказанныхъ въ этихъ трехъ томахъ, авторъ изложилъ затѣмъ въ особой книжкѣ „Философія культурной и соціальной исторіи новаго времени“, сдѣлавъ изъ нея „введеніе въ исторію XIX вѣка“. Въ настоящее время, когда пишется это предисловіе, изданъ уже и четвертый томъ „Исторіи Западной Европы“, посвященный первой трети XIX вѣка (1800—1830), а въ скоромъ времени долженъ выйти и пятый, въ которомъ дана будетъ исторія среднихъ десятилѣтій (1830—1870) вѣка. Распредѣляя матеріалъ между отдѣльными томами, авторъ держался того общаго принципа, чтобы по мѣрѣ приближенія главныхъ эпохъ къ нашему времени изложеніе становилось болѣе обстоятельнымъ и подробнымъ. Благодаря этому, каждый новый томъ получалъ бо̀льшіе размѣры сравнительно съ предыдущими, но періодъ времени, которымъ имъ охватывался, наоборотъ, становился короче. Въ самомъ дѣлѣ, первый томъ, наименѣе объемистый, посвященъ вообще всей второй половинѣ среднихъ вѣковъ, изъ которыхъ лишь особенно выдвинуты XIV и XV столѣтія; содержаніе второго тома составляютъ лишь два столѣтія (XVI и XVII); въ третьемъ разсматривается лишь одинъ вѣкъ (XVIII), а наше столѣтіе, да и то не до самаго конца, изложено уже въ двухъ томахъ. Изъ западно-европейскихъ народовъ во всѣхъ пяти томахъ особенно подробно авторъ останавливается лишь на трехъ странахъ, именно

на Англіи, Германіи и Франціи, въ которыхъ полнѣе всего и рельефнѣе всего выразилось западно-европейское культурное и соціальное развитіе.

Приступая ко второму изданію первыхъ трехъ томовъ „Исторіи Западной Европы", авторъ нашелъ нужнымъ внести въ это изданіе одно измѣненіе чисто внѣшняго характера. Прежнее дѣленіе на томы сохраняется, но для удобства пріобрѣтающихъ изданіе каждый томъ будетъ выходить въ свѣтъ и продаваться отдѣльными выпусками. Что касается до текста книги, то очень большихъ измѣненій въ немъ сравнительно съ первымъ изданіемъ не сдѣлано, за исключеніемъ случаевъ, гдѣ такія измѣненія (въ смыслѣ дополненій и поправокъ) оказались безусловно необходимыми.

4 марта 1898 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Политическія формы конца среднихъ вѣковъ.

Средневѣковыя соціальныя отношенія.

ВВЕДЕНІЕ.

I. Западно-европейская исторія.

Установленіе точекъ зрѣнія, съ коихъ разсматривается въ этой книгѣ новая западно-европейская исторія. — Обособленіе Запада. — Значеніе западно-европейской исторіи во всемірной. — Общая основа западно-европейской исторіи и взаимодѣйствіе отдѣльныхъ народовъ. — Неодинаковое значеніе западно-европейскихъ народовъ.

Я хочу прежде всего установить тѣ точки зрѣнія, съ коихъ мною будетъ разсматриваться исторія западной Европы въ новое время. Что именно даетъ намъ право выдѣлять западно-европейскую исторію въ особый отдѣлъ всеобщей исторіи? Отвѣтивъ на этотъ вопросъ въ

[1]) Оріентироваться въ общемъ ходѣ западн.-европ. исторіи могутъ помочь: *Гизо*. Исторія цивилизаціи въ Европѣ.—*Фриманъ*. Общій очеркъ исторіи Европы.—*Лависсъ*. Общій взглядъ на политическую исторію Европы.

Руководства по новой исторіи на русскомъ языкѣ, выходящія изъ рамокъ средне-учебныхъ заведеній: *Г. Веберъ*. Курсъ всеобщей исторіи, т. III и IV, пер. *Корша*.—*М. Петровъ*. Лекціи по всемірной исторіи, т. III и IV. въ обработкѣ проф. *В. П. Бузескула* (съ указаніемъ на литературу).—*Э. Зевортъ*. Исторія новаго времени, въ переводѣ подъ ред. и съ дополненіями проф. *И. В. Лучицкаго* (важны дополненія по экономической исторіи).

Болѣе подробное изложеніе событій и явленій новой исторіи можно найти въ соотвѣтствующихъ томахъ большихъ нѣмецкихъ всемірныхъ исторій *Шлоссера* (переведена по русски), *Беккера* и *Вебера* (переведена), изъ коихъ самая полная и новая послѣдняя; новой исторіи въ ней посвящены томы X—XV: Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen *Онкена* представляетъ изъ себя собраніе отдѣльныхъ произведеній цѣлаго ряда нѣмецкихъ историковъ, которыя будутъ указаны каждое въ своемъ мѣстѣ. Есть еще одно подобное нѣмецкое изданіе, въ коемъ новая исторія (въ трехъ томахъ) принадлежитъ *Филиппсону*. На французскомъ языкѣ выходитъ и переводится по русски коллективная „Исторія Европы съ IV в.“ подъ общей ред. *Лависса* и *Рамбо*. Философское и объединенное разсматриваніемъ общихъ явленій историческое

томъ смыслѣ, что въ историческомъ отношеніи западная Европа представляетъ изъ себя обособленное цѣлое, я укажу на то, что вслѣдствіе этого мы имѣемъ право разсматривать ея исторію и въ такъ называемые средніе вѣка, и въ новое время не только какъ сумму частныхъ исторій, т.-е. исторій отдѣльныхъ націй и государствъ, но и какъ исторію одного западно-европейскаго общества, одной западно-европейской цивилизаціи. Мы увидимъ, между прочимъ, что западно-европейская гражданственность и образованность имѣла общее происхожденіе въ западной Римской имперіи, въ христіанствѣ и въ германскомъ быту, что она приняла своеобразныя формы феодализма и католицизма, что эти феодализмъ и католицизмъ легли въ основу всего быта западной Европы, въ основу жизни общественной — государственной, правовой и хозяйственной, — въ основу духовной культуры — морали и всего міросозерцанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, что развитіемъ и господствомъ феодальныхъ и католическихъ воззрѣній и отношеній характеризуется соціальная и культурная сторона этой исторіи. Средніе вѣка не даромъ называютъ католико-феодальными: съ извѣстной точки зрѣнія на исторію европейскаго Запада съ паденія западной Римской имперіи и основанія въ ея провинціяхъ варварскихъ государствъ въ V в. до монархіи Карла Великаго позволительно смотрѣть, какъ на время подготовленія католико-феодальныхъ формъ средневѣковой жизни, которыя достигаютъ полной выработки и господства въ послѣдующіе вѣка, говоря вообще, до окончанія крестовыхъ походовъ, чтобы въ XIV и XV в.в. обнаружить начало упадка и разложенія, коими и характеризуется вообще вся новая западно-европейская исторія. Въ дальнѣйшемъ я и намѣренъ показать, что, имѣя право на выдѣленіе исторіи западной Европы въ особый отдѣлъ науки, мы, кромѣ того, можемъ раздѣлить это историческое цѣлое на двѣ части, на средніе вѣка и на новое время, относя къ первымъ эпохи развитія и господства католико-феодальнаго быта и начиная послѣднее съ ясныхъ признаковъ разложенія этого быта. Но, можетъ быть, выборъ католицизма и феодализма, какъ двухъ понятій, около

сочиненіе *Laurent*. Etudes sur l'histoire de l'humanité въ послѣднихъ своихъ томахъ (начиная съ VIII) заключаетъ въ себѣ новую исторію; на отдѣльные его томы будутъ дѣлаться указанія. Особо ставимъ „Историческую географію Европы“ *Фримана*.

Есть еще такъ называемыя культурныя исторіи: *Кольбъ*. Исторія человѣческой культуры, *Hellwald*'a Culturgeschichte in ihrer natürlichen Entwickelung, *Henne am Rhyn*'a Die Culturgeschichte der Neuzeit, *Carriere*'a Die Kunst im Zusammenhang der Culturentwickelung (*Карьеръ*. Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры). Особый типъ представляютъ собою новые французскіе учебники по исторіи цивилизаціи.

которыхъ группируются наиболѣе существенныя явленія средневѣковой исторіи, сдѣланъ произвольно? Чтобы на этотъ счетъ не оставалось ни малѣйшей тѣни сомнѣнія, намъ нужно будетъ разсмотрѣть, насколько дѣйствительно научно такое представленіе средневѣковой исторіи, отъ котораго будетъ зависѣть и наше пониманіе новой исторіи, прежде всего какъ разложенія средневѣковыхъ формъ быта. Я надѣюсь, что краткій очеркъ двухъ основъ этого быта, который будетъ сдѣланъ далѣе, убѣдитъ въ основательности такого историческаго построенія, ибо въ общихъ чертахъ будетъ показано, какъ были проникнуты началами феодализма и государство, и право, и народное хозяйство въ средніе вѣка, тогда какъ католицизмъ, взятый съ культурной точки зрѣнія, былъ цѣлымъ міросозерцаніемъ, охватывавшимъ, кромѣ, конечно, религіи, и философію, и науку, и мораль, и теоретическую политику средневѣковаго общества. Если въ исторіи самое существенное — идеи и учрежденія, или — говоря другими словами — духовная культура и соціальный строй, то въ средніе вѣка и то, и другое вполнѣ характеризуются существенными признаками двухъ вышеназванныхъ явленій. Этотъ небольшой очеркъ культурнаго и соціальнаго значенія явленій, о коихъ идетъ рѣчь, опредѣлитъ и ту точку зрѣнія, съ которой мы будемъ разсматривать новую западно-европейскую исторію: это будетъ, главнымъ образомъ, исторія идей и учрежденій, исторія духовной культуры и соціальнаго строя. Выясненіе именно принципа, положеннаго въ основу такого взгляда на исторію, потребуетъ равнымъ образомъ нѣсколькихъ общихъ соображеній, и ими можно будетъ закончить общее вступленіе въ исторію западной Европы послѣднихъ вѣковъ.

Вотъ краткій проспектъ того, о чемъ прежде всего будетъ итти рѣчь, и резюмируя то, что только-что было сказано, я позволю себѣ теперь же, въ самомъ началѣ опредѣлить задачу, поставленную настоящему обзору новой западно-европейской исторіи. *Выдѣляя именно западную Европу въ особый историческій міръ, разсматривая этотъ міръ, какъ единое цѣлое, объединившееся въ средніе вѣка католико-феодальными формами культурнаго и соціальнаго быта, начиная новую исторію этого цѣлаго съ разложенія названныхъ формъ, я ставлю задачу дать цѣльное и стройное представленіе того, какъ развивались соціальная организація и духовная культура у народовъ западной Европы въ новое время.*

Начало средневѣковой западно-европейской исторіи совпадаетъ съ ея обособленіемъ отъ исторіи другихъ частей того человѣчества, которое было объединено на началахъ греческой по происхожденію своему цивилизаціи, подъ властью міровой державы Рима и, наконецъ, вселенскою христіанскою церковью. Въ VII в. отъ этого историческаго

1*

міра, въ коемъ болѣе, чѣмъ когда-либо до того времени, были осуществлены объединительныя тенденціи человѣчества, исламъ, ставшій во враждебныя отношенія къ христіанству, отторгаетъ азіатскія и африканскія области. За христіанствомъ остаются европейскія провинціи имперіи; но и здѣсь происходитъ распаденіе. Римская имперія, кольцомъ окружавшая Средиземное море и занимавшая обширную территорію между 10° и 60° в. д. и 30° и 50° с. ш., дѣлилась на двѣ части приблизительно по линіи, совпадавшей съ меридіаномъ 37° в. д.: въ центрѣ этой территоріи, въ центрѣ Средиземнаго моря находились два полуострова, Греція и Италія, стоявшіе во главѣ и впереди всей остальной массы земель и одинаково отдаленные одинъ отъ западныхъ, другой отъ восточныхъ предѣловъ имперіи, и вотъ именно между этими полуостровами проходила упомянутая линія, бывшая границей между эллинизмомъ и романизмомъ, между сферами распространенія греческаго и латинскаго языковъ. Столица имперіи была на Западѣ, но и Востокъ получилъ свою столицу — свой новый Римъ въ Константинополѣ. Это было въ первой половинѣ IV вѣка, а въ концѣ того же столѣтія единая имперія распадается окончательно на двѣ, на восточную и западную. Культурный дуализмъ отъ Греціи и Рима, такъ сказать, переходитъ въ политическій дуализмъ восточной и западной имперіи, и это распаденіе завершается церковнымъ раздѣленіемъ IX вѣка. Единство классической цивилизаціи, единство государственное, единство религіозное нарушаются: Западъ и Востокъ обособляются одинъ отъ другого, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. И судьба этихъ двухъ половинъ европейскаго цивилизованнаго человѣчества была разная: западная античная имперія падаетъ въ 476 г., восточная переживаетъ ее на цѣлое тысячелѣтіе (до 1443 г.); въ предѣлахъ западной и подъ вліяніемъ началъ римскихъ основываютъ свои государства народы германскіе, на Востокѣ къ греческому міру примыкаютъ славяне; западная, романо-германская Европа объединяется подъ духовною властью римскаго первосвященника, превращающеюся въ настоящую церковную монархію, и обособляется въ особый міръ средневѣковой „священной Римской имперіи“ съ феодальными формами; она готовится перейти въ свою новую исторію, какъ одно цѣлое съ общими всѣмъ ея народамъ историческими традиціями и жизненными задачами, въ то время, какъ восточная имперія и славянскія государства, къ ней примкнувшія, дѣлаются добычею азіатскаго варварства, начиная съ русской земли, подпавшей подъ монгольское иго, и кончая самой Византіей, завоеванной турками. Въ концѣ среднихъ вѣковъ Западъ обнаруживаетъ несомнѣнное превосходство надъ Востокомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ изъ своей замкнутости. Періодъ средневѣкового разъединенія кончается, и въ

новое время европейскій Западъ, открывшій и колонизовавшій новые материки, простершій свое вліяніе на отдаленныя страны азіатскаго Востока и проложившій этому вліянію путь въ глубь Африки, пріобщившій къ своей цивилизаціи страны восточной греко-славянской Европы, явился въ роли продолжателя той объединительной дѣятельности, которая въ древности выпала на долю эллинизма, римскаго владычества и вселенской церкви. Это выступленіе Запада изъ замкнутости и обособленности тоже можетъ быть признано одною изъ граней, отдѣляющихъ средніе вѣка отъ новаго времени, и если средневѣковая западно-европейская цивилизація, какъ таковая, была однимъ изъ продуктовъ культурнаго, политическаго и церковнаго раздѣленія Европы (другимъ продуктомъ былъ „византинизмъ“), то новая цивилизація, наоборотъ, отличается преобладаніемъ универсальнаго (въ болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ универсаленъ былъ католицизмъ) надъ частнымъ: съ одной стороны, не даромъ новое время отдѣляется отъ среднихъ вѣковъ такими крупными явленіями, какъ Возрожденіе и Реформація, въ коихъ западная Европа возвращалась къ античной образованности и первоначальному христіанству, обновляя ими свою слишкомъ проникшуюся вліяніями мѣстной, замкнутой жизни цивилизацію, съ другой стороны, не даромъ въ это же время открываетъ она новыя страны и новые пути на Востокъ и начинаетъ вліять своей обновленной цивилизаціей на народы, жившіе раньше внѣ ея обособленнаго міра. Средневѣковой католицизмъ и феодализмъ носятъ на себѣ слѣды обособленія, новая исторія принимаетъ все болѣе и болѣе универсальный характеръ, и въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ заключается право новой западно-европейской исторіи на особое вниманіе, въ силу чего и особый интересъ получаетъ и западное средневѣковье, подготовившее романо-германскіе народы къ той по-истинѣ всемірно-исторической роли, какую играютъ они сами и къ какой призванъ всякій народъ, усвояющій западную цивилизацію и участвующій въ ея переработкѣ въ цивилизацію общеевропейскую и даже общечеловѣческую. Но мы все-таки не должны забывать того, что средніе вѣка на Западѣ съ всемірно-исторической точки зрѣнія были вѣками обособленности, вѣками, когда вырабатывались своеобразныя формы духовнаго и общественнаго быта, формы, начавшія разрушаться, но и въ разрушеніи своемъ пошедшія въ дѣло, какъ матеріалъ для новой постройки. Вотъ все главное, что я хотѣлъ сказать въ доказательство права исторической науки выдѣлять западную, романо-германскую, въ средніе вѣка католико-феодальную Европу въ особый историческій міръ, и къ этому пришлось прибавить одно соображеніе, въ силу котораго особое право на вниманіе получаетъ исторія этого міра, какъ на своихъ плечахъ понесшаго главнымъ

образомъ работу объединенія исторіи, начатую въ предѣлахъ Европы греками и римлянами, но оборвавшуюся съ появленіемъ ислама и раздѣленіемъ церкви, — получаетъ такое право, какого съ всемірно-исторической точки зрѣнія не имѣетъ послѣ паденія классическаго міра ни одинъ другой историческій міръ. Петровская реформа два вѣка тому назадъ, когда западная Европа уже пережила двѣ первыя крупныя эпохи своей новой исторіи, Возрожденіе и Реформацію, пріобщила и Россію къ міру западно-европейскому и возстановила единство европейской цивилизаціи, и это для насъ, русскихъ, дѣлаетъ особенно важнымъ знакомство съ новой исторіей и преимущественно съ двумя послѣдними ея вѣками, сдѣлавшимися и нашей новой исторіей, какъ время нашего европейскаго существованія. Но возвратимся къ нашей темѣ и покажемъ, что западная Европа не только обособилась въ средніе вѣка извнѣ, но и внутри объединилась на почвѣ нѣкоторыхъ общихъ началъ, позволяющихъ намъ говорить объ ея исторіи не какъ о суммѣ частныхъ исторій, но какъ объ общей исторіи нѣсколькихъ народовъ и государствъ.

Основами общей исторіи западной Европы, какъ единаго культурно-историческаго цѣлаго, являются, во-первыхъ, общая первоначальная ея почва, во-вторыхъ, постоянныя взаимодѣйствія между отдѣльными народами, населяющими западную Европу. Только-что было указано на обособленіе культурное, политическое и церковное западной имперіи отъ восточной, но это обособленіе имѣло одинъ изъ своихъ корней въ той романизаціи Запада, которая составляетъ одинъ изъ основныхъ фактовъ европейской исторіи. Въ V в. въ предѣлахъ романизированной части имперіи основываются германскія государства—вестготское въ Испаніи, англосаксонскія въ Британіи, франкское въ Галліи, остготское (а въ VI в. и лангобардское) въ Италіи, не считая другихъ менѣе значительныхъ. Начинается варварскій періодъ средневѣковой исторіи, характеризующейся общими чертами во всѣхъ этихъ государствахъ: въ римской провинціи съ романизированнымъ населеніемъ являются отдѣльныя германскія племена, возникаютъ варварскія государства, въ предѣлахъ коихъ начинается взаимодѣйствіе римскихъ и германскихъ началъ быта, составляющее одну изъ важнѣйшихъ особенностей исторіи этого періода на Западѣ европейскаго материка. При Карлѣ Великомъ дѣлается попытка объединенія романо-германскаго міра подъ единою властью, и если монархія франкскаго короля, ставшаго римскимъ императоромъ, распалась (843 г.), идеальное ея единство, какъ возстановленной западной Римской имперіи, продолжало существовать, причемъ имперія эта, перенесенная Оттономъ Великимъ на нѣмецкую націю, сдѣлалась распространительницей западныхъ началъ на Востокѣ, среди за-

паднаго славянства. Во всѣхъ государствахъ, возникшихъ изъ монархіи Карла Великаго, развился феодализмъ, занесенный въ серединѣ XI в. изъ Франціи и въ Англію, благодаря ея завоеванію нормандскимъ герцогомъ Вильгельмомъ, такъ что феодализмъ дѣлается явленіемъ общимъ многимъ западно-европейскимъ странамъ. Вездѣ наступаетъ эпоха большаго или меньшаго ослабленія королевской власти, большаго или меньшаго усиленія духовной и свѣтской аристократіи, подчиненія ей народной массы, изъ которой повсемѣстно въ эпоху крестовыхъ походовъ начинаетъ выдѣляться городское населеніе, добивающееся гражданской свободы и даже политической независимости. Въ отдѣльныхъ странахъ эти общіе всѣмъ имъ политическіе и общественные элементы—королевская власть, феодальные сеньёры, города и крестьянство—комбинируются различнымъ образомъ; но вездѣ возникаетъ форма сословной монархіи съ представительными учрежденіями, въ коихъ духовенство, дворянство и горожане проявляютъ свои политическія права: кортесы на пиренейскомъ полуостровѣ, англійскій парламентъ, французскіе генеральные штаты и нѣмецкіе ландтаги выросли на одинаковой почвѣ. Къ концу среднихъ вѣковъ мы наблюдаемъ повсемѣстное усиленіе королевской власти, которая въ новое время дѣлается абсолютной. Вездѣ она встрѣчаетъ оппозицію, имѣющую, впрочемъ, разный успѣхъ, одерживаетъ однако побѣду (кромѣ Англіи), особенно усиливается во Франціи, и въ XVII в. французскій абсолютизмъ задаетъ тонъ и другимъ странамъ. Во второй половинѣ XVIII в. такъ называемый просвѣщенный абсолютизмъ, а въ концѣ французская революція получаютъ также общеевропейское значеніе. О тѣсной связи между историческою жизнью отдѣльныхъ западно-европейскихъ народовъ въ XIX вѣкѣ и говорить нечего. То же самое мы увидимъ, если перенесемъ свое вниманіе съ политики на культуру. Западная Римская имперіи пала уже принявшею христіанство, въ которое Римъ обращаетъ постепенно и варваровъ—аріанъ и язычниковъ—германцевъ и скандинавовъ, западныхъ славянъ и венгровъ, давая имъ священное писаніе, богослуженіе и церковную письменность на общемъ для всей западной церкви латинскомъ языкѣ. Эта церковь организуется въ папскую теократію и даетъ народамъ Запада общую культуру. Единство послѣдней при географической близости и аналогичности формъ быта отдѣльныхъ націй дѣлаетъ возможными международныя взаимодѣйствія въ области духовной культуры, что между прочимъ отразилось въ литературѣ. Къ концу среднихъ вѣковъ католицизмъ вездѣ вызываетъ противъ себя оппозицію національную, государственную, сословную, интеллектуальную и моральную, вездѣ такъ называемая „порча церкви“ вызываетъ религіозный протестъ и желаніе реформы. На смѣну средневѣковой

культуры въ XIV в. въ Италіи приходитъ гуманистическое движеніе Возрожденія, проникающее позднѣе въ другія страны, а въ XVI в. примѣру Германіи, приступившей къ религіозной реформаціи, слѣдуютъ Швейцарія, Данія, Швеція, Англія, Франція, Шотландія, Польша, Нидерланды и т. д. Борьба протестантизма съ католической реакціей — опять явленіе общеевропейское, какъ и „просвѣщеніе“ XVIII вѣка, обобщившее въ себѣ прогрессивныя стремленія гуманизма и протестантизма. Этотъ очеркъ до нѣкоторой степени могъ бы служить и программой дальнѣйшаго изложенія, въ которомъ идея единства западно-европейской культурно-соціальной исторіи есть одна изъ основныхъ идей. Мы можемъ смотрѣть на этотъ міръ, романо-германскій по своему главному этнографическому составу, какъ на одну большую страну, въ которой совершается единая исторія, исторія взаимодѣйствія римскихъ и германскихъ началъ политическихъ и общественныхъ, феодализаціи, развитія и паденія католической системы, образованія сословной монархіи, гуманизма и протестантизма, католической реакціи и абсолютизма, просвѣщенія XVIII в., просвѣщеннаго деспотизма и революціи и т. д., исторія, въ отдѣльныя эпохи и въ разныхъ направленіяхъ которой играютъ болѣе видную роль то одна нація, то другая, причемъ движеніе, возникшее у одного народа, передается другимъ, какъ это было съ перенесеніемъ французскаго феодализма въ Англію, итальянскаго гуманизма въ иныя земли, германской реформаціи почти во всю западную Европу, англійскаго деизма и политическихъ идей во Францію, французскаго просвѣщенія къ разнымъ другимъ народамъ и т. п. Понятно, что въ этой общей западно-европейской исторіи не всѣ націи играли одинаковую роль: однѣ изъ нихъ дѣйствовали и постояннѣе, и разностороннѣе, и самостоятельнѣе, тогда какъ другія выступали лишь временно, оказывали вліяніе въ одномъ какомъ-либо отношеніи, не проявляли большой оригинальности. Ко вторымъ мы отнесемъ, напримѣръ, Чехію, Испанію, Польшу, Швецію, исторія которыхъ не представляетъ такого интереса, какъ исторія Франціи, Англіи, Германіи или Италіи [1]). Собственно говоря, на послѣднихъ и слѣдуетъ сосредоточить

---

[1]) По исторіи отдѣльныхъ странъ существуютъ книги, охватывающія ихъ прошлое въ цѣломъ и подходящія подъ типъ a) школьныхъ пособій, b) болѣе обширныхъ и научныхъ компендіумовъ и c) многотомныхъ трудовъ, и книги, въ коихъ разсмотрѣны только отдѣльные періоды. Изъ этихъ книгъ однѣ представляютъ изъ себя совершенно отдѣльные труды, другія входятъ въ составъ коллекцій. Между послѣдними отмѣтимъ англійскую серію учебниковъ, введеніемъ къ коей служитъ указанная выше книжка *Фримана*, и коллекцію отдѣльныхъ большихъ исторій *Heeren*'а и *Uckert*'а. Здѣсь мы указываемъ лишь на пособія которыя могутъ рекомендованы для справокъ и для первоначальнаго озна-

все вниманіе, какъ на странахъ, въ коихъ происходила наиболѣе значительное и вліятельное историческое движеніе, такъ что главнѣйшія явленія западно-европейской культурной и соціальной жизни могутъ съ удобствомъ быть представлены на примѣрѣ національной исторіи французовъ, англичанъ, нѣмцевъ и итальянцевъ, но и тутъ необходимо сдѣлать различіе между тѣми и другими странами: общее значеніе ихъ исторіи было не одинаково, и въ разныя эпохи наибольшаго вниманія заслуживаетъ то та, то другая страна, да и разныя общія всей западной Европѣ явленія принимали болѣе рельефныя очертанія или прямо возникали и раньше, и самостоятельнѣе либо въ одной, либо въ другой странѣ. Вотъ почему, останавливаясь вообще главнымъ образомъ на исторіи этихъ четырехъ странъ, въ исторіи каждой мы должны обращать особое вниманіе лишь на извѣстные періоды, а съ другой стороны, и то или другое общеевропейское явленіе—разсматривать главнымъ образомъ на примѣрѣ той страны, гдѣ оно возникало раньше и самобытнѣе, получало болѣе сильное и всестороннее развитіе, дѣлалось факторомъ не только внутренней жизни, но и воздѣйствія на другія страны. Таково, напримѣръ, будетъ наше отношеніе къ итальянскому Ренессансу, къ нѣмецкой Реформаціи, къ англійскимъ политическимъ учрежденіямъ и идеямъ, къ французскому абсолютизму, французскому просвѣщенію и французской революціи. Принимая все это за основу, я буду вводить другія страны въ свое изложеніе по мѣрѣ надобности и при надлежащихъ случаяхъ. Съ такой точки зрѣнія и получаютъ особое значеніе отдѣльныя западно-европейскія національныя исторіи. Сдѣлаю еще одно замѣчаніе: и Франція, и Англія, а особливо Италія со времени католической реакціи и Германія послѣ тридцатилѣтней войны въ извѣстныя эпохи не будутъ останавливать на себѣ большого вниманія съ нашей стороны, а въ извѣстныхъ случаяхъ и совсѣмъ о многихъ явленіяхъ въ ихъ жизни придется умалчивать.

И такъ, мы выдѣляемъ западную Европу въ особый историческій міръ и разсматриваемъ его, какъ одно цѣлое, хотя и расчлененное на части, а не какъ простую сумму совершенно независимыхъ

комленія съ исторіей Франціи, Англіи и Германіи, на которыхъ главнымъ образомъ и сосредоточено изложеніе событій и явленій новаго времени. *Duruy.* Histoire de France. *A. Rambaud.* Histoire de la civilisation française *Гринъ*, Исторія англійскаго народа (Два сочиненія, одно въ четырехъ томахъ другое въ двухъ) *Nitzsch.* Geschichte des deutschen Volkes (до 1555).—*Bruno Gebhardt* (въ сотрудничествѣ съ нѣсколькими учеными). Handbuch der deutschen Geschichte.—*Лампрехтъ.* Исторія нѣмецкаго народа. На англійскомъ языкѣ имѣется цѣлая серія исторій отдѣльныхъ народовъ подъ общимъ заглавіемъ: „History of nations“.

одна отъ другой странъ. Отъ этого будетъ зависѣть и то, что мы не станемъ ни выходить за предѣлы этого міра, ни останавливаться на его внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ историческимъ мірамъ, ни изучать взаимодѣйствія отдѣльныхъ его странъ, какъ самостоятельныхъ цѣлыхъ, взаимодѣйствія, проявлявшагося главнымъ образомъ въ сферѣ внѣшней политики, дипломатіи и войны, хотя, конечно, намъ и не будетъ возможности замыкаться въ указанныхъ рамкахъ, разъ все это вмѣстѣ взятое также вліяло на внутреннюю жизнь этого міра.

II. Католицизмъ и феодализмъ.

Католицизмъ и феодализмъ въ жизни западной Европы. — Сравненіе между ними.—Католическая система.—Проникновеніе феодальными началами разныхъ сторонъ общественной жизни.—Новое время, какъ эпоха разложенія католико-феодальнаго быта.—Два общественныхъ слоя, созданныхъ католицизмомъ и феодализмомъ. — Два типическихъ представителя католико-феодальнаго общества.—Взаимныя отношенія католицизма и феодализма.—Государство и личность въ католико-феодальныхъ рамкахъ. — Наступленіе новаго времени. — Что разумѣется подъ новой исторіей?

Переходимъ теперь къ указанію мѣста, какое занимаютъ католицизмъ и феодализмъ въ культурной и соціально-политической исторіи западной Европы. Уже было сказано, что средневѣковая цивилизація романскихъ и германскихъ народовъ съ тѣми націями иного происхожденія, которыя къ нимъ примкнули въ историческомъ отношеніи, была католико-феодальная: это положеніе нуждается въ объясненіи и развитіи. Внутренняя жизнь каждаго общества складывается изъ двухъ сторонъ, изъ духовной культуры, подъ понятіе которой мы подводимъ религію, мораль, философію, науку, литературу и искусство, и изъ соціальной организаціи, охватывающей собою области государства, права и экономическихъ отношеній, и мы потому именно можемъ приписывать такое важное значеніе католицизму и феодализму въ жизни западной Европы, что первый накладывалъ свою печать на свою духовную культуру среднихъ вѣковъ, а второй лежалъ въ основѣ всей ея соціальной организаціи и притомъ такъ, что и культурная сфера находилась подъ вліяніяхъ феодальной организаціи, и область политическихъ и общественныхъ учрежденій въ свою очередь испытывала на себѣ дѣйствіе идей католицизма, въ силу чего должно было происходить и своеобразное сочетаніе и взаимодѣйствіе католическихъ и феодальныхъ воззрѣній и учрежденій.

Мы могли бы сравнить католицизмъ и феодализмъ съ двумя силами, о которыхъ говорится въ руководствахъ физики, съ силами

центростремительной и центробѣжной. Значеніе первой силы принадлежало католицизму: онъ, такъ сказать, *стягивалъ западные народы къ одному общему центру и объединялъ ихъ въ одно цѣлое,* бывшее таковымъ не только въ культурномъ, но и въ политическомъ отношеніи. Духовнымъ центромъ былъ Римъ. Римскій епископъ стоялъ во главѣ церковной организаціи, которая охватывала всѣ народы западной Европы, ученія которой были общепризнанными, которая господствовала надъ свѣтскимъ обществомъ и стремилась къ господству надъ государствомъ. Это была какъ бы духовная монархія, раздѣлявшаяся на нѣсколько государствъ—провинцій, и ея моральное единство поддерживалось тѣмъ, что одинъ и тотъ же языкъ у всѣхъ католическихъ народовъ былъ языкомъ религіи, богослуженія, науки, образованности. Разсматриваемый съ свѣтской точки зрѣнія, этотъ міръ, объединенный на почвѣ религіи, являлся и какъ одно идеальное цѣлое и въ политическомъ отношеніи, т.-е. какъ священная Римская имперія, во главѣ коей стоялъ императоръ, представитель высшей свѣтской власти въ западномъ христіанствѣ, какъ папа былъ носителемъ верховной власти въ дѣлахъ духовныхъ. *Новая исторія западной Европы начинается съ распаденія этого единства* подъ вліяніемъ идей національной и государственной, и въ этомъ отношеніи особое значеніе принадлежитъ эпохѣ религіозной реформаціи. Рядомъ съ объединительной тенденціей католицизма дѣйствовали другія силы, силы центробѣжныя, нашедшія свое выраженіе въ феодализмѣ. Феодализмъ—синонимъ мѣстнаго обособленія, раздробленія націй и государствъ на мелкія владѣнія, синонимъ развитія маленькихъ мѣстныхъ центровъ, расторженія политическихъ и соціальныхъ узъ, которые скрѣпляли отдѣльныя мѣстности въ крупные политическіе организмы. Универсальная папская монархія, дополнившаяся священной Римской имперіей, и маленькая феодальная сеньерія, бывшая не то помѣстьемъ, не то государствомъ, составляли двѣ противоположности историческаго бытія средневѣковыхъ націй западной Европы, но та самая сила, которая разлагала папскую монархію, *сила національныхъ и государственныхъ стремленій сплачиваетъ въ новое время бывшія феодальныя владѣнія въ болѣе крупные политическіе организмы.*

Разсмотримъ теперь каждую систему въ отдѣльности. Католицизмъ не только объединялъ западно-европейскія націи въ одно культурно-историческое цѣлое, онъ создавалъ еще силы, которыя занимали господствующее положеніе въ средневѣковомъ обществѣ: церковь была организаціей, обладавшей матеріальною мощью, благодаря своей крупной поземельной собственности, которая доставляла соціальное первенство своимъ представителямъ — духовенству, и благодаря своей

сплоченности подъ единою властью, и игравшей роль духовнаго руководительства въ жизни общества, вслѣдствіе большей образованности своихъ членовъ среди другихъ, остававшихся невѣжественными, сословій. Подъ ея вліяніемъ теоретическое и практическое міросозерцаніе среднихъ вѣковъ получило церковный характеръ: философія (вмѣстѣ съ наукою) превратилась въ прислужницу богословія (philosophia est ancilla theologiae), этическое міросозерцаніе прониклось идеалами монашескаго аскетизма, политическія теоріи приняли теократическій характеръ, и все это отразилось и въ преобладаніи церковной письменности съ ея житіями святыхъ, благочестивыми легендами и назидательными проповѣдями отреченія отъ міра и подчиненія церковному авторитету, и въ религіозномъ характерѣ, какимъ отмѣчены произведенія средневѣковаго искусства. Однимъ словомъ, вся духовная культура среднихъ вѣковъ подчиняется одному общему началу, во имя котораго должна была существовать единая церковь, господствующая надъ націями и государствами, единый общественный классъ, какъ призванный быть духовнымъ руководителемъ другихъ сословій, единый взглядъ на человѣка и міръ, отрицавшій самостоятельность мысли, инстинкты людской природы, интересы земной жизни. Внѣ этого міросозерцанія не было ничего цѣльнаго и самостоятельнаго, и нужно было пройти большимъ періодамъ времени прежде, нежели *гуманизмъ, открывающій собою новое время въ исторіи духовной культуры, поставилъ задачу выработки свѣтской образованности.*—Такое же всеобъемлющее значеніе въ соціальной жизни принадлежитъ феодализму. Всѣ отношенія этой жизни могутъ быть подведены подъ категоріи отношеній политическихъ, юридическихъ и экономическихъ, и всѣ онѣ въ средніе вѣка принимаютъ особый, феодальный характеръ. Средневѣковое государство было государствомъ феодальнымъ: оно отличалось и отъ античнаго, и отъ новаго, позднѣйшаго государства особыми чертами, которымъ мы даемъ названіе феодальныхъ. Какія то были черты, мы увидимъ это послѣ, и тогда же будетъ показано, что черты эти характеризуютъ и средневѣковое право, и средневѣковое хозяйство. Это была своеобразная система общественной жизни, находившая одинаковое выраженіе въ формахъ быта и политическаго, и юридическаго, и экономическаго: намъ еще придется не разъ употреблять прилагательное „феодальный“ при самыхъ разнообразныхъ существительныхъ, относящихся къ подробностямъ государственнаго и общественнаго быта, каковы учрежденія, монархія, сословія, войско, судоустройство, землевладѣніе и т. п. Феодализмъ наложилъ свою печать и на область моральныхъ и политическихъ идей, и на внѣшній бытъ общества, образовавъ въ одномъ отношеніи извѣстный взглядъ на человѣка и его достоин-

ство, извѣстный кодексъ чести и приличій, извѣстное пониманіе взаимныхъ отношеній между личностью и государствомъ, а въ другомъ создавъ своеобразную бытовую обстановку феодальнаго двора и феодальнаго замка, феодальной войны и рыцарскаго турнира, не говоря уже объ отраженіи этого быта въ литературѣ рыцарскихъ эпоса и лирики. *Высвобожденіе изъ-подъ господства феодальныхъ началъ—и государства, и права, и народнаго хозяйства и знаменуетъ собою исторію новаго времени, взятую съ соціальной точки зрѣнія.*

Силы, создавшія образованность и гражданственность новой Европы, вышли изъ нѣдръ католико-феодальнаго общества: это были силы, выросшія изъ его рамокъ, ставшія во враждебныя къ нему отношенія, и вся дальнѣйшая исторія западной Европы была не чѣмъ инымъ, какъ борьбою новыхъ культурныхъ и соціальныхъ силъ съ средневѣковыми традиціями и интересами, нашедшими свое олицетвореніе въ католическомъ клирѣ и феодальной аристократіи, со стороны коихъ время отъ времени возникала реакція противъ побѣдоноснаго движенія новыхъ началъ жизни. Въ самомъ дѣлѣ гуманизмъ эпохи Возрожденія, протестантизмъ реформаціоннаго періода, „просвѣщеніе" XVIII вѣка, создававшіе новую цивилизацію европейскихъ народовъ, были три послѣдовательныхъ момента въ той идейной борьбѣ, какую новая Европа вела съ средневѣковымъ міросозерцаніемъ, а въ гуманизмѣ, протестантизмѣ и „просвѣщеніи" прошлаго вѣка заключается вся исторія духовныхъ движеній XIV—XVIII столѣтій. Съ другой стороны, такое же отношеніе къ феодализму имѣютъ параллельныя явленія роста государственной власти и гражданской свободы, развитія королевскаго абсолютизма въ XV и XVII вв. и городского сословія, просвѣщеннаго абсолютизма второй половины прошлаго столѣтія и революціи 1789 г. съ ея послѣдствіями, т.-е. явленія, коими наполняется вся почти политическая исторія тѣхъ же XIV—XVIII столѣтій. Два великія событія, около которыхъ группируется вся новая исторія, реформація XVI в. и революція XVIII в. имѣютъ прямое отношеніе къ католицизму и феодализму, и вплоть до великой реакціи, наступившей послѣ паденія наполеоновской имперіи, противодѣйствіе правительственнымъ и народнымъ начинаніямъ исходило отъ представителей стараго средневѣковаго быта.

Католицизмъ и феодализмъ создали въ западно-европейскомъ обществѣ привилегированный его слой, распадавшійся на духовное и свѣтское сословія, на клиръ и дворянство — со своими традиціями и интересами, переживавшими разныя измѣненія, коимъ подвергалась жизнь общества. Истинный источникъ силы одного сословія заключался въ той власти, которою оно пользовалось вслѣдствіе своего моральнаго значенія, вслѣдствіе того, что церковь отдавала въ его

руки духовное руководительство надъ обществомъ: въ этомъ была и соціальная традиціи клира, противодѣйствовавшаго всему тому, что освобождало свѣтское общество изъ-подъ его вліянія или отдавало это руководительство въ другія руки. Источникомъ силы дворянства была власть, какую давало ему надъ народомъ крупное землевладѣніе, соединявшееся въ феодальную эпоху съ обладаніемъ суверенитетомъ и въ теченіи вѣковъ сообщавшее дворянству особыя права надъ населеніемъ страны, и соціальной традиціей дворянства сдѣлалось обереганіе своихъ привилегій, своего господства надъ народомъ, недопущеніе къ этому господству другихъ элементовъ общества. Эти традиціи идутъ изъ глубины среднихъ вѣковъ и доходятъ до XIX вѣка: съ особою силою онѣ возродились въ эпоху общей реакціи 1815—1830 годовъ, которая показала, какъ онѣ были живучи и въ новое время.

Въ этихъ традиціяхъ переживали отдаленную старину соціальные интересы обоихъ сословій уже безъ тѣхъ культурныхъ идеаловъ, которые были созданы средневѣковымъ католицизмомъ и феодализмомъ: послѣдніе давали извѣстныя права, но и предъявляли извѣстныя требованія, воплотившіяся въ двухъ характерныхъ типахъ средневѣковаго общества,—въ типахъ, которые мы можемъ найти и въ тогдашней жизни, и въ тогдашней литературѣ житій святыхъ, моральныхъ поученій, рыцарскихъ романовъ и дворянской лирики. Католицизмъ и въ дѣйствительности, и въ идеалѣ создалъ монаха-аскета, феодализмъ рыцаря-воителя, хотя, конечно, не всѣ рыцари и не всѣ монахи соотвѣтствовали своему идеалу: католицизмъ и феодализмъ создали монашество и рыцарство, одно—какъ высшее проявленіе духовнаго сословія, другое — какъ высшее проявленіе феодальнаго общества. Въ своей основѣ монахъ и рыцарь — противоположности: монастырскій уставъ и кодексъ рыцарской чести предъявляли разныя требованія человѣку, исходя изъ разныхъ на него взглядовъ, ибо смиренное послушаніе, нестяжаніе, удрученіе своей плоти и полнѣйшее цѣломудріе помысловъ, налагавшіяся, какъ обязанность на монаха, были дѣйствительною противоположностью той гордой независимости съ развитымъ чувствомъ личной чести, той войнолюбивой погонѣ за добычей, той веселой наукѣ турнировъ и пировъ, тѣмъ авантюрамъ и культу дамы, изъ коихъ слагалась жизнь настоящаго рыцаря. И между обоими обществами было еще сословное соперничество — изъ-за власти, изъ-за вліянія, изъ-за богатствъ, и часто замокъ былъ во враждѣ съ сосѣднимъ монастыремъ. Но при всемъ томъ была и другая сторона этихъ отношеній: католицизмъ и феодализмъ, духовенство и дворянство, монашество и рыцарство сживались другъ съ другомъ, вступали во взаимодѣйствія, такъ какъ жизнь

не можетъ состоять изъ чистыхъ противоположностей, а потому сглаживаетъ возникающія въ обществѣ противорѣчія, усложняетъ рождающіяся изъ ихъ взаимодѣйствій явленія. Такъ и тутъ было: католицизмъ и феодализмъ не только не существовали отдѣльно одинъ отъ другого, но одинъ, такъ сказать, проникалъ въ другой, и сообща ими производились особыя въ буквальномъ смыслѣ католико-феодальныя явленія. И это стоитъ отмѣтить, ибо и упадокъ всего того, что было обязано своимъ возникновеніемъ одновременно и католицизму, и феодализму, относится къ числу признаковъ наступленія новаго времени.

Феодальное общество состояло изъ лицъ, принадлежавшихъ къ католической церкви, которая сама находилась въ феодальномъ обществѣ. Особенно интересны съ этой точки зрѣнія первенство духовнаго чина въ феодальной организаціи и вторженіе феодализма въ самую церковь. Средневѣковой епископъ или аббатъ былъ не только духовнымъ сановникомъ, не только принадлежалъ къ сословію, пользовавшемуся первенствомъ, но былъ, кромѣ того, феодальнымъ сеньеромъ и входилъ въ составъ феодальной іерархіи въ качествѣ чьего-либо вассала, у котораго могли быть и свои вассалы. Благодаря этому, сливались воедино значеніе церковнаго сана и значеніе феодальнаго чина, и епископъ могъ быть одновременно, какъ это было сказано однимъ лѣтописцемъ, и „хорошимъ рыцаремъ, и превосходнымъ пастыремъ" (bonus miles et optimus pastor). Зависимость епископа отъ папы и отъ свѣтскихъ государей, зависимость отъ одного въ качествѣ представителя духовной власти въ своей епархіи, и отъ другихъ, какъ обладателя лена, породила споръ за инвеституру, въ коемъ участвовали церковь, не желавшая лишиться своихъ феодальныхъ владѣній, и имперія, бывшая въ сущности аггрегатомъ феодальныхъ сеньерій, между коими находились и церковныя земли. Расторженіе этой связи между духовнымъ саномъ и свѣтскимъ владѣніемъ относится къ новой исторіи, когда происходитъ секуляризація церковной собственности, сначала въ одной части Европы подъ вліяніемъ религіозной реформаціи XVI в., потомъ въ другой подъ непосредственнымъ дѣйствіемъ просвѣщеннаго абсолютизма и французской революціи. — Мы имѣемъ еще примѣръ соединенія монашества и рыцарства въ особыхъ монашеско-рыцарскихъ орденахъ, каковы были іоанниты, тампліеры, тевтоны, меченосцы: это были союзы, носившіе на себѣ черты обоихъ учрежденій, духовныя корпораціи, мечемъ защищавшія христіанство отъ невѣрныхъ и войною же распространявшія религію мира и любви среди язычниковъ. Они возникаютъ въ эпоху крестовыхъ походовъ, которые сами были грандіознымъ предпріятіемъ католико-феодальной Европы: эти походы велись по иниціативѣ и съ благословенія церкви главнымъ

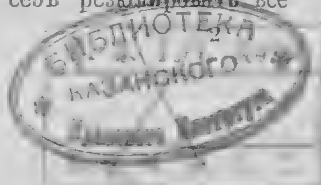
образомъ силами феодальнаго міра, жаждавшаго войны и завоеваній. Крестовые походы сдѣлались невозможными въ новое время, въ эпоху упадка католицизма и феодализма. Взаимно проникались оба общества также и нравами, обычаями, воззрѣніями одинъ другого. Феодальный епископъ или аббатъ часто самъ былъ дворянскаго происхожденія, часто велъ образъ жизни, мало отличавшійся отъ образа жизни какого-либо графа или барона, имѣлъ вассаловъ, придворныхъ слугъ, крѣпостныхъ, участвовалъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ, строилъ себѣ укрѣпленіе, подобное феодальному замку, и т. п. Съ другой стороны, рыцарство принимаетъ религіозный характеръ и заимствуетъ у церкви обрядъ посвященія. Вмѣстѣ съ этимъ въ рыцарскую поэзію проникаютъ элементы монастырской легенды, и романтизмъ носитъ на себѣ слѣды своего двойного происхожденія въ быту феодальномъ и въ церковной письменности. Послѣдняя сама не остается чуждою вліянія феодальнаго быта, и легенда готова переносить на небо черты свѣтскаго общества, изображая рай въ видѣ феодальнаго двора, ставя ап. Петра въ вассальныя отношенія къ Іисусу Христу или говоря о духовной борьбѣ, какъ о рыцарскомъ турнирѣ. Такъ срастались и переплетались между собою отдѣльныя стороны католическаго и феодальнаго быта.

Этими рамками опредѣлялось положеніе средневѣковаго государства и положеніе личности въ обществѣ. *Католическая церковь и феодальная сеньерія находились въ антагонизмѣ съ государствомъ.* Съ одной стороны, надъ государственною властью стоялъ авторитетъ папы, съ другой — она имѣла дѣло съ непокорными вассалами: тенденціей католицизма было сплотить всѣ западныя націи въ одну духовную монархію, въ которой высшая власть принадлежала бы папѣ, а государи отдѣльныхъ странъ были бы простыми прикащиками римской куріи, тогда какъ тенденціей феодализма было сдѣлать государство изъ каждаго помѣстья, превративъ королей въ „первыхъ между равными“ феодальныхъ сеньеровъ. Такимъ образомъ съ двухъ разныхъ сторонъ государство отрицалось обѣими средневѣковыми системами, съ одной стороны, во имя папской теократіи, поглощавшей въ себѣ отдѣльныя націи, съ другой — во имя феодальныхъ сеньерій, раздроблявшихъ государство на суверенныя помѣстья. Процессъ, давшій въ результатѣ обѣ системы, разсматриваемый не съ положительной, а съ отрицательной точки зрѣнія, былъ процессомъ ослабленія и разложенія государства, расхищенія его достоянія представителями матеріальной силы общества, заключавшейся въ землевладѣніи. *Новое время есть время роста государства, его борьбы съ католицизмомъ и феодализмомъ*,—борьбы, проявляющейся и въ реформаціи XVI в., и въ абсолютизмѣ (особенно „просвѣщенномъ“ XVIII в.), и въ рево-

люціи 1789 г. Въ этой борьбѣ государство находитъ содѣйствіе и опору со стороны свѣтскаго общества и народной массы, выдѣляющихъ изъ себя новые не-церковные элементы интеллигенціи, каковы легисты, гуманисты, ученые и т. п., и новые не-феодальные классы общества, каковы горожане. Появленіе этихъ элементовъ и классовъ — тоже признаки наступленія новаго времени. Нужно, однако, прибавить, что государство вступало въ борьбу съ церковью и феодализмомъ главнымъ образомъ на политической почвѣ, оставляя за ними прежнее значеніе въ культурной и соціальной сферахъ и даже само проникаясь многими элементами католико-феодальныхъ воззрѣній и формъ быта.

Католицизмъ и феодализмъ выдѣлили изъ народа два класса, которымъ принадлежали духовная и матеріальная власть въ обществѣ. Свѣтское общество, т.-е. дворянство, горожане и крестьяне по отношенію къ клиру были въ полномъ духовномъ подчиненіи, отрицавшемъ какую бы то ни было моральную свободу личности. Съ другой стороны, политическій феодализмъ дополнялся въ области соціальныхъ отношеній крѣпостничествомъ, лишавшимъ народную массу и матеріальной свободы. Однимъ словомъ, *католико-феодальныя формы средневѣковаго строя были неблагопріятны для индивидуальной свободы*, причемъ католицизмъ стѣснялъ внутреннюю свободу личности, феодализмъ — внѣшнюю. Господство католико-феодальнаго строя предполагаетъ не только слабость государства, но и неразвитость личнаго начала въ общественной жизни, равно какъ и разрушеніе этой системы велось не только сверху, т.-е. государственною властью во имя такъ или иначе понимаемаго общаго блага, но и снизу, придавленными силами общества во имя личной свободы, была ли то гражданская свобода, которой добивались горожане и крестьяне, тяготившіеся феодальнымъ гнетомъ, или свобода духовная, дѣятелями которой являлись гуманисты, реформаторы, „просвѣтители“ XVIII в. Появленіе первыхъ признаковъ эманципаціонныхъ движеній въ обществѣ было также провозвѣстіемъ новаго времени.

Я надѣюсь, что изложеннаго будетъ достаточно для оправданія той точки зрѣнія, съ которой средніе вѣка характеризуются, какъ время установленія и господства католико-феодальной системы культурныхъ и соціальныхъ отношеній, а новое время обозначается, какъ время упадка и разложенія этой системы. Въ исторіи новаго времени мы все еще имѣемъ дѣло съ этими двумя основными явленіями западно-европейской образованности и гражданственности, но это — эпоха ихъ упадка, разложенія, успѣшной борьбы съ ними, ихъ приспособленія къ новымъ рамкамъ. Я позволю себѣ резюмировать все

сказанное, чтобы представить, въ какихъ явленіяхъ вообще мы должны видѣть существенныя особенности новой исторіи.

1) Средневѣковое объединеніе Запада на почвѣ католицизма нарушается религіозной реформаціей XVI в., подготовлявшейся уже въ предыдущія столѣтія.

2) Средневѣковое феодальное раздробленіе уступаетъ мѣсто національному объединенію новаго времени.

3) Средневѣковая, чисто церковная культура смѣняется свѣтскою образованностью новаго времени, прежде всего проявляющейся въ гуманизмѣ XIV—XVI вв.

4) Средневѣковыя феодальныя начала перестаютъ господствовать въ политическихъ, юридическихъ и экономическихъ отношеніяхъ новаго времени.

5) Главнѣйшія движенія новаго времени, реформаціонное въ XVI в. и преобразовательное въ XVIII в. (просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція) были движеніями—одно антикатолическимъ, другое — антифеодальнымъ.

6) Средневѣковые католицизмъ и феодализмъ создали два привилегированныхъ сословія, которыя время отъ времени производятъ реакцію противъ враждебныхъ имъ силъ новаго времени, и ими же были созданы идеалы монашества и рыцарства, замѣняющіеся въ новое время иными идеалами.

7) Въ средніе вѣка произошла феодализація церкви, конецъ коей приходитъ съ началомъ секуляризаціи церковныхъ земель въ эпоху реформаціи. Въ новое время падаютъ монашеско-рыцарскіе ордена и прекращаются крестовые походы.

8) Средневѣковая католико-феодальная система возможна была лишь при ослабленіи государственной власти и личной свободы, новое же время есть эпоха развитія государственности и индивидуализма, причемъ, замѣтимъ мимоходомъ, первая дѣлала болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ второй, пока со стороны послѣдняго не началась реакція противъ поглощенія личности въ государствѣ.

За начало новой исторіи принимается обыкновенно конецъ XV в. (открытіе Америки) или начало XVI в. (начало реформаціи 1517 г.), а само XV столѣтіе съ предыдущимъ вѣкомъ иными относятся къ новому времени, иными къ среднимъ вѣкамъ, что указываетъ на ихъ двойственный, переходный характеръ, вслѣдствіе чего одни явленія въ ихъ исторіи имѣютъ несомнѣнно значеніе фактовъ новой исторіи (напр., гуманизмъ), тогда какъ другія отмѣчены еще чертами католико-феодальнаго быта. Вообще строгой грани установить здѣсь нельзя; хронологическое отдѣленіе среднихъ вѣковъ отъ новаго времени всегда будетъ нарушаться ихъ разграниченіемъ съ точки зрѣнія

культурно-соціальной, ибо и въ среднихъ вѣкахъ мы найдемъ не мало явленій, изъ коихъ развилось все культурное и соціальное содержаніе новой исторіи, и, наоборотъ, въ новомъ времени придется встрѣчаться съ такими остатками и слѣдами средневѣковаго быта, которые не могутъ считаться простыми переживаніями. Тѣмъ не менѣе XVI в мы уже несомнѣнно относимъ къ новому времени, а не къ среднимъ вѣкамъ; XIII столѣтіе во всякомъ случаѣ будемъ считать средневѣковымъ, отнюдь не новымъ, но о XIV и XV можно еще спорить. Начиная болѣе подробное изложеніе съ XVI в., я предпошлю ему общее изображеніе XIV и XV вѣковъ [1]. Главнымъ же предметомъ нашимъ будетъ исторія новой европейской гражданственности и образованности, выросшей на средневѣковой почвѣ, но измѣненной расширеніемъ исторической сцены въ концѣ XV в. (открытіе Америки и морского пути въ Индію) и обращеніемъ къ классическому и христіанскому источникамъ цивилизаціи (Возрожденіе и реформація).

III. Культурно-соціальная исторія.

Теоретическая точка зрѣнія.—Прагматическая и культурно-соціальная исторія.—Существенное содержаніе исторіи.—Католико-феодальная среда съ точки зрѣнія принциповъ и интересовъ.—Примѣненіе той же точки зрѣнія къ новой исторіи.—Общая исторія и исторіи спеціальныя.—Безсознательная философія общества и соціальная структура.—Идеологизмъ и экономическій матеріализмъ.—Переходъ къ дальнѣйшему.

Предыдущія разсужденія опредѣляютъ то существенное содержаніе, которое должно наполнить внѣшнія рамки нашего изложенія западно-европейской исторіи въ новое время. Католицизмъ и феода-

---

[1]) Исторія Европы въ переходную отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени эпоху была предметомъ соч. *Fr. Kortum*'а и *K. A. von Reichlin — Meldegg*'а подъ заглавіемъ Geschichte Europa's im Uebergange vom Mittelalter zur Neuzeit. Этотъ трудъ (два тома) можетъ служить дополненіемъ къ нашему обзору, заключая въ себѣ внѣшнюю политическую исторію съ середины XV вѣка до начала XVI (приблизительно до реформаціи), исторію открытій и завоеваній внѣ Европы отъ открытія Америки до завоеванія Мексики и Перу, равно какъ исторію образовательныхъ искусствъ и отдѣльныхъ наукъ въ эту же эпоху (кромѣ краткаго очерка „возрожденія наукъ посредствомъ классическихъ занятій" и довольно большого очерка реформаціонной эпохи), т.-е. такихъ предметовъ, которые выходятъ изъ плана нашего обзора и по которымъ, между прочимъ, см. *Peschel.* Geschichte des Zeitalters der Endeckungen. — *Falkenstein.* Geschichte der Buchdruckerkunst. — *Poppe.* Geschichte der Erfindungen. Кромѣ того, обращаю вниманіе на 9 томъ Weltgeschichte *Ранке.*

лизмъ не произвольно выбранныя явленія: это — понятія, въ коихъ обобщается громадная масса самыхъ важныхъ и разнообразныхъ фактовъ культурной и соціальной жизни западныхъ народовъ, это — общія категоріи, по которымъ могутъ быть разнесены господствующія идеи и главныя учрежденія среднихъ вѣковъ. Однимъ словомъ, вышеизложенный взглядъ на содержаніе средневѣковой и отчасти новой исторіи есть результатъ обобщенія, а не апріорное построеніе, основанное на какихъ-либо отвлеченныхъ соображеніяхъ, — результатъ обобщенія, произведеннаго, однако, все-таки съ извѣстной теоретической точки зрѣнія. Я и займусь теперь принципіальнымъ обоснованіемъ этой точки зрѣнія [1]).

Извѣстно, что исторія занималась прежде всего событіями, складывающимися изъ человѣческихъ дѣяній. Назовемъ исторію событій исторіей прагматической и противопоставимъ ей исторію культурно-соціальную, предметомъ которой является матеріальный, духовный и общественный бытъ народовъ. Въ сущности, событія и бытъ, человѣческія дѣйствія и формы жизни суть только двѣ стороны одного и того же процесса, находящіяся между собою во взаимодѣйствіи, причемъ одну сторону мы представляемъ себѣ, какъ послѣдовательность прагматическихъ фактовъ (событій, происшествій, отдѣльныхъ поступковъ), находящихся между собою въ причинной связи, т.-е. связанныхъ между собою, какъ причины и слѣдствія одни другихъ, а другую сторону разсматриваемъ, какъ послѣдовательность фактовъ культурныхъ и соціальныхъ, соединенныхъ между собою отношеніями эволюціонными, т.-е. развивающихся одни изъ другихъ, представляющихъ собою лишь разные моменты въ развитіи однихъ и тѣхъ же явленій. Взаимодѣйствіе между этими двумя сторонами исторіи заключается въ томъ, что человѣческія дѣятельности, слагающіяся въ прагматическіе факты, въ историческія событія, въ общественныя движенія, бываютъ обусловлены извѣстными обстоятельствами культурнаго и соціальнаго свойства и въ свою очередь имѣютъ результатомъ своимъ—измѣненія въ формахъ культурнаго и соціальнаго быта, въ свою же еще очередь зависящаго такимъ образомъ отъ прагматической стороны исторіи. Исторія крестовыхъ походовъ есть исторія прагматическая, въ которой мы можемъ связать отдѣльные моменты, какъ причины и слѣдствія, но эта исторія событій, совокупность коихъ составляетъ собою крестовые походы, вполнѣ уяснится для насъ, если мы обратимъ вниманіе на культурныя и соціальныя условія, поро-

[1]) См. мои „Основные вопросы философіи исторіи“ (3 изд. 1897) и „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи“ (1890), а также „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ“ (1896).

дившія эти походы, условія католико-феодальнаго быта, и лишь тогда получится полное знаніе этого предмета, когда приняты будутъ въ расчетъ культурно-соціальные результаты этого прагматическаго движенія, результаты въ извѣстныхъ измѣненіяхъ быта. Съ другой стороны, трансформація католико-феодальнаго общества въ общество новаго времени относится къ исторіи культурно-соціальной, въ которой однѣ стадіи общественнаго бытія представляются намъ развившимися изъ другихъ, но эта трансформація имѣла свои причины въ извѣстныхъ событіяхъ, въ извѣстныхъ движеніяхъ, происходившихъ въ отдѣльныхъ слояхъ общества или въ цѣлыхъ націяхъ, въ извѣстныхъ поступкахъ отдѣльныхъ личностей и имѣла свои прагматическія слѣдствія, вызывая новые и новые поступки, движенія и событія. Однимъ словомъ, сцѣпленія прагматическихъ фактовъ, образованныя по принципу причинности, и ряды фактовъ культурно-соціальныхъ, основанные на идеѣ развитія (эволюціи), постоянно между собою переплетаются, т.-е. дѣянія и событія, идущія своимъ чередомъ, и формы быта, слѣдующія однѣ за другими своимъ же порядкомъ, находятся еще и во взаимодѣйствіи, такъ какъ факты прагматическіе, кромѣ причинъ и слѣдствій въ области такихъ же прагматическихъ фактовъ, состоятъ подъ вліяніемъ условій и участвуютъ въ созданіи результатовъ культурно-соціальныхъ, а культурно-соціальные факты, помимо принадлежащей имъ эволюціонной связи, имѣютъ еще каузальную связь съ фактами прагматическими, порождаясь ими, какъ ихъ слѣдствія, и порождая ихъ, какъ ихъ причины. Если историкъ обязанъ представить исторію общества, состоящаго изъ отдѣльныхъ дѣйствующихъ личностей и существующаго съ опредѣленными міровоззрѣніемъ и строемъ, то лучше всего онъ рѣшитъ свою задачу, когда изобразитъ взаимодѣйствіе прагматизма съ культурою и соціальной организаціей, взаимодѣйствіе человѣческихъ дѣятельностей (съ ихъ условіями и результатами) и духовно-общественной среды (съ присущими ей мотивами и вырабатывающими въ ней слѣдствіями этихъ дѣятельностей). Я не привожу здѣсь тѣхъ выводовъ, которые можно сдѣлать отсюда для теоретическаго пониманія сущности историческаго процесса, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко, и не касаюсь сложнаго и труднаго вопроса о роли личности въ исторіи, опредѣляемой, какъ взаимодѣйствіе между личностью и культурно-соціальной средой, т.-е. между дѣятельностями отдѣльныхъ индивидуумовъ и формами быта цѣлаго общества, такъ какъ и этотъ вопросъ отвлекъ бы насъ въ сторону, но вотъ тѣ выводы, которые необходимо нужно сдѣлать для опредѣленія того, что̀ же должно считаться существеннымъ содержаніемъ исторіи, разсматриваемой съ самой общей точки зрѣнія.

Этихъ выводовъ два. Во-первыхъ, въ области прагматическихъ

фактовъ наибольшую важность имѣютъ тѣ, которые не только порождали другіе прагматическіе факты, но и оказывали дѣйствіе на культурно-соціальную среду. Съ этой точки зрѣнія можно классифицировать историческія событія по ихъ значенію для развитія формъ быта: въ драматическомъ отношеніи событіе можетъ быть весьма интереснымъ, весьма эффектнымъ и въ качествѣ такового обратить на себя вниманіе психолога или художника, но оно можетъ быть лишено всякаго значенія въ смыслѣ фактора, игравшаго роль въ эволюціи культурныхъ и соціальныхъ формъ, и, наоборотъ, для исторіи измѣненій, происходящихъ въ этихъ формахъ, могутъ имѣть значеніе такіе человѣческіе дѣянія и поступки, которые не привлекутъ къ себѣ вниманія психолога, а еще менѣе того сдѣлаются предметомъ художественнаго изображенія. Съ другой стороны, и въ области фактовъ культурно-соціальныхъ не всѣ имѣютъ равное историческое достоинство и притомъ съ двоякой точки зрѣнія, а именно есть такіе, коими обусловливается или, наоборотъ, совсѣмъ не обусловливается прагматическое движеніе исторіи, и кромѣ того, есть такіе, коими опредѣляется или совсѣмъ не опредѣляется индивидуальное существованіе въ самыхъ важныхъ своихъ сторонахъ, — и на этомъ-то вотъ намъ нужно остановиться. Условія духовно-общественной среды, опредѣляющія дѣйствія, которыя входятъ въ составъ историческаго прагматизма, бываютъ двухъ категорій: поступки человѣка, получающіе историческое значеніе, могутъ быть обусловлены или извѣстными принципами, воспринятыми личностью, или извѣстными интересами, ею раздѣляемыми, и въ этомъ смыслѣ самое важное въ культурно-соціальной средѣ заключено въ ея принципахъ и интересахъ, которые оказываютъ вліяніе на содержаніе событій, совершающихся въ данной средѣ. Культурная или соціальная форма, не имѣющая принципіальнаго значенія или не воплощающая въ себѣ какого-либо интереса, съ точки зрѣнія общей и внутренней исторіи народа является чѣмъ-то частнымъ, второстепеннымъ, внѣшнимъ, несущественнымъ, ибо она не опредѣляетъ дальнѣйшаго историческаго движенія, и, во всякомъ случаѣ, она не можетъ итти въ сравненіе съ такимъ культурнымъ или соціальнымъ явленіемъ, въ коемъ заключенъ принципъ или интересъ, способный подвинуть отдѣльную личность на дѣятельность съ характеромъ историческимъ, сплотить отдѣльныя личности въ большую или малую культурную или соціальную группу, въ націю или государство, въ партію или сословіе, въ школу или фракцію, вызвать общественное движеніе, раздѣлить общество на отдѣльные классы или направленія, борьба между которыми будетъ также входить въ составъ прагматической стороны историческаго процесса. Возможность такой роли культурно-

соціальныхъ фактовъ, имѣющихъ значеніе принятыхъ въ обществѣ принциповъ или отношеніе къ интересамъ, существующимъ въ обществѣ, обусловливается тѣмъ, что положеніе и судьба личности въ обществѣ опредѣляются именно формами, въ коихъ проявляются принципы или интересы цѣлаго общества либо отдѣльныхъ его группъ, каковы партіи или классы: въ другомъ мѣстѣ я уже доказывалъ, что культурно-соціальными элементами первостепеннаго значенія являются поэтому идеи и учрежденія, — идеи, въ коихъ формулируются извѣстныя міровоззрѣнія, извѣстные моральные и соціальные принципы, извѣстные интересы національные, государственные, сословные, классовые, партійные, профессіональные, и учрежденія, опять-таки имѣющія основу въ тѣхъ или другихъ интересахъ и охраняемыя тѣми или другими принципами.

Становясь на такую теоретическую точку зрѣнія, мы можемъ смѣло сказать, что культурно-соціальные принципы и интересы и связанныя съ ними идеи и учрежденія средневѣковаго общества цѣликомъ воплощаются въ понятіяхъ и отношеніяхъ, совокупность коихъ мы обозначаемъ, какъ католицизмъ и феодализмъ. Мы видѣли, что въ связи съ ними находятся важнѣйшія историческія движенія среднихъ вѣковъ и новаго времени, видѣли и то, что ими опредѣлялось индивидуальное существованіе однихъ людей, какъ духовныхъ пастырей и свѣтскихъ господъ, другихъ, какъ пасомыхъ и управляемыхъ. И въ основѣ католицизма, и въ основѣ феодализма лежали извѣстные принципы, въ коихъ заключались и общепринятые взгляды на человѣка, на его права и обязанности, на основанія общественныхъ различій, на источники вліянія и власти, на задачи общественной жизни и т. д. и т. д.,—принципы, по традиціи переходившіе изъ одного поколѣнія въ другое, опредѣлявшіе дѣятельность и судьбу отдѣльныхъ личностей, сплачивавшіе ихъ въ одномъ общемъ дѣлѣ, имѣвшіе своихъ спеціальныхъ представителей въ лицѣ духовныхъ и дворянъ. И католицизмъ, и феодализмъ были, кромѣ того, двумя организаціями, соотвѣтствовавшими извѣстнымъ общественнымъ интересамъ, удовлетворявшими извѣстнымъ потребностямъ,—организаціями, которыя, равнымъ образомъ, опредѣляли судьбу и дѣятельность отдѣльныхъ личностей, группируя ихъ въ особые классы по ихъ интересамъ и стремленіямъ. Однимъ словомъ, обобщая культурные и соціальные факты среднихъ вѣковъ, мы получаемъ понятія католицизма и феодализма, въ коихъ заключается или около коихъ сосредоточивается вся бытовая исторія европейскаго Запада въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, и на эти же общія понятія наводитъ насъ примѣненіе къ средневѣковой исторіи того теоретическаго воззрѣнія, по которому существенное въ жизни на-

родовъ суть ихъ идеи и учрежденія, въ коихъ формулируются и воплощаются тѣ принципы и интересы, какими живутъ и подвигаются къ дѣятельности отдѣльныя личности, общественные классы, сословія, партіи и иныя особыя группы, наконецъ, цѣлыя націи и государства и даже цѣлые историческіе міры въ родѣ разсматриваемаго нами западно-европейскаго міра.

Я не сталъ бы прибѣгать къ приведеннымъ теоретическимъ соображеніямъ, если бы дѣло касалось только средневѣковой образованности и гражданственности, выразившейся въ католико-феодальныхъ системѣ идей и организаціи учрежденій, если бы не было надобности указать на нѣкоторыя общія положенія, которыя положены въ основу нашего изображенія новой исторіи. Признавая въ историческомъ процессѣ взаимодѣйствіе личности и культурно-соціальной среды, взаимодѣйствіе людскихъ дѣятельностей съ формами духовнаго и общественнаго быта и тѣмъ самымъ опредѣляя относительную важность тѣхъ или другихъ прагматическихъ и культурно-соціальныхъ фактовъ, я и въ дальнѣйшей исторіи долженъ буду выдвигать на первый планъ тѣ событія и движенія, въ коихъ проявились извѣстные принципы и интересы внутренней жизни западно-европейскихъ обществъ, или которые вносили измѣненіе въ данную систему принциповъ и организацію интересовъ,—сосредоточивая вмѣстѣ съ тѣмъ все вниманіе въ области не-прагматическихъ фактовъ на идеяхъ и учрежденіяхъ, опуская все, что не имѣетъ принципіальнаго въ духовномъ или общественномъ смыслахъ значенія, что не относится къ интересамъ отдѣльныхъ личностей или группъ, что безразлично, однимъ словомъ, съ самой общей точки зрѣнія на жизнь общества, хотя и было важнымъ при болѣе спеціальныхъ точкахъ зрѣнія техники и эстетики, обычаевъ и нравовъ, комфорта и приличій, привычекъ и условныхъ правилъ и т. п., которыми также, конечно, исторія и можетъ, и должна заниматься, но которые нами сознательно устраняются изъ разсмотрѣнія, дабы основныя архитектурныя линіи культурно соціальнаго зданія новой исторіи не были загромождены и закрыты пестрой орнаментикой подробностей внѣшняго быта, въ родѣ описанія жилищъ, одежды, домашней утвари, орудій труда, вооруженія, украшеній всякаго рода, техническихъ производствъ, увеселеній, зданій, картинъ, статуй, житейскихъ сценъ и т. д., однимъ словомъ, всего того, что поддается изображенію въ иллюстрирующемъ описаніе рисункѣ, но что само по себѣ безразлично съ точки зрѣнія принциповъ и интересовъ, доступныхъ только абстрактному воспроизведенію: вѣдь и католицизмъ съ феодализмомъ можно было бы представить не въ видѣ абстрактной системы, не въ видѣ схематической орга-

низаціи, а въ конкретныхъ образахъ готическаго собора и феодальнаго замка, церковныхъ процессій и рыцарскихъ турнировъ, или въ видѣ бытовыхъ сценъ, которыхъ такъ много можно найти въ новѣйшей исторической живописи или иллюстраціи къ историческимъ сочиненіямъ.

Для того, чтобы оправдать такой взглядъ на исторію, — конечно, не исключающій другихъ взглядовъ, — нужно составить себѣ надлежащее представленіе о томъ, чѣмъ должна быть общая исторія, не какъ сумма или механическое соединеніе спеціальныхъ исторій религіи, философіи, науки, литературы, государства, права, народнаго хозяйства, а какъ исторія самого общества, въ которомъ существуетъ все это, и исторія личности, чрезъ которую, въ которой и для которой равнымъ образомъ все это существуетъ: я же именно и имѣю въ виду исторію общества и тѣхъ условій, коими оно опредѣляло индивидуальное бытіе въ разныхъ мѣстахъ, въ разныя времена и въ разныхъ общественныхъ классахъ и положеніяхъ. Въ соціальной и исторической жизни различаются обособленныя до нѣкоторой самостоятельности по своему содержанію и по способамъ своего развитія сферы, каковы религія, философія, наука, литература, политика, народное хозяйство и т. п., такъ что состояніе или развитіе каждой такой сферы можетъ быть представлено отдѣльно. Тѣмъ не менѣе всѣ онѣ существуютъ не сами въ себѣ, а въ цѣломъ общественной жизни, находясь между собою въ извѣстныхъ взаимоотношеніяхъ, почему, напр., измѣненія въ экономической сферѣ отражаются такъ или иначе и на политикѣ, и на правѣ, и на моральныхъ принципахъ, равно какъ и идейныя измѣненія не проходятъ безслѣдно для исторіи государственныхъ учрежденій, правовыхъ нормъ, соціально-экономическихъ отношеній или для исторіи литературы и искусства. Каждая спеціальная исторія изображаетъ одно какое-либо частное развитіе и только, такъ сказать, черезъ его призму разсматриваетъ эволюцію самого общества и другія частныя эволюціи; но то, что при изображеніи частной сферы культурно-соціальнаго быта имѣетъ большое значеніе, можетъ быть лишено всякаго интереса, будучи перенесено на почву всей совокупности явленій духовной и общественной жизни народовъ. Я держусь той точки зрѣнія, что общая исторія возникаетъ не изъ простого соединенія исторій спеціальныхъ, а изъ такого ихъ сочетанія, при которомъ все, слишкомъ спеціализирующее отдѣльныя стороны общественнаго бытія, стушевывается. Общій историкъ не можетъ и не долженъ вносить въ свое изображеніе прошлаго—всего того, что̀ вносятъ въ свои историческія представленія спеціальные историки литературы или права, церкви или искусства, философіи или хозяйственнаго быта, политическихъ учре-

жденій или науки. Общій историкъ будетъ пользоваться фактами той или иной спеціальной исторіи, когда въ нихъ особенно рельефно выражается эпоха, когда они имѣли особое вліяніе на всю общественную эволюцію, ибо для него важны литературныя или юридическія явленія, церковные или эстетическіе факты и т. п. не сами по себѣ, а какъ частныя отраженія общаго состоянія общества, не какъ звенья въ процессѣ литературныхъ, правовыхъ, религіозныхъ, художественныхъ измѣненій, а какъ факторы всей общественной эволюціи. Общій историкъ стремится найти и опредѣлить общую подкладку фактовъ, относящихся къ разнымъ сферамъ жизни, то общее русло, по которому совершается теченіе отдѣльныхъ элементовъ культурно-соціальной среды; спеціальные историки, разсматривающіе общую эволюцію черезъ призму эволюцій частныхъ, конечно, будутъ нѣсколько различнымъ образомъ представлять себѣ общій фонъ общественной жизни въ данное время, и, напримѣръ, для историка литературы онъ будетъ иной, чѣмъ для историка права, но обязанность общаго историка въ томъ и заключается, чтобы, такъ сказать, привести къ одному знаменателю условныя точки зрѣнія спеціалистовъ по литературѣ и по праву, по церковной или художественной исторіи, по политической экономіи или философіи и представить общую подкладку всего разнообразія исторической жизни. Понятное дѣло, что отношеніе спеціальной исторіи къ общей опредѣлится мѣстомъ и значеніемъ данной частной эволюціи въ эволюціи общей вообще и въ частности значеніемъ одной для другой въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Напримѣръ, вообще въ жизни общества политическія формы играютъ болѣе важную роль, чѣмъ техническіе пріемы и эстетическіе принципы архитектора, скульптора, живописца и композитора, а въ одной и той же области содержаніе, внутренній смыслъ, принципіальная сторона важнѣе формы, внѣшнихъ признаковъ, стороны технической; или церковные вопросы въ XVI в. стояли съ жизнью въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ впослѣдствіи, равно какъ французская просвѣтительная литература XVIII вѣка соприкасалась съ общимъ ходомъ исторіи сильнѣе и многостороннѣе, чѣмъ средневѣковая монастырская письменность [1]).

Что же можно принять за общій фонъ историческаго изображенія съ наиболѣе общей точки зрѣнія? Отдѣльные элементы культуры далеко не въ равной степени (и въ однихъ и тѣхъ же элементахъ далеко не въ одинаковомъ смыслѣ отдѣльныя ихъ стороны) бываютъ показателями уровня интеллектуальнаго и моральнаго развитія лич-

---

[1]) См. болѣе подробное развитіе этой мысли въ моей книгѣ „Литературная эволюція на Западѣ“ (1886).

пости въ разныхъ обществахъ и въ различныхъ слояхъ одного и того же общества, равно какъ и сами элементы эти и ихъ отдѣльныя стороны—опять-таки одни совершенно не такъ, какъ другіе,—могутъ служить для характеристики общаго состоянія цѣлой страны, всего ея населенія, общаго развитія цѣлаго общества и разныхъ группъ, входящихъ въ его составъ. Человѣческое самопониманіе, теоретическое и практическое, выражающееся въ томъ, какъ человѣкъ сознаетъ не только свое „я“ со стороны его ума, чувства и воли, но и свои отношенія къ міру и человѣку,—самопониманіе, заключающееся въ религіяхъ, философскихъ системахъ, моральныхъ кодексахъ, политическихъ принципахъ, научныхъ теоріяхъ,—это самопониманіе, способное сдѣлаться общественнымъ фактомъ, разъ оно не ограничивается единичною личностью, а составляетъ безсознательную философію цѣлаго общества, и есть одно, что̀ составляетъ общій фонъ эпохи [1]), взятый съ внутренней или идейной его стороны; но у этого фона есть и другая сторона, сторона внѣшняя, сторона фактическихъ отношеній между людьми, складывающихся въ извѣстныя постоянныя системы, которыя мы можемъ назвать соціальными формами или общественной структурой, являющейся намъ въ видѣ политической организаціи государства съ санкціонируемымъ имъ правомъ, либо соціальнаго—въ болѣе тѣсномъ смыслѣ—строя экономическихъ классовъ. Индивидуальное самопониманіе, переходящее въ безсознательную философію общества, способную уясняться умственною дѣятельностью отдѣльныхъ личностей, и общественное устройство, опредѣляющее положеніе и судьбу всѣхъ членовъ даннаго общества и членовъ отдѣльныхъ его классовъ—вотъ тотъ общій фонъ, о которомъ идетъ рѣчь, какъ о предметѣ главнаго интереса общей исторіи. Безсознательная философія общества есть результатъ психическаго воздѣйствія однихъ его членовъ на другихъ, и, съ этой стороны, она составляетъ психологическую подкладку историческаго бытія. Но люди обмѣниваются не одпѣми идеями: они обмѣниваются продуктами своего труда и взаимными услугами, т.-е. находятся не только въ психическомъ взаимодѣйствіи, но и во взаимодѣйствіи экономическомъ, на почвѣ коего выростаетъ извѣстная общественная структура. Матеріальныя и духовныя потребности личности удовлетворяются въ обществѣ такимъ образомъ взаимодѣйствіемъ двоякаго рода, и соотвѣтственно этому основа культурно-соціальныхъ явленій есть основа двойственная—психологическая и экономическая.

Было время, когда историческая наука искала основы истори-

---

[1]) См. развитіе этой мысли въ статьѣ моей „Философія, исторія и теорія прогресса“ (Историко-философскіе и соціологическіе этюды. 1895).

ческаго процесса въ одномъ движеніи идей, видя въ перемѣнахъ, которыя происходятъ въ сферѣ культурныхъ идей общества, источникъ всѣхъ историческихъ перемѣнъ. Односторонность историческаго идеологизма очевидна сама собою, но не менѣе очевидна и односторонность того „экономическаго матеріализма", который поставилъ себя на мѣсто прежняго историческаго міросозерцанія, объявивъ, что экономическій строй общества каждой данной эпохи представляетъ ту реальную почву, свойствами коей объясняется въ послѣднемъ анализѣ вся надстройка, образуемая совокупностью не только правовыхъ и политическихъ учрежденій, но и воззрѣній религіозныхъ, моральныхъ, философскихъ и прочихъ каждаго даннаго періода. Въ своемъ представленіи историческаго движенія на Западѣ я буду исходить изъ той общей мысли, что обѣ эти общія концепціи ложны, какъ одностороннія увлеченія, неспособныя объяснить все въ исторіи, и тѣмъ не менѣе истинны, какъ обобщенія опредѣленныхъ категорій фактическаго содержанія исторіи, но не могу здѣсь взять на себя задачу теоретически обосновать свой тезисъ о несводимости всѣхъ культурно-соціальныхъ фактовъ или къ одной идейной, психической основѣ, или къ одной основѣ матеріальной, экономической [1]). Политическая и юридическая надстройка на экономическомъ фундаментѣ еще допустима, да и то съ разными оговорками, но чтобы роль такихъ же надстроекъ играли религія, философія, наука, поэзія, искуство, съ этимъ согласиться нельзя. Съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія общественная среда, конечно, должна и различнымъ образомъ представляться историку: или это среда, опредѣляемая преобладающими въ ней идеями, или это среда, характеризуемая господствующими въ ней интересами, и такъ какъ ни въ одномъ, ни въ другомъ случаѣ на извѣстной ступени общественнаго развитія среда эта не бываетъ однородною, распадаясь на группы съ разными идеями и на классы съ неодинаковыми интересами, а между этими группами и классами происходитъ борьба, то борьба эта понимается или въ смыслѣ столкновенія принциповъ, или въ смыслѣ столкновенія интересовъ. Оба взгляда необходимо дополняютъ одинъ другой, и хотя культурныя группы и соціальные классы не всегда и не во всемъ совпадаютъ одни съ другими, тѣмъ не менѣе общность интересовъ, одинаковость положенія въ обществѣ всѣхъ членовъ одного и того же соціальнаго класса предрасполагаетъ къ тому, чтобы они и въ культурномъ отношеніи составляли одну группу въ обществѣ.

[1]) См. мои „Старые и новые этюды объ экономическомъ матеріализмѣ". 1896. Болѣе краткое изложеніе того же предмета представляетъ собою статья „Экономическій матеріализмъ въ исторіи" (въ „Историко-философскихъ и соціологическихъ этюдахъ").

Теперь мы и перейдемъ къ изображенію культурно-соціальнаго состоянія западно-европейскаго общества при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, исходя изъ той точки зрѣнія, что католицизмъ былъ для средневѣковой Европы не только вѣроисповѣданіемъ, но и цѣлой системой индивидуальнаго и соціальнаго самопониманія, отражавшагося и на учрежденіяхъ того времени, а феодализмъ—всеобъемлющей структурой общества, проявлявшейся и въ области идей моральныхъ и соціальныхъ. Такъ какъ нужно прежде познакомиться съ внѣшнимъ положеніемъ носителей средневѣковаго міросозерцанія, то мы и начнемъ съ разсмотрѣнія общественной структуры среднихъ вѣковъ, чтобы узнать вмѣстѣ съ тѣмъ, какіе общественные классы принимали участіе въ прагматической сторонѣ новой исторіи, разсматриваемой, какъ борьба представителей различныхъ культурно-соціальныхъ принциповъ и интересовъ. Но и потомъ передъ тѣмъ, какъ перейти къ католицизму, намъ нужно будетъ еще остановиться на личномъ началѣ въ процессѣ исторіи.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ФОРМЫ КОНЦА СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

IV. Феодальное устройство [1]).

Соціальная и политическая сторона феодализма.—Его опредѣленіе.—Королевская власть, церковь и города въ феодальную эпоху.—Господство феодализма въ разныхъ сторонахъ быта.—Феодальныя реакціи.—Дворянство въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ.

Опредѣляя феодализмъ, мы должны различать въ немъ двѣ стороны, изъ которыхъ одна и появляется ранѣе, и позднѣе исчезаетъ въ общественной исторіи европейскаго Запада, тогда какъ время господства другой охватываетъ собою сравнительно меньшій промежутокъ времени. Одна изъ этихъ сторонъ—соціальная, другая—политическая. Когда заходитъ рѣчь о феодализмѣ, обыкновенно имѣется въ виду вторая сторона, и подъ нимъ тогда разумѣется *распаденіе государства на мелкія владѣнія, въ которыхъ власть государя смѣшивается съ властью помѣщика и которыя находятся въ іерархической зависимости однѣ отъ другихъ:* существенными чертами феодализма съ этой точки зрѣнія являются раздробленіе верховной власти, соединеніе ея съ землевладѣніемъ и установленіе вассальной іерархіи между государями-помѣщиками. Процессъ, приведшій государство къ такому состоянію, заключался въ расхищеніи королевскихъ правъ аристократическими элементами общества, въ смѣшеніи частно-правовыхъ, аграрныхъ отношеній съ отношеніями государственными, политическими и въ развитіи совершенно особенной формы политиче-

---

[1]) Оріентироваться по вопросу о происхожденіи феодализма и найти литературу можно во вступительной главѣ соч. проф. *П. В. Виноградова.* Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи.

ской зависимости, въ силу которой одинъ феодальный владѣлецъ былъ вассаломъ другого и самъ могъ имѣть вассаловъ. Чѣмъ независимѣе были феодальные владѣльцы отъ короля, чѣмъ болѣе землевладѣніе было основою политической власти и чѣмъ болѣе общество расчленялось по іерархическимъ ступенямъ, тѣмъ болѣе та или другая страна въ разныя времена или разныя страны въ одно и то же время могутъ быть названы феодальными. Съ другой стороны, процессъ разрушенія феодализма, взятаго съ политической своей стороны, долженъ былъ заключаться въ государственномъ объединеніи, въ отдѣленіи верховной власти отъ землевладѣнія и въ исчезновеніи вассалитета: верховная власть сосредоточивается въ однѣхъ рукахъ, феодальные сеньеры превращаются въ помѣщиковъ, іерархическая лѣстница замѣняется всеуравнивающимъ подданствомъ. Разсматривая съ такой точки зрѣнія внутреннюю исторію западной Европы, мы можемъ сказать, что эпохой полнаго развитія политическаго феодализма — да и то не вездѣ въ одинаковой степени — было время, протекшее отъ распаденія монархіи Карла Великаго до конца крестовыхъ походовъ, т.-е. беря круглыя цифры, отъ 850 до 1250 года, т.-е. около четырехъ вѣковъ, періодъ, примыкающій своимъ началомъ къ долговременному процессу феодализаціи, а въ послѣднихъ своихъ временахъ сливающійся съ эпохою возрожденія государственнаго начала и роста королевской власти, которая къ эпохѣ реформаціи дѣлаетъ значительные успѣхи. Такимъ образомъ новая исторія начинается въ эпоху разрушенія политическаго феодализма. Сводя, далѣе, къ основному началу явленіе феодализма, какъ политической системы, мы должны признать, что начало это заключается въ *нераздѣльности власти и землевладѣнія*: въ феодальной системѣ немыслимы ни землевладѣніе безъ власти, ни власть безъ землевладѣнія; въ постепенномъ соединеніи того и другого и заключался процессъ феодализаціи; въ разлученіи — процессъ разрушенія политическаго феодализма.

Переходимъ къ другой сторонѣ феодализма. Исторія западной Европы въ соціальномъ отношеніи за весьма продолжительный періодъ времени можетъ быть представлена, какъ исторія сначала постепеннаго пріобрѣтенія землевладѣльческимъ классомъ политической власти, а потомъ постепенной утраты этой власти: до полнаго торжества политическаго феодализма во второй половинѣ IX вѣка уже существовало крупное землевладѣніе съ нѣкоторыми особенностями, подготовлявшими переходъ верховной власти къ его представителямъ въ обществѣ, и это же землевладѣніе продолжало существовать и въ эпоху полнаго разрушенія политическаго феодализма, сохраняя, однако, многія черты, присущія землевладѣнію предыдущихъ періо-

довъ, такъ что и до установленія феодальной системы и послѣ ея паденія съ землевладѣніемъ связаны нѣкоторыя весьма характерныя особенности, и онѣ-то придаютъ земельной собственности феодальный характеръ. Давая опредѣленіе феодализму, Гизо, а за нимъ и другіе историки рядомъ съ соединеніемъ верховной власти и землевладѣнія и съ установленіемъ вассальной іерархіи между владѣльцами ставятъ еще юридическое явленіе замѣны полной земельной собственности условною, въ силу чего земля находится не въ полномъ, а въ зависимомъ обладаніи, т.-е. она бываетъ или феодомъ, владѣлецъ коего владѣетъ въ зависимости отъ своего сеньера, какъ его вассалъ, обязанный ему службою, или бываетъ цензивой, которую человѣкъ держитъ въ зависимости отъ землевладѣльца, будучи обязанъ по отношенію къ нему извѣстными повинностями. Двойное право на одну и ту же землю (dominium utile и dominium directum), характеризующее феодальныя отношенія, ведетъ свое начало изъ временъ болѣе раннихъ, когда короли меровингскаго періода раздавали бенефиціи за службу, изъ еще болѣе раннихъ временъ, когда именно въ Римской имперіи подъ названіемъ эмфитевзиса возникла особая поземельная сдѣлка, представлявшая изъ себя нѣчто среднее между куплей-продажей и арендой, причемъ эмфитевтъ дѣлался вѣчнымъ владѣльцемъ земли, но и вѣчно же долженъ былъ платить оброкъ ея настоящему собственнику. Съ другой стороны, двойное право на землю пережило политическій феодализмъ, и если оно не было особенно тяжело для владѣній дворянства, потомковъ феодальныхъ сеньеровъ, то продолжало еще тяготѣть надъ „держаніями“ простолюдиновъ, имѣвшими свой первообразъ въ эмфитевзисѣ. Въ эпоху полнаго развитія феодализма это двойное право совпадало съ политической іерархіей: феодъ былъ собственностью сеньера, но собственностью условною, ибо она ему принадлежала, какъ вассалу высшаго сеньера, отъ котораго и находилась въ зависимости. Иное значеніе имѣло то же двойное право по отношенію къ „держаніямъ“ простолюдиновъ, такъ какъ было связано не съ политическою, а съ соціальною, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ съ экономическою стороною феодализма, такъ какъ обладаніе феодомъ было соединено съ правами верховной власти, а держаніе земли для веденія на ней хозяйства за уплату оброка или за отбываніе натуральныхъ повинностей представляло собою чисто экономическое отношеніе. Обработка наслѣдственнаго участка земли въ зависимости отъ феодальнаго владѣльца и составляетъ соціальную сторону феодальнаго устройства, которое въ данномъ отношеніи можно опредѣлить, какъ *соединеніе крупнаго землевладѣнія съ мелкимъ хозяйствомъ, имѣвшее своимъ слѣдствіемъ обезпеченіе землею народной массы, съ одной стороны, а съ другой—сопровождавшееся юридическою*

зависимостью этой массы отъ землевладѣльцевъ. Формы соединенія крупной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ могли быть весьма разнообразны, допуская и краткосрочную аренду участка свободнымъ человѣкомъ, и вѣчное пользованіе однимъ и тѣмъ же участкомъ со стороны крѣпостного, и разныя промежуточныя формы, но сущность дѣла оставалась та же, и прототипомъ такого соединенія было хозяйственное устройство послѣднихъ временъ Римской имперіи, когда латифундіи дробились на мелкія хозяйственныя единицы, находившіяся въ обработкѣ прикрѣпленныхъ къ землѣ колоновъ. Феодальное землевладѣніе тѣмъ и характеризуется, что лишь на незначительной части земли велось собственное хозяйство сеньера барщиннымъ трудомъ подвластныхъ крестьянъ, вся же остальная земля на разныхъ условіяхъ зависимости раздроблялась на мелкіе участки, что̀ ставило народную массу въ непосредственное распоряженіе почвой и дѣлало невозможнымъ образованіе сельскаго пролетаріата. Зависимость отъ сеньера такихъ крестьянскихъ надѣловъ, выражаясь современнымъ терминомъ, могла быть разная, но существованіе изъ римской еще эпохи колоната, продолжающагося въ средневѣковомъ серважѣ (крѣпостничествѣ), вытекавшая изъ германскихъ взглядовъ потеря свободы человѣкомъ, который садился на чужую землю, переходъ къ крупнымъ собственникамъ государственныхъ правъ надъ населеніемъ, жившимъ въ ихъ сеньеріяхъ, — все это создавало и личную зависимость народной массы отъ феодальныхъ господъ, которая была тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе былъ развитъ политическій феодализмъ. Іерархическое расчлененіе общества, начинавшееся сверху отъ королевскихъ вассаловъ и доходившее до послѣднихъ подвассаловъ, продолжалось и внизу, гдѣ также мы замѣчаемъ разныя степени несвободы и лица̀, и земли, находившейся въ его пользованіи, но наиболѣе характерной особенностью соціальнаго феодализма было крѣпостничество, чисто юридическая зависимость человѣка отъ человѣка, сопровождавшая зависимость экономическую. Феодальный сеньеръ, господствующій надъ закрѣпощеннымъ населеніемъ, этотъ государь-помѣщикъ, являющійся вассаломъ другого такого же государя-помѣщика, только какъ бы смѣнилъ собою простого помѣщика (поссессора) римской эпохи, когда государство было еще сильно, но феодальный сеньеръ и въ новое время, когда королевская власть уже превратила его въ простого подданнаго, хотя бы и привилегированнаго, продолжаетъ оставаться помѣщикомъ, держащимъ въ экономической и юридической отъ себя зависимости крестьянское населеніе. Соціальный феодализмъ и начинается раньше, и кончается позже феодализма политическаго.

Какое же будетъ полное опредѣленіе феодализма, если принять

въ расчетъ все вышесказанное, т.-е. и политическую, и соціальную стороны этого устройства, имѣвшаго такое важное значеніе въ исторіи западной Европы въ средніе вѣка и въ новое время? Я думаю, что вывести такое опредѣленіе будетъ не трудно, если мы обратимъ вниманіе на то, что въ основѣ этого устройства находилось *обладаніе крупною земельною собственностью, сообщавшее владѣльцу права государственной власти, хотя и въ политической зависимости отъ высшаго владѣльца, и ставившее въ юридическую зависимость отъ него самого народную массу, которая однако вела самостоятельное хозяйство на мелкихъ участкахъ*, такъ что въ феодализмѣ соединялись съ крупнымъ землевладѣніемъ и верховная власть, и юридическая зависимость массы, и мелкое хозяйство. Процессъ разложенія феодализма, начавшійся въ политической сферѣ разлученіемъ землевладѣнія и верховной власти, которая стала отходить къ королямъ, продолжался въ соціальномъ отношеніи въ двухъ параллельныхъ процессахъ: съ одной стороны, это было высвобожденіе лица и земли изъ-подъ той крѣпости, какую на нихъ налагало феодальное право, причемъ лично свободные крестьяне весьма еще долгое время имѣли доступъ только къ несвободной землѣ, подлежавшей двойному праву, такъ что принципъ условной собственности оказался болѣе живучимъ, чѣмъ власть человѣка надъ человѣкомъ; съ другой стороны, это было постепенное открѣпленіе крестьянства отъ земли, разрушеніе тѣхъ связей, которыя установились между крупнымъ землевладѣніемъ и мелкимъ хозяйствомъ, и подготовленіе крупнаго хозяйства, основаннаго на трудѣ сельскаго пролетаріата, примѣръ чего представляетъ Англія.

Процессъ феодализаціи захватилъ собою всѣ стороны общественнаго устройства. Между прочимъ онъ сказался на характерѣ королевской власти, на политическомъ положеніи духовенства, на бытѣ городовъ въ средніе вѣка.

Въ числѣ крупныхъ собственниковъ, по рукамъ которыхъ разошлась верховная власть и которые сдѣлались сеньерами по отношенію къ жившимъ на ихъ земляхъ людямъ, были и духовныя лица — епископы, аббаты, каноники, — дѣлающіяся иногда могущественными владѣтельными князьями. Это былъ своего рода церковный феодализмъ, развивавшійся параллельно съ феодализмомъ свѣтскимъ, такъ что рядомъ съ титулованными сеньерами, расхитившими должности герцоговъ, графовъ, маркизовъ и т. п., и простыми баронами, въ феодальной іерархіи мы встрѣчаемъ и лицъ, облеченныхъ духовнымъ саномъ архіепископа, или епископа, или аббата. Когда палъ политическій феодализмъ, высшее духовенство испытало судьбу дворянства: оно превратилось въ привилегированное сословіе, сохранившее крупное землевладѣніе, сеньерьяльныя права и крѣпостныхъ крестьянъ.

Съ другой стороны, процессъ феодализаціи отразился и на судьбѣ городовъ, такъ какъ они подпали власти свѣтскихъ или духовныхъ сеньеровъ, т.-е. графовъ и епископовъ, кототорые стремились и надъ горожанами установить широкія права, какими пользовались надъ деревенскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ городъ превращался въ часть феодальной сеньеріи, горожане дѣлались чуть не крѣпостными своихъ сеньеровъ. Правда, въ эпоху крестовыхъ походовъ они освобождаются и часто сами организуются въ самостоятельныя владѣнія съ республиканскимъ устройствомъ, и такимъ образомъ рядомъ съ духовными и свѣтскими сеньеріями, управлявшимися монархически, появляются своего рода сеньеріи республиканскія, внутри себя уничтожающія всякіе слѣды феодализма, но и они вдвигаются въ общую политическую систему, какъ коллективные бароны, тоже въ своемъ родѣ королевскіе вассалы, нерѣдко пріобрѣтая и сеньерьяльныя права надъ окрестнымъ сельскимъ населеніемъ. Но церковь лишь одною своею стороною могла подчиняться феодальнымъ порядкамъ, а города, по существу дѣла, были живымъ противъ нихъ протестомъ, принявши дѣятельное участіе въ разрушеніи феодализма.

Феодализировалась и королевская власть, т.-е. та самая политическая сила, которой впослѣдствіи пришлось играть первенствующую роль въ дѣлѣ разрушенія политическаго феодализма. Верховная власть ушла изъ королевскихъ рукъ и раздробилась между множествомъ феодальныхъ сеньеровъ, наиболѣе значительные между которыми были королевскіе же чиновники, сдѣлавшіеся наслѣдственными. Въ этомъ процессѣ національная королевская власть могла и совершенно исчезнуть, какъ это и случилось въ Италіи: сохраниться она могла, лишь опираясь на феодальное владѣніе, ибо внѣ землевладѣнія не было верховнаго права, и для короля такимъ образомъ оставалась роль феодальнаго сеньера, государя-помѣщика по отношенію къ собственнымъ доменамъ и главы феодальной іерархіи по отношенію къ другимъ государямъ-помѣщикамъ, среди коихъ онъ былъ только, какъ первые Капетинги во Франціи, первый между равными (primus inter pares). Мы еще увидимъ, что и въ новое время, сокрушивъ феодализмъ и даже сдѣлавшись абсолютными монархами, короли сохранили еще нѣкоторыя черты своего происхожденія въ феодальномъ мірѣ.

Необходимо освоиться съ этими основными чертами феодализма для того, чтобы понимать внутреннюю исторію западной Европы въ эпоху его постепеннаго разложенія. Необходимо, съ другой стороны, всегда помнить, какой смыслъ скрывается подъ цѣлою массою выраженій, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ широко захватывалась и глубоко проникалась феодализмомъ общественная жизнь Запада. Фео-

дализмъ и феодализація, феодальное государство и общество, феодальный сеньеръ или монархъ, феодальная сеньерія или монархія, феодальное дворянство, феодальная присяга (вассала сюзерену), феодальная служба, феодальное войско, феодальный замокъ, феодальное право, феодальныя кутюмы (сборники права), феодальное судоустройство и судопроизводство, феодальная зависимость, феодальное землевладѣніе, феодальныя повинности, феодальное хозяйство и т. д.,— вотъ цѣлый рядъ выраженій, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу въ исторіи политическаго и соціальнаго быта Запада, и къ нимъ нужно прибавить еще феодальныя понятія, феодальныя традиціи, феодальныя стремленія, съ которыми историку приходится имѣть дѣло и въ довольно позднія времена. Дѣло въ томъ, что феодализмъ былъ не только устройствомъ, но и традиціей, въ коей воспитывались цѣлыя поколѣнія, принадлежавшія къ феодальному сословію. Разрушаемый сверху дѣйствіемъ государственной власти, подкапываемый снизу работою народной массы, феодализмъ уступалъ занятыя позиціи только съ боя и, теряя подъ собою почву, старался возвратить утраченное при первой къ тому возможности. Отсюда цѣлый рядъ феодальныхъ реакцій съ характеромъ антигосударственнымъ или антинароднымъ, смотря по тому, гдѣ представлялась большая возможность отстаивать старину — въ области ли политической, или въ области соціальной. Съ такими феодальными реакціями мы встрѣчаемся и въ новой исторіи, и соотвѣтственно съ тѣмъ отношеніемъ, въ какомъ находятся между собою политическая и соціальная стороны феодализма, крѣпче и упорнѣе всего держались именно соціальныя притязанія общественнаго класса, экономическая сила котораго заключается въ крупномъ землевладѣніи. Съ теченіемъ времени эти притязанія измѣнялись: традиція подвергалась вліянію новыхъ обстоятельствъ, и когда, напримѣръ, уже трудно было мечтать объ индивидуальномъ расхищеніи верховной власти, подобномъ тому, какое было въ эпоху феодализаціи, являлась мысль о пріобрѣтеніи политическаго вліянія всѣмъ сословіемъ, или когда уже нечего и думать было о возстановленіи всѣхъ утраченныхъ правъ надъ населеніемъ, оставалось хлопотать о преумноженіи соціальныхъ привилегій, которыя отличали бы дворянское сословіе отъ нижестоящихъ общественныхъ классовъ.

Въ новой исторіи за немногими исключеніями мы имѣемъ дѣло съ феодальнымъ дворянствомъ, какъ съ сословіемъ уже утратившимъ суверенныя права, но сохраняющимъ старое соціальное положеніе и даже пріобрѣтающимъ новыя привилегіи. Политическая его роль въ эпоху, предшествующую развитію королевскаго абсолютизма, когда оно превращается въ дворянство придворное или

служилое, заключается въ томъ, что вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ оно занимаетъ первенствующее мѣсто въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ, съ коими королевская власть принуждена итти рука объ руку въ переходную эпоху отъ монархіи феодальной къ монархіи абсолютной. Эти сословно-представительныя учрежденія сами возникаютъ на почвѣ феодальнаго быта съ прибавкою новаго, городского элемента, внесшаго въ политическую и соціальную жизнь западной Европы новыя начала. Взаимоотношеніе этихъ двухъ элементовъ — феодальнаго и муниципальнаго — составляетъ также одну изъ видныхъ сторонъ исторіи европейскихъ народовъ.

V. Муниципальный бытъ [1]).

Соціальное и политическое освобожденіе городовъ.—Его значеніе въ исторіи.—Роль городовъ въ образованіи сословно-представительныхъ учрежденій.—Различное положеніе городовъ въ отдѣльныхъ странахъ.—Образованіе городского сословія. — Борьба аристократіи и демократіи въ городахъ. — Дальнѣйшая судьба городовъ.

Процессомъ феодализаціи общества и государства былъ захваченъ и городской бытъ; надъ городами установилась политическая власть свѣтскихъ и духовныхъ феодаловъ, графовъ и епископовъ, и вмѣстѣ съ этимъ произошло уменьшеніе гражданской свободы городского населенія. Въ эпоху крестовыхъ походовъ въ главнѣйшихъ континентальныхъ государствахъ Запада, путемъ возстаній и договоровъ, совершалось освобожденіе городовъ изъ-подъ феодальнаго гнета, и въ этомъ освобожденіи мы замѣчаемъ два разные процесса, которые могли и не совпадать одинъ съ другимъ: съ одной стороны, это было *пріобрѣтеніе горожанами правъ свободнаго состоянія*, т.-е. прекращеніе въ городахъ соціальной стороны феодализма съ несвободою лица и земли, и во многихъ случаяхъ этимъ и ограничива-

---

[1]) *А. Смирновъ.* Коммуна средневѣковой Франціи.—*A. Thierry.* Essai sur la formation et les progrès du tiers état.—*Luchaire.* Les communes françaises à l'époque des Capétiens directs.—*Désmolins.* Mouvement communal et municipal au moyen âge. — *Мауреръ.* Введеніе въ исторію общиннаго, подворнаго ,сельскаго и городского устройства и общественной власти. *Его же* Geschichte der Städteverfassung im Mittelalter.—*Hüllmann* Städtewesen des Mittelalters.—*R. Sohm.* Die Entstehung des deutschen Städtewesens.—*Hegel.* Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter.—*Hegel.* Geschichte der Städteverfassung in Italien.—*Stephen* und *Merewether.*—History of the corporate boroughts. Ср. книгу проф. *И. И. Дитятина* „Устройство и управленіе городовъ Россіи", гдѣ есть небольшой очеркъ исторіи происхожденія городского самоуправленія въ западной Европѣ.

лись главныя измѣненія въ городскомъ быту: съ другой, происходило *пріобрѣтеніе городами правъ верховенства надъ своими жителями и территоріями*, иначе говоря, это было появленіе рядомъ съ феодальными владѣніями, управлявшимися монархически, своего рода муниципальныхъ сеньерій, находившихся подъ властью коллективныхъ бароновъ, появленіе городскихъ республикъ или коммунъ, какъ онѣ назывались на сѣверѣ Франціи. Въ обоихъ случаяхъ принципамъ феодализма наносился ущербъ, и впервые основы новаго соціальнаго и политическаго быта развивались въ городахъ. Землевладѣніе, на которое опиралась феодальная система, не играло въ городахъ той роли, какая ему принадлежала въ деревенской жизни: матеріальную подкладку городского быта составляютъ промышленность и торговля, и значеніе недвижимаго имущества вытѣсняется значеніемъ имущества движимаго—капитала. Такимъ образомъ въ городахъ возникаетъ общественный классъ, которому впослѣдствіи суждено было вступить въ конкурренцію съ представителями землевладѣнія, опираясь на другую экономическую силу, и аграрная система, лежавшая въ основѣ всей общественной жизни въ феодальную эпоху, должна была уступить извѣстную долю мѣста въ экономическомъ быту промышленности и торговлѣ. Это, однако, не все еще: города много ранѣе и гораздо полнѣе, нежели деревни, достигли освобожденія лица и земли отъ феодальной зависимости, ибо въ нихъ исчезаетъ крѣпостничество и двойное право на поземельную собственность, дѣлавшее изъ ея фактическихъ обладателей только зависимыхъ и обязанныхъ оброкомъ держателей. Другими словами, въ городскомъ быту восторжествовали принципы личной и имущественной свободы, коими и опредѣлилось содержаніе права, вырабатывавшагося въ городахъ. Въ этомъ смыслѣ они, какъ говоритъ Мауреръ [1]), „сдѣлались центрами новой свободы и новаго права, ибо, прибавляетъ онъ, городовая свобода и городовое право были существенно отличны отъ старой народной свободы и стараго народнаго права: въ этой новой свободѣ и этомъ новомъ правѣ лежалъ зародышъ совершенно новаго времени, и чрезъ дальнѣйшее его развитіе города сдѣлались предтечами новаго времени, полное проявленіе коего наступило лишь въ XIX вѣкѣ“.

Не менѣе важна была и политическая сторона процесса и опять-таки въ двоякомъ отношеніи. Во-первыхъ, многіе континентальные города добились политической автономіи, образовавъ изъ себя суверенныя коммуны, т.-е. общины, перенесшія на себя ту верховную власть, которая надъ ними принадлежала епископу или графу. Та-

---

[1]) *Maurer*. Geschichte der Städteverfassung im Deutschland. I, 657.

ковы были итальянскія средневѣковыя республики, таковы были южно-французскія муниципіи, управлявшіяся выборными консулами, таковы были сѣверно-французскія присяжныя коммуны (communes jurées), имѣвшія своихъ мэровъ, таковы были въ Германіи имперскіе города (Reichsstädte), какъ бы ни различались всѣ они между собою по своему устройству, по степени своей самостоятельности и по своему положенію среди другихъ политическихъ силъ той или другой страны. *Въ этихъ городахъ-государствахъ верховная власть покоилась уже не на землевладѣніи, а на волѣ гражданъ, такъ или иначе проявлявшейся въ народныхъ собраніяхъ*, и феодальное смѣшеніе государственныхъ и частно-правовыхъ понятій и отношеній такимъ образомъ вытѣснялось изъ политической жизни. Другими словами, идея государства новаго времени впервые осуществлялась въ городахъ, и въ нихъ же получила начало монархическая власть безъ феодальной окраски. О послѣднемъ рѣчь еще впереди, а пока лишь вкратцѣ укажемъ на то, въ чемъ дѣло. Итальянскія городскія республики къ концу среднихъ вѣковъ стали подпадать подъ власть князей (principi), не имѣвшую ничего общаго съ властью феодальнаго сеньера, государя-помѣщика, или съ властью феодальнаго короля, сюзерена, стоявшаго во главѣ вассальной іерархіи, ибо власть эта не имѣла въ своей основѣ ни феодальнаго землевладѣнія, ни вассальныхъ отношеній. Итакъ въ городской жизни второй половины среднихъ вѣковъ возникаютъ новыя основы государственнаго права, и послѣднее вслѣдствіе этого освобождается отъ примѣси частно-правовыхъ отношеній и понятій, вносившихся въ эту область феодальнымъ соединеніемъ землевладѣнія и верховной власти. Въ этомъ и заключается одна сторона политической роли средневѣковаго города. Другая сторона—участіе городовъ въ національной политической жизни въ формѣ появленія ихъ представителей въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ.

Я не буду останавливаться здѣсь на тѣхъ союзахъ, которые заключались между городами одной и той же страны для защиты своей независимости, какъ это было въ Италіи еще въ XII вѣкѣ или въ Германіи съ эпохи великаго междуцарствія: союзы эти имѣли мало внутренней прочности, нерѣдко выдвигали на первый планъ лишь торговыя цѣли (Ганза) и за немногими лишь исключеніями не развивались впослѣдствіи въ постоянныя политическія федераціи, какъ это было въ Швейцаріи и Нидерландахъ, причислявшихся къ Германіи. Довольствуюсь лишь общимъ указаніемъ на этотъ фактъ, чтобы остановиться на другомъ. Города, освобождавшіеся отъ феодальной зависимости и добивавшіеся самоуправленія, дѣлались политическою силою, съ которою приходилось считаться и феодальному міру, и королевской власти. Послѣдняя, какъ было сказано, является во всѣхъ

государствахъ при переходѣ въ новое время окруженною сословно-представительными учрежденіями, которыя, какъ мы это увидимъ, возникаютъ первоначально на почвѣ феодальныхъ отношеній, обязывавшихъ королей въ извѣстныхъ случаяхъ совѣщаться съ вассалами и испрашивать ихъ согласія на тѣ или другія мѣропріятія: весьма естественно, что пріобрѣтеніе горожанами политическаго самоуправленія, ставившаго коммуны на одну доску съ феодальными сеньеріями должно было повлечь за собою появленіе и городскихъ властей на подобныхъ политическихъ собраніяхъ, что мы и наблюдаемъ дѣйствительно въ германскихъ имперскихъ сеймахъ (рейхстагахъ), въ англійскомъ парламентѣ, во французскихъ собраніяхъ государственныхъ чиновъ (генеральныхъ штатахъ) и т. п., гдѣ горожане являются, какъ особый государственный чинъ (Reichsstand въ Германіи), какъ третье сословіе (tertius status, tiers état) рядомъ съ духовными и свѣтскими сеньерами. Такимъ образомъ города занимаютъ совершенно самостоятельное мѣсто въ системѣ сословной монархіи, и собственно говоря, *лишь съ присоединенія городскихъ представителей къ духовнымъ и свѣтскимъ сеньерамъ въ средневѣковыхъ политическихъ собраніяхъ послѣднія организуются въ сословно-представительныя учрежденія*, игравшія свою роль въ разрушеніи политическаго феодализма.

Со времени освобожденія городовъ и появленія ихъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ политическое могущество распредѣлялось между четырьмя отдѣльными силами: во главѣ стоялъ король съ большимъ или меньшимъ феодальнымъ характеромъ власти; далѣе шли духовные феодалы, занимавшіе особое положеніе въ обществѣ и государствѣ, благодаря своей принадлежности къ церковной организаціи; за ними мы видимъ свѣтскихъ сеньеровъ, имѣвшихъ источникъ своей силы исключительно въ феодальномъ быту; наконецъ, какъ третье сословіе, выступаютъ города, добившіеся автономнаго положенія. Комбинація этихъ четырехъ элементовъ въ разныхъ государствахъ была различная, и положеніе городовъ въ отдѣльныхъ странахъ было потому далеко не одинаковое. Тамъ, гдѣ сильнѣе было феодальное раздробленіе, т.-е. гдѣ болѣе была ослаблена центральная власть, городамъ легче было совершенно выдѣлиться изъ государственнаго единства и достигнуть полной независимости, какъ это случилось въ сѣверной Италіи, которая вся раздѣлилась на самостоятельныя республики, и наоборотъ, тамъ, гдѣ, какъ въ Англіи, лучше сохранилось государственное единство подъ королевскимъ верховенствомъ, города не могли выдѣлиться изъ этого единства въ самостоятельныя коммуны. Германія и Франція въ этомъ отношеніи стоятъ посрединѣ, и чѣмъ болѣе успѣховъ во второй изъ этихъ странъ дѣлалъ процессъ политическаго объединенія подъ королевскимъ главенствомъ, тѣмъ все

болѣе и болѣе утрачивали коммуны свою автономность, тогда какъ въ Германіи противоположный процессъ распаденія на княжества сопровождался и политическимъ выдѣленіемъ городскихъ территорій: французскіе и нѣмецкіе города, не достигавшіе такой полной независимости, какою пользовались итальянскія республики, и въ то же время имѣвшіе столь значительную автономію, какой не знали города Англіи, были своего рода муниципальными оазисами среди массы феодальныхъ владѣній и вмѣстѣ съ ними входили въ составъ нѣкоторыхъ высшихъ національно-политическихъ единицъ. Въ указанномъ отношеніи городскія общины могли бы быть поставлены въ такой рядъ: итальянскія республики, нѣмецкіе имперскіе города, французскія коммуны и города англійскіе.

Различны были и взаимныя отношенія между феодальными (духовными и свѣтскими) элементами, съ одной стороны, и городами, съ другой, въ отдѣльныхъ странахъ. Въ Италіи, можно сказать, феодальные элементы были поглощены городомъ, ибо владѣльцы должны были вступить въ число гражданъ, среди которыхъ они заняли, правда, привилегированное положеніе, вошедши въ составъ городской аристократіи. Вслѣдствіе этого *въ Италіи городской бытъ разрушилъ политическій феодализмъ, оставивъ, однако, неприкосновенными соціальныя отношенія феодальнаго характера въ деревняхъ.* Въ Италіи какъ бы сохранился еще римскій принципъ, въ силу котораго городъ не отдѣлялся отъ своего уѣзда, если позволительно такъ выразиться, и подъ словомъ civitas разумѣлось не только городское поселеніе, но и вся его округа, такъ что вся территорія раздѣлялась на civitates, въ коихъ не дѣлалось никакого различія между городомъ и его уѣздомъ. Эти civitates феодализировались и раздроблялись; но побѣда городского населенія надъ феодальными сеньерами сопровождалась включеніемъ ихъ самихъ въ гражданскія общины, а ихъ земель въ городскія территоріи. Невыдѣленность города, но уже въ обратномъ смыслѣ, представляется намъ и *въ Англіи*, гдѣ во второй половинѣ XI вѣка установился своеобразный феодализмъ, одною изъ особенностей коего и было то, что здѣсь равнымъ образомъ *не возникло рѣзкой противоположности между городомъ и уѣздомъ, но такимъ образомъ, что не городъ поглощалъ собою уѣздъ, а наоборотъ, послѣднимъ поглощался первый.* Положеніе англійскаго города въ государствѣ опредѣлялось не только тѣмъ, что въ Англіи политическаго раздробленія въ феодальномъ смыслѣ не было, но и тѣмъ, что административное и феодальное дѣленіе территоріи не создавали условій для того, чтобы города могли обособиться отъ остальной страны. Англійскій феодализмъ значительно отличался отъ континентальнаго, ибо онъ не раздроблялъ страны на самостоятельныя владѣнія, не

превращалъ помѣщиковъ въ государей, не разрывалъ непосредственной связи свободнаго населенія съ королевскою властью, хотя и имѣлъ всѣ главные признаки, характеризующіе соціальную сторону феодализма: феодальный владѣлецъ не ослаблялъ связи города съ государствомъ, становясь на мѣсто послѣдняго; городу нечего было освобождаться изъ-подъ власти сеньера; для него не было основаній выдѣляться въ особую коммуну, а съ другой стороны, сохраненіе стараго самоуправленія графствъ было отрицательною причиною того, что въ Англіи не выработалось различія между самоуправляющимся городомъ и земствомъ, управляющимся феодальными сеньерами. Другое дѣло—*Франція и Германія, гдѣ возникло рѣзкое различіе между городомъ и феодомъ, гдѣ города выдѣлились изъ состава феодальныхъ владѣній для того, чтобы вести совершенно отличную отъ нихъ жизнь, не поглощая собою внѣгородскихъ территорій, какъ это было въ Италіи, и не сливаясь съ ними, подобно англійскимъ городамъ.* И здѣсь, и тамъ,—въ одной странѣ раньше, въ другой позже,—происходило политическое раздробленіе съ переходомъ власти къ землевладѣльцамъ, раздробленіе, на почвѣ котораго только и мыслимо было позднѣйшее обособленіе городовъ, какого не могло быть въ Англіи при лучшемъ сохраненіи государственнаго единства; но французскіе и нѣмецкіе города и думать не могли о томъ, чтобы поглотить собою внѣгородскія территоріи и на нихъ распространить верховную власть, которая здѣсь остается за феодалами.

Говоря о городахъ, достигшихъ политической самостоятельности во Франціи и Германіи, мы не должны упускать изъ виду, что далеко не всѣ города въ обѣихъ странахъ превратились въ такія автономныя общины. Во Франціи областями ихъ распространенія были югъ, гдѣ съ XI вѣка развились муниципіи съ консулами во главѣ, и сѣверъ, гдѣ возникли присяжныя коммуны, да востокъ, сливающійся уже съ германскимъ міромъ, въ западной части котораго главнымъ образомъ и сосредоточивались имперскіе города. Въ центрѣ Франціи, а также и на западѣ города ограничились пріобрѣтеніемъ однихъ гражданскихъ правъ: это такъ называемыя bonnes villes du roi, не выдѣлявшіяся изъ политическаго состава королевскихъ доменовъ. Равнымъ образомъ и въ Германіи, чѣмъ далѣе мы будемъ отходить на востокъ отъ Рейна, тѣмъ менѣе будутъ встрѣчаться на пашемъ пути имперскіе города, сбросившіе съ себя земское верховенство (Landeshoheit) князей, и наоборотъ крайній востокъ Германіи, гдѣ возникли въ концѣ среднихъ вѣковъ габсбургскія и гогенцоллернскія владѣнія (позднѣйшія Австрія и Пруссія), представляетъ изъ себя страны, гдѣ существовали только земскіе города (Landstädte), находившіеся въ зависимости отъ княжеской власти. Впрочемъ, и они

участвуютъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ отдѣльныхъ земель, на которыя распалась Германія, въ тѣхъ земскихъ сеймахъ (ландтагахъ), о коихъ намъ придется еще говорить, подобно тому, какъ во французскіе генеральные штаты были привлечены и bonnes villes du roi, а въ англійскій парламентъ — города, бывшіе въ своемъ родѣ bonnes villes du roi и Landstädte по своему положенію въ государствѣ.

Былъ ли городъ автономной коммуной или входилъ въ составъ болѣе крупнаго политическаго тѣла, становился ли онъ подъ непосредственную власть короля или оставался подъ властью феодала, его населеніе въ сословномъ смыслѣ, — за исключеніемъ Англіи, — строго отличалось отъ не-городского населенія. Феодальное общество знало два класса людей — феодальныхъ сеньеровъ и зависимое отъ нихъ крестьянство, связанныхъ между собою вассалитетомъ, феодальнымъ землевладѣніемъ, а въ городахъ возникаетъ связь гражданства и подданства, первая тамъ, гдѣ городъ былъ и государствомъ, вторая — когда городъ не достигалъ коммунальной автономіи. Въ послѣднемъ смыслѣ любопытно появленіе во Франціи такъ называемыхъ „королевскихъ горожанъ“ (bourgeois du roi), т.-е. лицъ, которые не подлежали сеньерьяльному суду и вмѣстѣ съ тѣмъ были гражданами не той или другой коммуны, а всего королевства. Съ другой стороны, составъ гражданства средневѣковыхъ муниципій не былъ однороднымъ. Мы уже видѣли, что итальянскія коммуны приняли въ свой составъ феодальные элементы, составлявшіе съ наиболѣе зажиточными горожанами аристократическій классъ городского населенія. То же наблюдается и въ южно-французскихъ городахъ, которые по условіямъ своего быта подходятъ близко къ городамъ итальянскимъ. Тѣмъ не менѣе и въ присяжныхъ коммунахъ сѣвера Франціи, не допускавшихъ въ свой составъ феодальныхъ элементовъ, возникло различіе между la haute bourgeoisie и le menu peuple. Городской патриціатъ и плебсъ существовали равнымъ образомъ и въ нѣмецкихъ Reichsstädte. Во всякомъ случаѣ это не были настоящія демократіи, такъ какъ общій принципъ сословнаго строя средневѣкового общества отразился и на городскомъ быту, такъ что не только устанавливалось въ городахъ общественное неравенство, въ силу чего на небольшую кучку полноправныхъ гражданъ приходилась цѣлая масса подданныхъ гражданъ, но нерѣдко бюргеры не противились соблазну имѣть собственныхъ крѣпостныхъ, хотя общимъ правиломъ было пріобрѣтеніе личной свободы крѣпостнымъ, переселявшимся въ городъ. На почвѣ гражданскаго неравенства происходила весьма ожесточенная борьба аристократіи и демократіи, бывшая въ итальянскихъ республикахъ повтореніемъ аналогичнаго явленія въ антич-

ныхъ гражданскихъ общинахъ, борьба, во время которой возникала своего рода городская тираннія (принципатъ), губившая республиканскую свободу. Подобно тому, какъ это было и въ античномъ мірѣ, борьба принимала не только политическій характеръ борьбы за власть, но и обусловливалась областью экономическихъ интересовъ, причемъ пускалась въ ходъ, какъ это было между прочимъ и въ Германіи, та промышленная организація, которая извѣстна подъ названіемъ цеховъ. Внутреннія несогласія въ французскихъ коммунахъ и притѣсненія, коимъ горожане подвергали крестьянъ, нерѣдко служили для королей поводами для уничтоженія коммунальныхъ хартій, т.-е. для превращенія коммунъ въ обыкновенные королевскіе города.

Дальнѣйшая судьба политически автономныхъ городовъ была различная. Въ Италіи республиканская свобода уступаетъ мѣсто развитію княжеской власти (принципата), во Франціи объединительная политика королей не дѣлаетъ никакого различія между феодальными владѣніями и коммунами, въ Германіи на городскую независимость посягаетъ княжеская власть, развивающая свое земское верховенство. Въ общемъ, муниципальный бытъ, повторявшій въ иной только формѣ феодальную раздробленность, склоняется къ упадку въ концѣ среднихъ вѣковъ передъ объединительными стремленіями новаго государства. Тамъ, гдѣ централизація дѣлала успѣхи, отъ него, какъ и отъ быта феодальнаго, сохраняется нѣкоторый остатокъ мѣстнаго самоуправленія, корпоративныхъ привилегій и муниципальныхъ традицій, со стороны которыхъ возможна была при подходящихъ условіяхъ такая же реакція, къ какой еще бо́льшую способность мы замѣчаемъ со стороны феодализма. Остается еще особое городское сословіе, отличное и отъ феодальныхъ сеньеровъ, и отъ крестьянства, свободное отъ феодальныхъ правъ и участвующее въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ и въ обоихъ отношеніяхъ сливающееся съ гражданствомъ (bourgeoisie, Bürgerthum) которое выработалось въ такихъ городахъ, каковы вообще всѣ англійскіе, французскія bonnes villes de roi и нѣмецкія Landstädte.

Переходимъ теперь къ сословно-представительнымъ учрежденіямъ, которыя, имѣя въ своей основѣ феодальную систему, получили полное развитіе только съ того времени, какъ въ нихъ стали принимать участіе и горожане.

VI. Сословно-представительныя учрежденія [1]).

Сословная монархія и сословно-представительныя учрежденія. — Ихъ составъ. — Ихъ происхожденіе. — Договорный характеръ постановленій этихъ собраній. — Главныя ихъ права. — Междусословныя отношенія въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ.—Генеральные штаты во Франціи съ точки зрѣнія взаимнаго отношенія между сословіями. — Генеральные штаты и королевская власть въ средніе вѣка, — Значеніе штатовъ.

Между эпохами, когда королевская власть покоилась главнымъ образомъ на феодальной основѣ, будучи какъ бы вершиною феодальной лѣстницы сеньеровъ и вассаловъ, и эпохой, когда утвердилась на Западѣ абсолютная монархія, воплощавшая въ себѣ верховенство государства, мы имѣемъ право помѣстить *эпоху сословной монархіи, осуществлявшей государственное единство при распредѣленіи власти между королемъ и государственными чинами, т.-е. самостоятельными сословіями*, эпоху *сословно-представительныхъ собраній, при посредствѣ коихъ общественные элементы принимали участіе въ политической жизни и пріучались къ совмѣстной работѣ, объединявшей эту жизнь*. Эта эпоха обнимаетъ собою главнымъ образомъ XIV и XV вѣка, захватывая, впрочемъ, и болѣе раннее, и болѣе позднее время: въ самомъ дѣлѣ, начало аррагонскихъ и кастильскихъ кортесовъ относится къ XII в., но наибольшаго могущества они достигаютъ лишь въ XIV; въ серединѣ XIII только вѣка возникаетъ англійскій парламентъ, получающій окончательную организацію лишь въ началѣ XIV столѣтія и только къ серединѣ XV пріобрѣтающій всѣ тѣ права, съ какими онъ переходитъ въ новое время; къ началу XIV вѣка относится возникновеніе и французскихъ генеральныхъ штатовъ (états généraux), но уже къ серединѣ слѣдующаго столѣтія обнаруживается, что дальнѣйшая ихъ роль особаго значенія имѣть не будетъ; германскій имперскій сеймъ (Reichstag) болѣе древняго происхожденія, но не съ нимъ нужно сравнивать названныя собранія, а съ нѣмецкими земскими сеймами или ландтагами, образовавшимися

---

[1]) *Guizot*. Histoire des origines du gouvernement représentatif.—*A. Thierry*. Essai sur l'histoire du tiers état.—*Picot*. Histoire des état généraux.—*Unger*. Geschichte der deutschen Landstände.—*В. Пискорскій*. Кастильскіе кортесы въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени.—*Н. Карѣевъ*. Историческій очеркъ польскаго сейма. Ср. книгу проф. *В. Н. Латкина* „Земскіе соборы древней Руси" сравнительно съ западно-европейскими представительными учрежденіями, гдѣ есть (мало обработанные, впрочемъ) отдѣлы, посвященные послѣднимъ.

въ отдѣльныхъ княжествахъ, преимущественно въ XIV вѣкѣ и достигшими наибольшей силы къ серединѣ слѣдующаго столѣтія. XVI и XVII вѣка представляютъ собою уже эпоху паденія этихъ учрежденій, и самъ англійскій парламентъ, непрерывно существующій и по нынѣ уже болѣе шести сотъ лѣтъ, переживаетъ въ это время весьма опасный кризисъ.

Одна была эпоха возникновенія и развитія сословно-представительныхъ учрежденій, одинъ и тотъ же, въ сущности, былъ и ихъ составъ: элементы были одинаковые, только въ разныхъ комбинаціяхъ. На первомъ планѣ нужно поставить *элементы феодальные и церковные, бывшіе въ сущности и феодальными*, на второмъ планѣ—*элементъ городской*. Епископы и аббаты могли являться въ нихъ, какъ представители церкви (епископы въ англійскомъ парламентѣ), но главнымъ образомъ, какъ духовные вассалы, что устраняло изъ этихъ собраній низшее духовенство. Въ качествѣ королевскихъ вассаловъ и феодальныхъ сеньеровъ появилось на нихъ дворянство — или одно высшее, какъ это было въ Кастиліи и первоначально во Франціи, или и высшее, и низшее, раздѣляясь часто на двѣ палаты (brazo de nobles и brazo de caballeros въ Аррагоніи, barones majores и barones minores съ рыцарями въ Англіи, Herrenstand и Ritterstand въ Германіи). Рядомъ съ ними города, имѣвшіе самоуправленіе, представлены были первоначально не выбранными ad hoc депутатами, а муниципальными властями (консулами, эшевенами, мэрами, бургомистрами, ратманами) или уполномоченными отъ нихъ лицами. Такимъ образомъ собирались государственные чины, т.-е. главнымъ образомъ мѣстныя феодальныя и муниципальныя власти, обладавшія хотя бы частицею суверенитета, соединеннаго съ феодальнымъ землевладѣніемъ или съ коммунальною свободою, — чего строго утверждать, впрочемъ, нельзя (особенно по отношенію къ Англіи), — и верховная власть, раздроблявшаяся въ феодальномъ и муниципальномъ быту между сеньерами и коммунами, здѣсь какъ бы снова соединялась воедино. Уже отъ мѣстныхъ условій зависѣли различія въ комбинаціи этихъ феодальныхъ и муниципальныхъ элементовъ. Во Франціи, напримѣръ, духовенство, дворянство и буржуазія составляли три отдѣльныхъ штата, тогда какъ въ Англіи въ парламентѣ образовалось двѣ палаты, изъ коихъ одна (верхняя) составилась изъ высшаго духовенства и крупныхъ бароновъ, а другая (нижняя) — изъ представителей мелкихъ бароновъ (barones minores—вассалы короля), рыцарей (подвассаловъ) и горожанъ.

Еще важнѣе различіе въ участіи членовъ этихъ собраній по личному праву и по представительству: первая форма, болѣе древняя, была происхожденія феодальнаго, вторая, позднѣйшая, получила

особое развитіе со времени присоединенія къ собранію феодаловъ и городского сословія. Дѣло въ томъ, что феодализація захватила въ свой процессъ и тѣ политическія собранія, которыя существовали въ государствахъ, основанныхъ германскими племенами въ римскихъ провинціяхъ, какъ продолженіе старыхъ народныхъ вѣчъ, съ тѣмъ лишь различіемъ отъ послѣднихъ, что, благодаря расширенію территорій, на которыхъ расселялись германцы, и благодаря уменьшенію количества свободныхъ людей, эти собранія получили аристократическій характеръ, т.-е. на нихъ съѣзжались только одни духовные и свѣтскіе вельможи государства. Превращеніе этихъ вельможъ въ феодальныхъ владѣльцевъ повлекло за собою превращеніе и ихъ съѣздовъ въ феодальныя собранія королевскихъ вассаловъ, съ коими сюзеренъ долженъ былъ въ извѣстныхъ случаяхъ совѣщаться, согласія которыхъ въ извѣстныхъ случаяхъ онъ долженъ былъ испрашивать. На такихъ собраніяхъ каждый появлялся по личному своему праву въ качествѣ королевскаго вассала, сеньера, государственнаго чина, какъ лицо, связанное съ сюзереномъ феодальнымъ договоромъ, какъ носитель извѣстной доли верховенства въ странѣ. Тамъ, гдѣ политическое раздробленіе сдѣлало большіе успѣхи, *феодальный сеймъ получалъ характеръ международнаго конгресса, характеръ собранія суверенныхъ владѣтелей, съѣхавшихся для какихъ-либо соглашеній общаго характера*, причемъ каждый договаривался отъ своего имени: такова въ основѣ своей королевская курія во Франціи, или курія перовъ, таковъ и германскій имперскій сеймъ въ ту эпоху, когда каждый имперскій чинъ (Reichsstand), появлявшійся на этомъ сеймѣ, пользовался полнымъ земскимъ верховенствомъ. Когда рядомъ съ феодальнымъ суверенитетомъ сталъ суверенитетъ муниципальный, и городскія власти стали принимать участіе въ этихъ конгрессахъ всѣхъ самостоятельныхъ политическихъ элементовъ страны. Генеральные штаты во Франціи и выработались изъ собранія съ такимъ конгрессивнымъ характеромъ, когда къ высшему духовенству и дворянству присоединились городскіе эшевены, мэры и консулы, что̀ случилось въ первый разъ, какъ извѣстно, въ 1302 году при Филиппѣ IV Красивомъ. По мѣрѣ того, какъ короли разрушали феодальный и муниципальный сепаратизмъ, духовныя лица, дворяне и горожане, засѣдавшіе въ собраніяхъ штатовъ, все болѣе и болѣе переставали быть суверенными сеньерами и начальниками суверенныхъ коммунъ, чтобы превратиться въ депутатовъ отъ отдѣльно существовавшихъ сословій духовенства, дворянства и горожанъ, и притомъ въ депутатовъ, избранныхъ сословіями: это и есть сословно-представительное учрежденіе въ собственномъ смыслѣ, какимъ не могъ сдѣлаться нѣмецкій рейхстагъ, пошедшій, наоборотъ, по пути развитія въ конгрессивномъ на-

правленіи, по мѣрѣ того, какъ на сеймѣ стали появляться лишь непосредственные (reichsunmittelbare) чины имперіи, съ теченіемъ времени высвободившіеся изъ-подъ власти императора и захватившіе земское верховенство. Конгрессивность собранія соотвѣтствуетъ феодальному и муниципальному раздробленію, какое мы наблюдаемъ во Франціи передъ окончательнымъ сформированіемъ генеральныхъ штатовъ, а въ Германіи съ эпохи великаго междуцарствія; сословной монархіи, какъ объединенному цѣлому, именно и соотвѣтствуетъ политическое собраніе безъ конгрессивнаго характера, на которомъ появляются не самостоятельные политическіе элементы, а представители сословныхъ интересовъ въ цѣломъ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ въ сравненіе съ французскими генеральными штатами могутъ итти въ Германіи только земскіе сеймы (ландтаги), на коихъ были представлены земскіе чины (Landstände) отдѣльныхъ княжествъ. Англійскій парламентъ, о которомъ будетъ итти рѣчь особо, является съ характеромъ именно учрежденія, выросшаго изъ феодальныхъ и городскихъ элементовъ на почвѣ единаго государства, чѣмъ и обусловливается совершенное отсутствіе конгрессивнаго начала въ его исторіи.

Конгрессивность собраній—тамъ, гдѣ она имѣла мѣсто,—придавала принимавшимся ими рѣшеніямъ значеніе договоровъ между заинтересованными сторонами, между королями и сословіями: всякая общая мѣра могла быть результатомъ только соглашенія между участниками собранія. Но и вообще *сословно-представительныя собранія, какъ выросшія на феодальной почвѣ, были основаны на договорномъ началѣ, поскольку сама феодальная связь была не чѣмъ инымъ, какъ договоромъ*, въ силу котораго сюзеренъ и вассалъ принимали на себя извѣстныя обязательства одинъ по отношенію къ другому и поскольку одинъ имѣлъ право считать себя свободнымъ отъ своихъ обязанностей, разъ другой нарушалъ свои. Собраніе вассаловъ одного и того же сюзерена становилось также въ договорныя къ нему отношенія, въ томъ смыслѣ, что принятое сообща рѣшеніе было результатомъ обоюднаго соглашенія, въ которомъ участвовали всѣ заинтересованные. Договоръ могъ получать и письменную форму, самый крупный примѣръ чего представляетъ собою англійская „великая хартія" 1215 г. (magna charta libertatum), бывшая, однако, лишь одною изъ хартій, дававшихся королями баронамъ королевства и въ первое время (при Генрихѣ I) по поводамъ, вытекавшимъ изъ чисто феодальныхъ отношеній. Договорное право, обезпечивавшееся хартіями, предполагало право вооруженнаго сопротивленія при нарушеніи хартіи: въ основѣ и тутъ лежалъ феодальный взглядъ, позволявшій вассалу „дезавуировать" своего сюзерена, т.-е. разрывать съ нимъ основанную на феодальной присягѣ связь, сохраняя за собою свой феодъ. Въ двухъ

важнѣйшихъ случаяхъ договорное соглашеніе требовалось какъ условіе дѣйствительности рѣшеній: съ одной стороны, новые законы могли вводиться (и могли отмѣняться старые) лишь съ общаго совѣта и согласія всѣхъ (omnium consilio et consensu), mit Vollwort und Rath der Stände, mit Wissen und Willen der Landschaft,—право, коего, однако, не могли добиться французскіе генеральные штаты,—съ другой, главной функціей этихъ собраній было вотированіе налоговъ, установленіе и взиманіе коихъ могло совершаться только съ согласія самихъ плательщиковъ. Другими словами, *главными правами сословно-представительныхъ учрежденій были участіе въ законодательствѣ и право установленія налоговъ.* Этими правами разныя учрежденія пользовались не въ одинаковой степени, и одно и то же учрежденіе обладало ими въ разное время не въ одной и той же мѣрѣ. Переходъ сословной монархіи въ монархію абсолютную и заключался въ прекращеніи этихъ собраній, причемъ и законодательная власть, и право обложенія сосредоточиваются въ рукахъ короля или князя, какъ это было въ Германіи съ эпохи тридцатилѣтней войны. Паденіе сословно-представительныхъ учрежденій въ XVI и XVII вѣкахъ происходило не безъ борьбы съ ихъ стороны, и только благодаря энергичному сопротивленію, приведшему къ двумъ революціямъ (1640—1649 и 1688—1689 гг.), отстояла Англія свой парламентъ въ тотъ XVII вѣкъ, когда абсолютизмъ утверждается въ государствахъ европейскаго континента.

Въ то время, когда кортесы, штаты и сеймы находились въ періодѣ наибольшаго процвѣтанія, *государство имѣло форму союза самостоятельныхъ сословій съ органомъ своимъ въ представительномъ учрежденіи подъ главенствомъ королевской власти.* Другими словами, въ основѣ этихъ учрежденій лежалъ сословный строй общества, и взаимныя отношенія сословій въ самой общественной жизни отражались на отношеніяхъ, какія возникали между ихъ представителями въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ: если между сословіями были единеніе и солидарность, учрежденіе, въ коемъ они были представлены, оказывалось способнымъ къ сильному дѣйствію, къ отстаиванію пріобрѣтенныхъ правъ и къ пріобрѣтенію новыхъ: тогда какъ междусословный антагонизмъ и раздоры, перенесенные изъ повседневной жизни въ собраніе сословныхъ представителей, отражались и на этихъ собраніяхъ, подрывая ихъ значеніе въ государственномъ быту и внося въ нихъ элементы разложенія. Примѣръ солидарнаго выступленія отдѣльныхъ классовъ общества представляетъ собою англійскій парламентъ, заслуживавшій особаго вниманія и по той роли, какая ему принадлежитъ въ новой исторіи; примѣромъ сословнаго разъединенія и почти постоянныхъ раздоровъ въ собраніяхъ могутъ служить французскіе

генеральные штаты, которые въ новое время лишь разъ, во второй половинѣ XVI в, сдѣлали попытку возвратить утраченное, пріобрѣсти новыя права и, какъ нарочно, именно въ такое время, когда съ значительною силою проявился антагонизмъ, существовавшій издавна между дворянствомъ и горожанами.

Однимъ изъ основныхъ фактовъ исторіи Франціи можно считать *рѣзкій антагонизмъ, въ какомъ находились между собою въ этомъ государствѣ феодальное дворянство и городское сословіе*: съ эпохи освобожденія коммунъ вплоть до великой революціи 1789 г. и временъ реставраціи (1814—1830), т.-е. въ теченіе болѣе, нежели семи вѣковъ, аристократія и буржуазія не могли прійти къ какому-либо соглашенію, и однимъ изъ самыхъ избитыхъ положеній исторіи сдѣлалось то, что *своею побѣдою надъ феодализмомъ французскіе короли были въ значительной мѣрѣ обязаны союзомъ съ горожанами*, помогавшими усиленію королевской власти на счетъ духовныхъ и свѣтскихъ сеньеровъ. Это относится главнымъ образомъ ко времени, предшествовавшему образованію генеральныхъ штатовъ, когда одновременно съ ростомъ королевской власти при Капетингахъ XII и XIII вѣковъ происходило и городское движеніе, подкапывавшее феодализмъ снизу совершенно такъ же, какъ короли разрушали его сверху. Враждебныя отношенія установились между обоими сословіями и въ генеральныхъ штатахъ, которые въ послѣдній разъ собрались, какъ извѣстно, въ 1614 г. [1]), чтобы окончить свое существованіе среди не прекратившихся сословныхъ раздоровъ и своею неспособностью къ солидарному дѣйствію санкціонировать абсолютизмъ, утвердившійся во Франціи вопреки усиліямъ штатовъ второй половины XVI вѣка. Причина такого явленія лежала въ рѣзкой противоположности образовавшейся во Франціи между сеньеріей и городомъ, между феодализмомъ и муниципальнымъ бытомъ, между положеніемъ, интересами, стремленіями, традиціями и понятіями дворянства и буржуазіи: эта противоположность и тянется черезъ всю французскую исторію отъ перваго городского возстанія противъ феодальной власти до послѣдней попытки феодальной реакціи въ XIX вѣкѣ, и ею обусловлены были тѣ отношенія, какія необходимо должны были образоваться между представителями обоихъ сословій на генеральныхъ штатахъ во всѣ три вѣка ихъ существованія (1302—1615).

Первое явленіе, бросающееся въ глаза въ исторіи генеральныхъ штатовъ, заключается съ этой точки зрѣнія въ томъ, что дворянство отказывалось видѣть въ „третьемъ сословіи" (tiers état, какъ стали его называть съ конца XV в.) равноправный съ собою элементъ,

[1]) Генеральные штаты 1789 г. въ счетъ не идутъ.

хотя уже при первомъ королѣ, сзывавшемъ генеральные штаты, т.-е. при Филиппѣ IV Красивомъ (штаты собирались при немъ въ 1302, 1308, 1313 и 1314 гг.) дѣлались уже попытки совокупнаго дѣйствія „благородныхъ и коммунъ" въ разныхъ частяхъ Франціи для ограниченія произвола короля. Приниженное положеніе городскихъ представителей продолжается вплоть до генеральныхъ штатовъ 1614—1615 г., какъ мы это увидимъ впослѣдствіи, а союзы были явленіемъ лишь временнымъ и непрочнымъ, разъ внѣ штатовъ феодальная аристократія и буржуазія представляли собою два враждебные другъ другу лагеря. Въ Англіи въ нижней палатѣ произошло сліяніе мелкихъ королевскихъ вассаловъ, рыцарей (подвассаловъ) и горожанъ,—сліяніе, подготовившееся самою жизнью, которая способствовала соединенію, а не разъединенію интересовъ этихъ общественныхъ элементовъ, и кромѣ того, особыя условія не ставили верхнюю палату въ рѣзкую противоположность съ нижнею. Притомъ духовенство въ Англіи не составило особаго „штата", такъ какъ высшее слилось въ верхней палатѣ съ крупными вассалами, а низшее, лишенное сословнаго представительства, не выдѣлилось въ особый классъ, отличный отъ рыцарства. Въ Англіи поэтому сословность не получила такого развитія, какъ на материкѣ вообще и въ частности во Франціи, гдѣ генеральные штаты были представительствомъ сословныхъ интересовъ, постоянно сталкивавшихся между собою. Лишь первый „штатъ", духовенство, состоявшее впослѣдствіи и изъ аристократическихъ, и изъ демократическихъ элементовъ, играло роль умѣрителя и посредника при различіи въ интересахъ свѣтскихъ сословій. Сословная рознь была одной изъ причинъ слабости и другихъ представительныхъ учрежденій, и чѣмъ болѣе каждое отдѣльное сословіе теряло подъ собою почву по мѣрѣ того, какъ разрушался политическій феодализмъ и города лишались своей самостоятельности, тѣмъ все менѣе и менѣе ихъ представительныя собранія могли играть роль въ политической жизни.

Въ эпоху реформаціи и религіозныхъ войнъ, во второй половинѣ XVI вѣка генеральные штаты сдѣлали попытку ограниченія королевской власти періодически собирающимися штатами съ правомъ широкаго участія въ законодательствѣ, и это происходило какъ-разъ въ то время, когда во Франціи происходила феодальная муниципальная реакція противъ королевской власти. Такое явленіе было повтореніемъ того, что уже раньше бывало въ исторіи генеральныхъ штатовъ: событія XVI вѣка будутъ для насъ непонятны, если мы не посмотримъ, что въ этомъ отношеніи представляютъ собою XIV и XV столѣтія.

Первые генеральные штаты были собраны Филиппомъ Красивымъ въ 1302 г. во время спора съ папою Бонифаціей VIII; это собраніе,

какъ извѣстно, провозгласило полную суверенность королевства и зависимость короля въ свѣтскихъ дѣлахъ лишь отъ одного Бога, и штатамъ 1302 г. такимъ образомъ принадлежитъ важное мѣсто въ исторіи національно-государственнаго самосознанія Франціи. Второе собраніе (1308 г.) имѣло опять-таки особую цѣль: король наносилъ ударъ ордену храмовщиковъ и опять опирался на духовенство, дворянство и города. Такимъ образомъ *штаты возникаютъ во Франціи по королевской иниціативѣ*, какъ опора государственной власти. Но у дѣла была и другая сторона: тотъ же Филиппъ IV созываетъ штаты въ 1314 году, дабы получить субсидіи, которыя ему были необходимы для войны, а земли свѣтскихъ вассаловъ и духовенства, равно какъ города, имѣвшіе хартіи вольностей, не подлежали налогамъ безъ собственнаго согласія, *въ силу чего однимъ изъ самыхъ раннихъ правъ штатовъ сдѣлалось право самообложенія.* При Филиппѣ Красивомъ дворянство даже соединяется съ горожанами для отпора чрезмѣрнымъ денежнымъ вымогательствамъ короля и деспотическимъ его замашкамъ. При совершавшейся въ началѣ XIV в. перемѣнѣ династіи были собранія духовенства и дворянства, которыя, за отсутствіемъ горожанъ, не были настоящими штатами (лишь въ первомъ собраніи было нѣсколько парижскихъ гражданъ): исключили изъ права престолонаслѣдія дочь Людовика X (въ 1317 г.), а по его смерти (въ 1328 г.) отдали корону Филиппу VI Валуа. Въ первую половину того періода, когда царствовала во Франціи династія Валуа (1528—1589), штаты и играли наибольшую роль въ исторіи страны. *Опираясь на право вотированія субсидій, сословные представители дѣлали время отъ времени попытки вмѣшательства въ изданіе новыхъ законовъ.* Именно штаты 1355 г. (при Іоаннѣ Добромъ) объявили, что они дадутъ согласіе на налоги, въ коихъ нуждалось правительство, лишь подъ условіемъ такихъ-то и такихъ-то реформъ, между прочимъ обузданія произвола чиновниковъ и гарантіи того, что никто не будетъ лишаемъ права судиться своими естественными судьями. Соглашаясь на налоги, штаты сами назначили особыхъ лицъ для ихъ сбора и храненія. Въ слѣдующемъ (1356) году, послѣ того, какъ король попалъ въ плѣнъ къ англичанамъ, штаты, руководимые парижскимъ купеческимъ старшиной (prévôt des marchands) Стефаномъ Марселемъ, котораго поддерживали ланскій (Laon) епископъ Робертъ Лекокъ и одинъ изъ членовъ дворянства (Jean de Picquigny), настояли на цѣломъ рядѣ реформъ, выработанныхъ особой коммиссіей и принятыхъ затѣмъ самими штатами. Между прочимъ дофинъ, управлявшій Франціей, долженъ былъ замѣнить своихъ совѣтниковъ особыми уполномоченными трехъ сословій, безъ которыхъ онъ не сталъ бы ничего предпринимать, но онъ отъ этого отказался. Провинціальные штаты,

къ коимъ онъ обратился, примкнули къ программѣ Марселя: они же поддержали и требованіе штатовъ 1357 г., выработавшихъ знаменитый „ордонансъ“ (указъ) этого года. Содержаніе его было таково: можно было взимать лишь тѣ налоги, которые были вотированы штатами, оставлявшими за собою и контроль надъ расходами; не позволялось лишать кого бы то ни было права судиться своими естественными судьями (по феодальному праву каждый судится своими перами, равными) и подчинять трибуналамъ, назначаемымъ королемъ; кромѣ того, вводились другія реформы, которыя должны были установить законный порядокъ на мѣсто произвола. Но въ 1358 г. дофинъ, утвердившій своимъ согласіемъ этотъ ордонансъ, объявилъ его отмѣну, опираясь на то, что духовенство и дворянство не оказывали особеннаго рвенія его поддерживать, но это вызвало только извѣстное парижское возстаніе подъ начальствомъ Марселя, къ коему примкнули нѣкоторые другіе города, встрѣтивъ однако несочувствіе собранныхъ Карломъ въ Компьенѣ штатовъ. Дофинъ (впослѣдствіи король Карлъ V) подавилъ возстаніе и, если потомъ собиралъ штаты, то только для того, чтобы опираться на нихъ въ продолжавшейся войнѣ съ англичанами, что не мѣшало ему устанавливать налоги безъ согласія сословій. Роль ихъ потомъ падаетъ, созываются они рѣдко или замѣняются нотаблями (именитыми людьми) изъ трехъ сословій по королевскому приглашенію (въ началѣ царствованія Карла VI), и лишь новыя бѣдствія государства въ концѣ XIV и началѣ XV вв. вызываютъ новое политическое движеніе, въ коемъ, какъ и въ 1357—1358 гг., главную роль играетъ Парижъ, на этотъ разъ руководимый мясниками и ихъ челядью. Это было въ 1413 г. Въ Парижѣ произошло возстаніе подъ предводительствомъ Кабоша, и по его имени былъ названъ ордонансъ (ordonnance cabochienne), представленный дофину (впослѣдствіи король Карлъ VII) и заключавшій въ себѣ требованіе цѣлаго ряда реформъ административныхъ, судебныхъ и финансовыхъ, но это движеніе не было поддержано болѣе значительными силами, и ордонансъ такъ и остался простой программой. Франція переживала бѣдственную „столѣтнюю“ войну съ Англіей, страна была раздѣлена и разорена, и штаты, собиравшіеся Карломъ VII въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ XV вѣка, имѣли для него лишь значеніе опоры въ борьбѣ съ англійскимъ королемъ Генрихомъ VI, провозгласившимъ себя королемъ Франціи и захватившимъ добрую ея половину. Изъ этихъ штатовъ особое значеніе принадлежитъ только однимъ орлеанскимъ 1439 года: они дали одному королю право составлять войско и взимать налоги, т.-е. сеньеры лишались феодальнаго права содержать военные отряды, и устанавливалась постоянная армія, содержимая на постоянный же налогъ. Черезъ

три года неверское (Nevers) дворянство протестовало противъ такого налога, но король объявилъ ему, что для взиманія субсидій нѣтъ болѣе надобности въ созваніи генеральныхъ штатовъ, и что такъ смотрятъ на дѣло многіе сеньеры. Карлъ VII такъ и не созывалъ штатовъ во все остальное время своего царствованія, т.-е. въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ (1440—1461). Такимъ образомъ *въ 1439 г. штаты утрачиваютъ свое право вотировать субсидіи*, право, коимъ какъ-разъ главнымъ образомъ и пользовался англійскій парламентъ, расширяя свое политическое значеніе. Духовенство и дворянство были однако изъяты изъ обязанности платить поземельный налогъ, и этого было достаточно, чтобы установилась постоянная королевская талія (taille), падавшая на поземельную собственность третьяго сословія, а оно, несмотря на это, въ свою очередь оказывало поддержку королевской власти, когда послѣдняя стѣсняла старыя права двухъ первыхъ сословій. *Сословная рознь и была такимъ образомъ основной причиной того, что штаты не удержали за собой права вотированія субсидій.*

Послѣ этого штаты собираются рѣдко и роли не играютъ. Въ 1467 г., при Людовикѣ XI, только одинъ разъ ихъ и созвавшемъ, сословія уполномочили короля принимать новыя мѣры для блага королевства безъ созванія штатовъ, и желая нарушить одинъ трактатъ, онъ въ 1470 г. прибѣгаетъ только къ нотаблямъ. Затѣмъ были созваны штаты въ Турѣ во время несовершеннолѣтія Карла VIII (1484), замѣчательные тѣмъ, что здѣсь впервые подъ третьимъ сословіемъ разумѣются представители и сельскаго населенія. Эти штаты возвратились-было къ традиціи пятидесятыхъ годовъ предыдущаго столѣтія, но все осталось въ области однихъ пожеланій. Карлъ VIII ни разу не собиралъ потомъ штатовъ, Людовикъ XII—одинъ разъ (въ 1506 г.), Францискъ I—ни разу, замѣнивъ ихъ два раза нотаблями, да и то мѣстными (1526 и 1527 г.) для протеста противъ уступки Бургундіи испанскому королю, Генрихъ II—одинъ только разъ (въ 1545), причемъ многіе члены собранія были назначены самимъ королемъ, и лишь во второй половинѣ XVI вѣка, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, штаты возвратились къ традиціямъ 1355—57 и 1484 годовъ, хотя опять безуспѣшно.

Къ концу XV в. штаты измѣнили свой характеръ. Это не былъ, во-первыхъ, конгрессъ политическихъ властей, это было собраніе выборныхъ отъ отдѣльныхъ сословій, причемъ избиратели давали своимъ депутатамъ наказы. Во-вторыхъ, въ штатахъ 1484 г. къ выборамъ были допущены и деревни, хотя представителями крестьянъ были все-таки горожане. Въ-третьихъ, намѣчалась уже безсословная подача голосовъ: уже въ штатахъ 1307 г. голоса подавались не по сосло-

віямъ, какъ въ 1302 г., а поголовно, что случалось и впослѣдствіи, штаты же 1474 г. были раздѣлены по „націямъ“ (6 крупныхъ дѣленій государства), причемъ въ каждой націи всѣ депутаты подавали голоса вмѣстѣ. Впрочемъ, на этотъ счетъ во Франціи не установилось опредѣленнаго правила.

Штаты несомнѣнно служили объединенію федераціи сеньерій и коммунъ въ одно государство. Они были опорой для королей въ ихъ внѣшней политикѣ. По ихъ указаніямъ производились многія правительственныя реформы. Въ трудныя минуты они даже становились во главѣ управленія, но они не только не утвердили за собою законодательныхъ правъ, но даже сами отдали королямъ несомнѣнно принадлежавшее имъ право налоговъ, и причиной того, что имъ не удалось утвердить своего значенія, была между прочимъ застарѣлая сословная рознь.

VII. Великая хартія [1]).

Эпоха возникновенія парламента.—Особыя условія англійской исторіи.—Сохраненіе въ Англіи германскихъ учрежденій.—Феодализмъ въ Англіи.—Первыя хартіи.—Magna charta libertatum.—Ея утвержденіе въ жизни.—Содержаніе хартіи и сдѣланныя въ ней измѣненія.—Историческое ея значеніе.—Мѣстное самоуправленіе въ Англіи.

Изъ всѣхъ представительныхъ учрежденій, возникшихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, самое выдающееся историческое значеніе принадлежитъ англійскому парламенту: возникнувъ полустолѣтіемъ раньше генеральныхъ штатовъ, онъ получилъ свою окончательную организацію лишь въ эпоху первыхъ генеральныхъ штатовъ, а къ тому времени, когда послѣдніе утратили самое важное свое право, т.-е. къ серединѣ XV вѣка парламентъ, наоборотъ, является уже во всеоружіи всѣхъ тѣхъ правъ, съ которыми сохраняется въ теченіе новаго времени. Съ другой стороны, ровно два столѣтія отдѣляютъ дату его возникновенія отъ того момента, когда нормандскій герцогъ Вильгельмъ завоевалъ (откуда и его названіе—Завоевателя) королевство англо-саксовъ, основалъ въ немъ новую династію и ввелъ въ Англіи феодальные порядки, раздавъ феоды своимъ нормандскимъ вассаламъ и другимъ пришедшимъ съ нимъ баронамъ. Одинъ изъ его ближай-

---

[1]) По исторіи англійскаго парламента см. *Stubbs*. The constitutional history of England.—*Гнейстъ*. Исторія государственныхъ учрежденій Англіи.—*Э. Фриманъ и В. Стеббсъ*. Опыты по исторіи англійской конституціи.—*Бутми*. Развитіе англійской конституціи. — *А. Градовскій*. Государственное право европейскихъ державъ, т. I.

шихъ преемниковъ, какъ мы увидимъ, уже даетъ хартію или грамоту, въ которой очень важное мѣсто принадлежитъ статьямъ, ограничивающимъ право короля, какъ сюзерена, въ пользу его вассаловъ, а ближе къ первымъ годамъ парламента, всего за полстолѣтіе появилась знаменитая magna charta libertatum Іоанна Безземельнаго, въ коей онъ соглашается на разныя уступки, потребованныя возмутившимися баронами и отчасти горожанами.—Познакомимся теперь съ періодомъ времени между завоеваніемъ Англіи норманнами (1066) и началомъ парламентовъ (1265), въ почти равныхъ промежуткахъ отъ начала и конца каковаго періода были даны королями первая по времени (1100 г.) и первая по значенію хартія вольностей.

Исторія Англіи послѣ норманнскаго завоеванія не можетъ быть понята безъ разсмотрѣнія *особенностей англійскаго феодализма, создавшаго вмѣстѣ съ отсутствіемъ въ первоначальной исторіи Англіи римскаго элемента и островнымъ положеніемъ этого государства совершенно особое для него положеніе* среди другихъ европейскихъ народовъ.

Римская провинція Британія была мало романизирована, когда ее покинули (въ началѣ V вѣка) римскіе легіоны, а потомъ (въ серединѣ V вѣка) заняли язычники англо-саксы, вытѣснившіе прежнее кельтское населеніе и лишь черезъ полтора вѣка начавшіе принимать христіанство (въ концѣ VI столѣтія). Семь англосаксонскихъ государствъ, слившихся въ первой половинѣ IX вѣка въ одну Англію, не входили въ составъ и франко-римской имперіи Карла Великаго, изъ расчлененія которой произошли средневѣковыя Франція, Германія и Италія. Наконецъ, феодализмъ, выработавшійся на материкѣ изъ взаимодѣйствія римскихъ и германскихъ началъ, былъ занесенъ въ Англію извнѣ, хотя соціальная феодализація уже совершалась въ ней сама собою, причемъ однако въ политическомъ отношеніи страна сохраняла всѣ существенныя черты германскаго устройства вплоть до завоеванія норманнами. Англія—и въ этомъ состоитъ первое ея отличіе отъ главныхъ странъ материка—*сохранила въ чистотѣ черты германскаго политическаго быта*. Англосаксонскій король не былъ ни преемникомъ власти римскихъ цезарей, ни феодальнымъ сюзереномъ. Древнегерманское общегосударственное вѣче продолжало существовать, хотя и въ аристократической формѣ витенагемота, собранія „мудрѣйшихъ“ изъ народа, т.-е. духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ съ королевскими чиновниками. Королевство раздѣлялось наширы или графства, которыя, какъ политическія единицы, были древнѣе самого королевства, и въ нихъ, съ одной стороны, сохраняются народныя вѣча, а съ другой, поддерживается связь съ центральнымъ правительствомъ въ лицѣ королевскаго чиновника—ше-

рифа. Въ болѣе мелкихъ дѣленіяхъ, въ сотняхъ и общинахъ сохраняются народные суды и сходки. По праву завоеванія Вильгельмъ нормандскій занялъ мѣсто прежнихъ королей по отношенію къ англосаксонскому населенію, *сохранивъ въ существенныхъ чертахъ устройство государства, имъ найденное, и подтвердивъ права свободныхъ жителей шировъ*, что создавало для послѣдующей англійской исторіи такую основу, какой мы не находимъ ни въ романскихъ странахъ, ни въ самой Германіи, прошедшей черезъ періодъ франкской имперіи. Благодаря этому сохранилась непосредственная связь короля съ населеніемъ, и Вильгельмъ *обязалъ присягою по отношенію къ себѣ не одних только пришедшихъ вассаловъ, но и ихъ вассаловъ, равно какъ и прежнее населеніе*. Съ другой стороны, вынужденный раздать своимъ баронамъ и рыцарямъ земли въ ленъ, новый англійскій король принялъ мѣры къ тому, чтобы феодалы не захватили въ свои руки верховной власти. Уже одно то, что сохранялась старая англо-саксонская организація съ довольно значительною властью короля, усилившеюся, благодаря завоеванію, и съ мѣстнымъ самоуправленіемъ—создавало препятствіе къ тому, чтобы бароны, владѣвшіе феодами отъ короля, превратились въ полныхъ господъ надъ своими землями и подѣлили между собою Англію на политически независимые организмы: если и существовала мѣстная свобода отъ центральной власти, то она была не феодальная, а старо-народная, выражавшаяся въ самоуправленіи шировъ. Кромѣ того, Вильгельмъ позаботился, чтобы *владѣнія, розданныя имъ въ видѣ феодовъ, не составляли сплоченныхъ территорій*, которыя могли бы превратиться въ независимыя сеньеріи: многіе вассалы получали весьма большіе феоды, но земли, ихъ составлявшія, были разбросаны по многимъ ширамъ, что препятствовало ихъ выдѣленію въ самостоятельныя территоріи. Благодаря всему этому *въ Англіи мы не видимъ полнаго развитія характерныхъ черть политическаго феодализма:* страна остается единою, не раздробляясь на независимыя сеньеріи, хотя и учреждаются феоды; бароны, владѣющіе землею на феодальномъ правѣ при зависимости всей собственности отъ короля не превращаются въ государей, хотя и развиваютъ большое политическое могущество; наконецъ, политическая связь между королемъ и націей не разрѣшается въ вассальную іерархію, такъ какъ присягою обязаны были по отношенію къ королю всѣ. Однимъ словомъ, политическая феодализація Англіи не получаетъ полнаго развитія, хотя въ ея государственный бытъ и вносятся развившіяся во Франціи феодальныя отношенія и понятія, и хотя въ первой половинѣ XII в., во время возникшихъ тогда споровъ за престолъ между членами дина-

стіи, феодальная аристократія и пыталась расширить свои права въ смыслѣ захвата суверенныхъ правъ.

Черезъ безъ малаго полстолѣтіе послѣ завоеванія, на англійскій престолъ вступилъ Генрихъ I (1100), давшій первую грамоту англійскому народу. Завоеваніе усилило власть короля, которая при преемникѣ Вильгельма (Вильгельмѣ Рыжемъ) сдѣлалась деспотическою, и враждебность бароновъ къ его брату Генриху I заставила послѣдняго опереться на народъ. Въ своей хартіи онъ отказывается отъ „злыхъ обычаевъ" своего брата, поработившаго и грабившаго церковь, обѣщаетъ баронамъ не злоупотреблять своими правами по отношенію къ вассаламъ и не вымогать отъ нихъ денегъ, въ неопредѣленыхъ выраженіяхъ говоритъ и объ обезпеченіи правъ народа, исполняя законы добраго короля Эдуарда (Исповѣдника, послѣдняго англосаксонскаго короля), т.-е. сохраняя старое устройство королевства, но особенное видное мѣсто въ этой хартіи принадлежитъ опредѣленію взаимныхъ отношеній между королемъ и феодальными баронами. Проходитъ еще полвѣка и послѣ упомянутой усобицы, бывшей весьма благопріятною для бароновъ, на престолъ вступаетъ энергичный Генрихъ II, основатель династіи Плантагенетовъ (1154), извѣстный своею борьбою съ духовною властью, въ лицѣ архіепископа кентерберійскаго Ѳомы Бекета, отецъ Ричарда Львиное Сердце и Іоанна Безземельнаго, вынужденнаго на великую хартію вольностей. Уже Генрихъ I подтвердилъ прежнія собранія шировъ подъ предсѣдательствомъ шерифовъ и подъ контролемъ королевской куріи, причемъ попытки распредѣленія налоговъ самими жителями, дѣлавшіяся уже при Вильгельмѣ Завоевателѣ, при Генрихѣ II получаютъ болѣе правильный характеръ. Вмѣстѣ съ этимъ при томъ же королѣ военная служба вассаловъ замѣняется особымъ налогомъ — scutagium. Въ борьбѣ, которую вели англійскіе короли съ баронами до конца XII вѣка, сочувствіе народа было на сторонѣ первыхъ, но въ XII вѣкѣ тяжелыя подати, налагавшіяся на феодаловъ, горожанъ и сельчанъ, сближаютъ всѣхъ въ оппозиціи противъ короля, къ чему при Іоаннѣ Безземельномъ присоединяется недовольство внѣшней политикой короля. Извѣстно, при какихъ обстоятельствахъ Іоаннъ Безземельный, стѣсненный со всѣхъ сторонъ, вынужденъ былъ дать magnam chartam libertatum. Намъ нужно ближе познакомиться съ ея содержаніемъ, не излагая всѣхъ 63 ея статей, а останавливаясь на наиболѣе существенныхъ изъ нихъ [1]).

Король Іоаннъ отъ своего имени (хотя хартія имѣла договор-

---

[1]) Пользуемся русскимъ переводомъ великой хартіи въ трудѣ г. Н. Ясинскаго „Исторія великой хартіи въ XIII столѣтіи". Кіевъ. 1888, стр. 11—34.

ное происхожденіе) объявлялъ „архіепископамъ, епископамъ, аббатамъ, графамъ, баронамъ, судьямъ, лѣсничимъ, шерифамъ, превотамъ, чиновникамъ, всѣмъ бальифамъ и своимъ вассаламъ", что „по внушенію Бога и для спасенія души", „ради славы Бога, величія святой церкви и блага королевства", „по совѣту" такихъ-то и такихъ-то лицъ онъ подтверждаетъ свободу, права и вольности англійской церкви и пожаловалъ отъ себя и отъ имени преемниковъ своихъ разныя „вольности всѣмъ свободнымъ людямъ королевства". Первыя статьи хартіи говорятъ о вольности церкви (I) и устанавливаютъ законы о королевскихъ правахъ и доходахъ при переходѣ феодовъ по наслѣдству, объ опекѣ надъ малолѣтними вассалами, о бракахъ наслѣдниковъ, о вдовьемъ приданомъ и правѣ вторичнаго замужества, т.-е. о такихъ вопросахъ, которые вытекали изъ феодальныхъ отношеній, что было и въ хартіи Генриха I (ст. 2—8), и, кромѣ того, законы о долговыхъ обязательствахъ (ст. 9—11). Далѣе идетъ статья (12), гдѣ сказано, чтобы упомянутый скутагій, коимъ замѣнялась личная служба вассаловъ, и субсидіи (auxilium) „назначались въ королевствѣ только общимъ королевства собраніемъ", за исключеніемъ законной субсидіи, платившейся по феодальному праву вассалами въ случаѣ плѣна сюзерена, посвященія въ рыцари его старшаго сына и перваго брака старшей дочери, причемъ эта статья распространилась и на городъ (civitas) Лондонъ, который по слѣдующей статьѣ долженъ былъ „владѣть всѣми старинными вольностями и своими свободными обычаями и на сушѣ, и по водамъ": права Лондона уже раньше обезпечивались грамотами Вильгельма Завоевателя, Генриха I и привилегіей 1191 г., утверждавшей въ городѣ коммуну, но въ той же (13) статьѣ король выражаетъ желаніе: чтобы „всѣ другія общины (civitates), бурги, города, порты владѣли всѣми вольностями и своими свободными обычаями", которые, нужно замѣтить, въ сравненіи съ лондонскими правами значили весьма мало. Знаменитая 14-ая статья должна быть приведена цѣликомъ. „При созывѣ же общаго государственнаго собранія, говорится въ ней, для вотированія субсидіи въ другихъ случаяхъ, помимо трехъ вышеозначенныхъ, или вотированія щитовыхъ денегъ (скутагія) приглашали бы мы архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ, графовъ и крупныхъ бароновъ призывными грамотами (онѣ получили названіе writ'овъ) за личною нашею печатью, а кромѣ того, черезъ шерифовъ и нашихъ бальифовъ окружною грамотою приглашали всѣхъ тѣхъ, которые держатъ феоды непосредственно отъ насъ, къ опредѣленному дню, т.-е. по меньшей мѣрѣ за сорокъ дней до срока, и въ опредѣленное мѣсто, но во всѣхъ призывныхъ грамотахъ указывали бы на причину приглашенія; и такъ, когда уже разосланы пригласительныя грамоты, дѣло въ назначенный день подлежитъ рѣшенію

согласно съ мнѣніемъ присутствующихъ, хотя бы не всѣ изъ приглашенныхъ явились". Потомъ одна (15) статья запрещаетъ кому бы то ни было взимать субсидію съ его свободныхъ людей, за исключеніемъ трехъ законныхъ случаевъ и лишь въ законномъ размѣрѣ; за нею слѣдуетъ статья (16), не позволяющая принуждать къ феодальной службѣ сверхъ того, что̀ слѣдуетъ. Особаго вниманія заслуживаетъ и статья 18, по коей слѣдствія по нѣкоторымъ дѣламъ производились лишь въ ширахъ 4 раза въ годъ королевскими объѣздными судьями „съ 4-мя рыцарями (milites) каждаго графства (шира), выбранными въ графствѣ", причемъ засѣданія (ассизы) должны были происходить „въ день и на мѣстѣ ширмота", т.-е. суда графства, на которомъ присутствовали епископы, графы, бароны и всѣ свободные жители шира. Отдѣльныя статьи (20—22) касаются условій наложенія штрафовъ на лицъ разныхъ состояній, не исключая и крѣпостныхъ крестьянъ, равно какъ ограничиваютъ произволъ королевскихъ чиновниковъ и т. п. (26 и слѣд.): къ числу этихъ статей относится, какъ одна изъ важнѣйшихъ въ хартіи, и статья 39, устанавливающая личную свободу: „ни одинъ свободный человѣкъ пусть не подвергается аресту, заключенію въ тюрьмѣ, конфискаціи владѣній, лишенію покровительства законовъ, изгнанію или другой карѣ; мы не пойдемъ на него (войною), не пошлемъ за нимъ (войска), развѣ лишь по законному рѣшенію его (пэровъ) или по закону страны". Къ статьямъ, обезпечивающимъ свободу личности, относятся и тѣ (41—42), въ коихъ даруется свобода въѣзда и выѣзда, путешествія для купцовъ и для другихъ людей. Или вотъ еще статья (52), начинающаяся словами: „если кто безъ законнаго суда его пэровъ будетъ лишенъ владѣнія или отстраняемъ нами отъ имѣній, движимаго имущества, вольностей и права, то мы немедленно это ему возвратимъ, а если по этому поводу возникнетъ процессъ, тогда поступать по рѣшенію 25 бароновъ", о коихъ упоминается въ статьѣ (55), отдающей на рѣшеніе 25 бароновъ вопросы о несправедливыхъ и незаконныхъ взысканіяхъ и штрафахъ. Любопытна еще статья (60), приглашающая всѣхъ королевскихъ вассаловъ соблюдать по отношенію къ своимъ вассаламъ всѣ обычаи и вольности, пожалованные королемъ. Остается сказать еще о статьѣ 61, заключающей въ себѣ гарантію того, что все будетъ неприкосновенно исполняться: бароны должны были „избрать 25 бароновъ въ королевствѣ, какихъ пожелаютъ, обязанныхъ всѣми своими силами соблюдать, поддерживать и принуждать къ тому, чтобы соблюдали миръ и вольности", пожалованные королемъ „для лучшаго прекращенія возникшаго между нимъ и его баронами раздора". 25 бароновъ должны были блюсти, чтобы хартія не нарушалась, и если бы король не возстановилъ нарушеннаго права,

они будутъ при содѣйствіи всей страны „принуждать и преслѣдовать его всѣми способами, какими бы могли", не касаясь только особы короля, королевы и ихъ дѣтей, и при этомъ разрѣшалось всѣмъ желающимъ приносить присягу въ повиновеніи 25 баронамъ. Таково содержаніе знаменитой хартіи, изъ-за которой велась еще продолжительная борьба, пока существенныя ея постановленія не вошли окончательно въ силу. Сущность этой борьбы была слѣдующая. Іоаннъ отказался отъ исполненія хартіи и нашелъ поддержку въ папѣ Иннокентіи III, разрѣшившемъ его отъ присяги, а враговъ короля, наоборотъ, отлучившемъ отъ церкви; началась рѣшительная борьба съ баронами, но Іоаннъ умеръ въ 1216 г. Царствованіе его преемника Генриха III, у опекуновъ котораго въ самомъ началѣ бароны вытребовали подтвержденіе хартіи, наполнено борьбою короля съ баронами, предметомъ коей была хартія. Правительство утвердило ее за исключеніемъ нѣсколькихъ статей, и еще нѣсколько разъ Генрихъ III ее утверждалъ, именно каждый разъ, когда ему приходилось созывать совѣтъ бароновъ, соглашавшихся на субсидіи лишь подъ условіемъ новаго подтвержденія хартіи, причемъ бароны оказывались весьма неуступчивыми. При немъ, какъ мы увидимъ, и возникаетъ парламентъ во время новой борьбы бароновъ съ королемъ. Нѣсколько разъ подтверждалъ хартію и Эдуардъ I, вступившій на престолъ въ 1272 г., постоянно однако съ ограниченіями, пока, наконецъ, бароны не потребовали категорическаго подтвержденія. Въ это время король былъ въ ссорѣ не только съ баронами, но и съ духовенствомъ, а сверхъ того велъ еще войну во Фландріи: ему ничего не оставалось дѣлать, какъ согласиться на confirmatio chartarum, и послѣ этого копіи съ королевскихъ хартій должны были находиться во всѣхъ каѳедральныхъ церквахъ и по два раза въ годъ прочитываться народу.

Великая хартія, изданная въ началѣ XIII в. и до конца этого столѣтія бывшая предметомъ спора, является какъ бы исходнымъ пунктомъ дальнѣйшаго развитія государственной жизни въ Англіи. *По своему происхожденію и содержанію она несомнѣнно имѣетъ характеръ феодальный*: это—договоръ между королемъ и его вассалами, и многія статьи хартіи прямо касаются отношеній, возникшихъ на почвѣ феодальнаго быта, тѣхъ самыхъ, коими занята, напримѣръ, и упомянутая хартія Генриха I, причемъ за вассалами короля признается право платить извѣстные налоги только по собственному ихъ согласію, данному въ особомъ собраніи (ст. 12 и 14). Было бы, однако, несправедливымъ видѣть въ хартіи только одну эту сторону: утверждая права и вольности церкви, она не забываетъ столицы государства, пользовавшейся особыми привилегіями, гарантируетъ права другихъ городовъ и бурговъ (ст. 13), признаетъ старое устройство

шировъ (ст. 18), беретъ подъ свою защиту всѣхъ свободныхъ людей противъ бароновъ и обязываетъ вассаловъ короля соблюдать по отношенію къ своимъ вассаламъ то же самое, что король обязался соблюдать по отношенію къ нимъ самимъ (ст. 16 и 60), охраняетъ отъ чиновничьяго произвола даже крѣпостныхъ крестьянъ, а знаменитой 39 статьей гарантируетъ личную неприкосновенность (развитіемъ этого принципа былъ во второй половинѣ XVII в. Habeas-corpus-act) и законный судъ равныхъ (legale judicium parium), изъ коего впослѣдствіи развился судъ присяжныхъ и т. д. Въ этихъ статьяхъ заключаются *принципы, выходившіе уже изъ тѣсныхъ рамокъ феодальнаго быта, принципы, способные быть примѣненными къ цѣлому народу и къ высшимъ формамъ общежитія.* Но гарантія того, что хартія будетъ соблюдаться, была чисто феодальная: она заключалась въ правѣ бароновъ на вооруженное сопротивленіе, къ коему приглашался всякій, кто бы ни пожелалъ. 61 статья хартіи ставила королевскую власть въ зависимость отъ баронской олигархіи 25, и въ этомъ,—хотя, конечно, и не въ одномъ этомъ,—заключалось то, что Іоаннъ Безземельный не хотѣлъ исполнять хартіи. При подтвержденіяхъ хартіи въ XIII вѣкѣ въ нее вносились измѣненія, состоявшія главнымъ образомъ въ нѣкоторыхъ пропускахъ, съ одной стороны, и добавленіяхъ, съ другой. Первое подтвержденіе хартіи регентами королевства въ 1216 г. исключало изъ хартіи между прочимъ статью о 25 баронахъ, статью 12 и статью 14 и дополняло ее нѣкоторыми постановленіями, ограждавшими населеніе отъ произвола чиновниковъ. Менѣе важныя измѣненія были произведены при подтвержденіи хартіи въ 1217 г., въ каковомъ видѣ ея текстъ и повторялся потомъ при всѣхъ послѣдующихъ подтвержденіяхъ при Генрихѣ III, не мѣшавшихъ ему, впрочемъ, постоянно нарушать хартію. Несмотря на исключеніе изъ хартіи 12 и 14 статей, въ дѣйствительности право бароновъ вотировать налоги не было отмѣнено, и этимъ, какъ было сказано, пользовались бароны, давая деньги лишь подъ условіемъ утвержденія хартіи. Упомянутая confirmatio chartarum, признанная Эдуардомъ I въ 1297 г., обѣщая соблюдать ненарушимо во всѣхъ пунктахъ великую хартію (и еще одну спеціальную хартію Генриха III), дополняетъ ее наконецъ статьею, возстановляющею, въ сущности, пропущенныя 12 и 14 статьи, но тогда уже существовалъ самый парламентъ: король давалъ теперь обѣщаніе за себя и своихъ наслѣдниковъ духовенству, аристократіи, и общинамъ (a tote communaute de la terre) не взимать субсидій, пошлинъ и сборовъ, иначе какъ съ общаго согласія всего королевства и на общую пользу. Въ виду именно того, что въ 1297 году, когда давалось это обѣщаніе, парламентъ, образовавшійся въ се-

рединѣ вѣка, пользовался этимъ правомъ, статья confirmationis chartarum уже сакціонировала только существовавшій фактъ.

Обоюдный договоръ, какимъ была великая хартія, полагалъ начало ограниченію королевской власти въ Англіи, и „вольности“ даровались ею не однимъ только феодаламъ, но и „всѣмъ свободнымъ людямъ королевства“, какъ сказано въ первой же статьѣ вслѣдъ за подтвержденіемъ правъ церкви, или „всѣмъ жителямъ“, какъ это повторяется въ послѣдней статьѣ. Другими словами, *въ великой хартіи поставлены рядомъ элементы феодальный и національный*, сохранившій свою живучесть отъ англосаксонскихъ временъ. Въ исторіи Англіи она сдѣлалась краеугольнымъ камнемъ политической свободы, фундаментомъ, на которомъ устроилось вѣковое зданіе англійской конституціи. Одновременно съ „золотою буллою“ Андрея I Венгерскаго (1222), подтверждавшею и опредѣлявшею права магнатовъ и ничего не говорившею о какихъ-либо вольностяхъ прочихъ классовъ населенія, сходная и по формѣ, и по частностямъ содержанія съ другими средневѣковыми хартіями, дававшимися разнымъ чинамъ, magna charta libertatum, важна именно своимъ всесословнымъ характеромъ, чѣмъ Англія была обязана сохраненію народныхъ правъ англо-саксонскаго періода во время норманнскаго завоеванія. Въ составъ этого права входило и самоуправленіе графствъ (шировъ), ведущее свое начало изъ самыхъ отдаленныхъ временъ, *и на почвѣ этого самоуправленія легче было вырости и развиться самоуправленію государственному.* Если крупные бароны и составляли въ Англіи особую аристократическую палату, то въ нижней палатѣ были представлены именно эти графства, въ коихъ изъ мелкихъ бароновъ, подвассаловъ, просто свободныхъ людей вмѣстѣ съ горожанами, не выдѣлившимися въ суверенныя коммуны, выработался съ теченіемъ времени особый классъ людей, который и сталъ играть роль какъ въ мѣстномъ самоуправленіи, такъ и въ парламентѣ, чѣмъ устранялся рѣзкій сословный антагонизмъ континентальныхъ „государственныхъ чиновъ“ и создавалась связь между мѣстною и общегосударственною жизнью и притомъ такъ, что мѣстное самоуправленіе не расчленяло единаго государства на что-либо подобное феодальнымъ сеньеріямъ или муниципальнымъ республикамъ, а общегосударственное единство не убивало мѣстной самостоятельности. Это самоуправленіе графствъ заслуживаетъ того, чтобы дать ему общую характеристику.

У англосаксовъ въ эпоху ихъ появленія въ Британіи мы наблюдаемъ существенныя черты того общественнаго устройства, какое за четыре вѣка передъ тѣмъ было, по описанію Тацита, у всѣхъ германцевъ. Деревни соединялись въ сотни, имѣвшія свои вѣча (ге-

моты) или собранія съ судебною и полицейскою функціями, а города получили значеніе отдѣльныхъ сотенъ, подчиняясь вмѣстѣ съ ними юрисдикціи графствъ. Послѣднія возникли отчасти изъ прежнихъ самостоятельныхъ королевствъ и получили названіе шировъ. Въ нихъ сохранялись народныя вѣча (фолькгемоты), какъ собранія графствъ (ширгемоты), гдѣ тоже рѣшались судебныя дѣла, но болѣе крупнаго значенія, равно какъ дѣла по общему управленію графствомъ, въ томъ числѣ и церковныя, для чего собранія созывались два раза въ годъ и должны были de jure состоять изъ всѣхъ свободныхъ людей сотенъ, хотя de facto составъ ихъ съ теченіемъ времени сдѣлался аристократическимъ. Во главѣ графствъ стояли королевскіе намѣстники (ольдермены) съ помощниками своими герефами (ширгерефа), которые и сдѣлались впослѣдствіи настоящими управителями графствъ. Эти мѣстныя учрежденія, какъ мы знаемъ, были сохранены послѣ норманнскаго завоеванія и послужили основою, на которой и развилось англійское самоуправленіе, такъ какъ Вильгельмъ Завоеватель, считая себя вступившимъ на престолъ не по праву побѣдителя, а какъ законный наслѣдникъ, далъ обѣщаніе соблюдать законы „добраго короля Эдуарда Исповѣдника", своего предшественника. Генрихъ I подтвердилъ, что ширгемоты и бургемоты, равно какъ и сотенныя собранія будутъ созываться по-прежнему. Къ эпохѣ изданія великой хартіи побѣдители и побѣжденные ассимилировались, старыя, народныя и новыя, феодальныя учрежденія срослись вмѣстѣ, и, какъ мы уже видѣли, хартія упоминаетъ о собраніяхъ графствъ, какъ о существующемъ учрежденіи. Графство не было ни территоріей какого-либо города, ее въ себѣ и поглощавшаго въ политическомъ отношеніи, ни „графствомъ", въ смыслѣ графствъ французскихъ, представлявшихъ изъ себя отдѣльныя владѣнія: оно было, такъ сказать, земствомъ, хотя полноправными ихъ гражданами уже до норманнскаго завоеванія были не всѣ жители, а только свободные, число коихъ уменьшалось, благодаря тому, что въ Англіи еще до Вильгельма Завоевателя происходилъ процессъ, аналогичный соціальной феодализаціи на континентѣ.

VIII. Возникновеніе парламента.

Мнѣніе Фримана о связи, существующей между витенагемотомъ и парламентомъ.—Magnum consilium.—«Безумный парламентъ».—Роль Симона Монфортскаго.—Начало представительства.—Парламентъ 1295 г.—Англія въ XIV и XV вв.—Парламентъ и континентальные чины.—Составъ верхней и нижней палаты.—Сравненіе парламента съ польскимъ сеймомъ.—Земля и власть въ Англіи.

„Въ исторіи Англіи, говоритъ одинъ изъ ея историковъ, не было ни одной эпохи, въ которую не существовало бы въ той или другой

формѣ народнаго собранія: былъ ли то витенагемотъ, великій совѣтъ или парламентъ—всегда существовало собраніе, съ бо́льшимъ или меньшимъ основаніемъ считавшее себя въ правѣ говорить отъ имени народа". Въ другомъ мѣстѣ тотъ же историкъ, описавъ англосаксонскій витенагемотъ, происшедшій изъ общенароднаго вѣча, какъ собраніе (гемотъ) мудрыхъ (витановъ), указываетъ на то, что изъ этого-то учрежденія непосредственно и выработался парламентъ. Относительно одной изъ его палатъ, продолжаетъ онъ, можно выразиться опредѣленнѣе: сказать, что она образовалась изъ древняго англійскаго собранія—этого мало; можно прямо сказать, что она совершенно тождественна съ этимъ древнимъ собраніемъ. Палата лордовъ не происходитъ отъ древняго витенагемота—это тотъ же витенагемотъ: между исчезновеніемъ перваго и возникновеніемъ второго не было никакого перерыва. Король Вильгельмъ (Завоеватель) созывалъ своихъ витановъ такъ же, какъ король Эдуардъ (Исповѣдникъ) созывалъ ихъ въ свое время,.... и вообще послѣ норманнскаго завоеванія „великіе совѣты" отличаются такимъ же неопредѣленнымъ и измѣнчивымъ характеромъ, какъ и англосаксонскіе гемоты". „Я рѣшительно утверждаю, говоритъ онъ еще, что палата лордовъ представляетъ или, точнѣе, есть не что иное, какъ древній витенагемотъ". [1]) Приведенныя слова принадлежатъ Фриману, и чтобы понять ихъ, нужно припомнить то, что сказано было раньше о превращеніи старогерманскихъ общенародныхъ вѣчъ въ собранія духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, наслѣдственныхъ и служилыхъ, по мѣрѣ того, какъ увеличивалась государственная территорія, усиливался аристократическій классъ и уменьшалось количество свободныхъ людей, имѣвшихъ личное право участвовать въ вѣчѣ. Такимъ аристократическимъ сеймомъ [2]) и былъ англосаксонскій витенагемотъ. Фриманъ, быть, можетъ, только слишкомъ рѣзко выставляетъ на видъ непосредственность связи между витенагемотомъ и парламентомъ, но съ самой общей точки зрѣнія онъ правъ: *между парламентомъ и витенагемотомъ существуетъ такое же соотношеніе, какое мы видимъ и на материкѣ между позднѣйшими собраніями „государственныхъ чиновъ" и прежними аристократическими сеймами*: послѣдніе будучи преемниками народныхъ вѣчъ, замѣнялись въ феодальную эпоху собраніями вассаловъ (феодальныя куріи), присоединеніе къ коимъ другихъ элементовъ и превращало ихъ въ государственные чины. Принимая такой порядокъ собраній (вѣче, сеймъ, курія, штаты),

[1]) *Фриманъ и Стебсъ.* Опыты по исторіи англійской конституціи. М. 1880. Стр. 47, 54—55 и 57.

[2]) Фриманъ здѣсь нѣсколько иного мнѣнія.

не нужно только настаивать на ихъ непрерывности и непосредственности той связи, какая между ними существовала. Въ Англіи норманнское завоеваніе и деспотизмъ первыхъ королей, равно какъ наплывъ континентальныхъ бароновъ, между коими подѣлено было много земли, и введеніе феодальныхъ порядковъ должны были произвести перерывъ, но, съ другой стороны, перерывъ этотъ не продолжался всѣ два вѣка, протекшіе между норманнскимъ завоеваніемъ (1066 г.) и началомъ парламента (1265 г.), ибо уже много раньше этого послѣдняго событія мы встрѣчаемся въ исторіи Англіи съ такъ называемымъ великимъ совѣтомъ (magnum consilium). Что же такое былъ этотъ великій совѣтъ и какую роль онъ играетъ въ образованіи парламента?

Правленіе первыхъ норманнскихъ королей въ Англіи мы имѣемъ полное право называть личнымъ, а новая феодальная аристократія не настолько еще упрочилась, чтобы сразу начать играть ту роль, какая принадлежала континентальнымъ феодальнымъ сеньерамъ. Тѣмъ не менѣе мы узнаемъ изъ источниковъ того времени, что собранія вассаловъ все-таки происходили, хоть особаго политическаго значенія они и не имѣли. Гнейстъ видитъ въ нихъ даже простые только придворно-военные парады, да и Стебсъ полагаетъ, что функціи національныхъ совѣтовъ были болѣе номинальнаго, чѣмъ реальнаго свойства. Во всякомъ случаѣ произошла феодализація этихъ собраній, превращеніе ихъ въ собраніе королевскихъ вассаловъ, совѣтъ и согласіе (counsel and consent) коего въ принципѣ, по крайней мѣрѣ, ограничивали власть короля. При Генрихѣ II, т.-е. черезъ столѣтіе послѣ норманнскаго завоеванія, этотъ совѣтъ правильно созывается по два и по три раза въ годъ и по своему составу походитъ на королевскій судъ феодальныхъ вассаловъ. Онъ состоялъ кромѣ духовныхъ и свѣтскихъ вельможъ, и изъ фригольдеровъ [1]), число которыхъ впослѣдствіи сократилось, и занимался дѣлами политическими, законодательными, финансовыми и судебными. Слѣдовательно, de jure для рѣшенія дѣлъ испрашивался совѣтъ націи, законы издавались „cum consensu et consilio“ собранія и даже обсуждались вопросы податного обложенія. Такъ дѣло тянулось до эпохи великой хартіи и образованія парламента, т.-е. до XIII вѣка. Такова была изстари существовавшая почва, на которой позднѣе выросъ англійскій парламентъ: *его возникновенію предшествовала длинная традиція, какой не имѣли генеральные штаты во Франціи, возникшіе по иниціативѣ Филиппа Красиваго.* Большой совѣтъ (magnum consilium) Генриха II является, дѣйствительно, какъ бы продолженіемъ вите-

[1]) Свободные землевладѣльцы. О нихъ ниже.

пагемота на новыхъ началахъ—съ большею властью короля, чѣмъ та, какою пользовались послѣдніе англосаксонскіе государи, и съ болѣе опредѣленнымъ составомъ обыкновенной феодальной куріи. Іоаннъ Безземельный, возведенный на престолъ баронами помимо правъ его малолѣтняго племянника Артура, время отъ времени созывалъ своихъ вассаловъ, предпочитая, впрочемъ, личное правленіе. Великая хартія, какъ мы видѣли, обязываетъ его не иначе налагать щитныя деньги (скутагій) и чрезвычайныя пособія (auxilium), какъ съ общаго совѣта (per commune consilium), въ который король долженъ былъ приглашать крупныхъ бароновъ и высшее духовенство личными грамотами, а прочихъ вассаловъ черезъ шерифовъ. Мы видѣли также, что, несмотря на пропускъ при подтвержденіи хартіи, 12 и 14 статей, заключавшихъ въ себѣ эти обязательства, порядокъ вещей, ими санкціонированный, не былъ отмѣненъ, и принципъ, по которому долженъ былъ существовать commune consilium regni, не потерялъ своей практической силы и въ царствованіе Генриха III, во вторую половину коего и возникаетъ настоящій парламентъ.

Генрихъ III жилъ въ ссорѣ со своими подданными, и во главѣ образовавшейся противъ него феодальной оппозиціи сталъ Симонъ Монфортскій, французъ по происхожденію, получившій въ Англіи лейчестерскій феодъ съ графскимъ титуломъ и женившійся на сестрѣ короля, но тѣмъ не менѣе бывшій съ нимъ не въ ладахъ. Въ 1258 г. Генрихъ III созвалъ въ Оксфордѣ magnum consilium, который уже раньше сталъ называться парламентомъ [1]), по случаю предложенія папою сицилійской короны старшему сыну короля: пріобрѣтеніе этой короны требовало субсидій, и вотъ Генрихъ III собираетъ вельможъ и вассаловъ (proceres et fideles) своего королевства въ magnum consilium. Прелаты и бароны на этомъ собраніи потребовали, между прочимъ, періодическихъ созывовъ совѣта и учрежденія коммиссіи для преобразованія управленія, на что король далъ согласіе. Въ силу этого Генриху III была представлена петиція о прекращеніи злоупотребленій и назначенъ былъ комитетъ изъ 24 бароновъ, изъ коихъ 12 было указано самимъ королемъ, а 12 избрано баронами: роль его должна была быть посредническая, и въ числѣ его членовъ отъ оппозиціи былъ Симонъ. Этотъ комитетъ выработалъ такъ называемыя „оксфордскія провизіи“, т.-е. цѣлый проектъ конституціи чисто олигархическаго характера: „парламентъ“ долженъ былъ превратиться изъ національнаго совѣта, съ согласія коего рѣшались законодательные и финансовые вопросы, въ учрежденіе, которое упра-

[1]) Мы увидимъ, что это названіе для собраній стало употребляться и въ другихъ странахъ.

вляло бы государствомъ при посредствѣ баронскихъ комитетовъ. Генрихъ III принялъ эти условія, но для него этотъ парламентъ 1258 г. долженъ былъ казаться „безумнымъ“ (insane parliamentum, какъ назвали собраніе 1258 года сторонники короля), да и помимо того, съ протестомъ противъ баронской олигархіи выступили мелкіе бароны и рыцари (подвассалы), подавшіе въ этомъ смыслѣ петицію и требовавшіе иныхъ преобразованій. Король между тѣмъ не подчинялся „провизіямъ“ и даже нарушалъ прежніе законы страны. Въ это-то время и выдвинулся Симонъ Монфортскій, сдѣлавшійся необыкновенно популярнымъ среди всѣхъ сословій англійскаго общества. Началось междоусобіе (1263), въ битвѣ при Люисѣ (Lewes) Генрихъ III потерпѣлъ пораженіе и попалъ въ плѣнъ (1264), а побѣдитель Симонъ, признанный протекторомъ королевства, занялъ положеніе, напоминающее диктатуру. Но онъ воспользовался побѣдой, чтобы положить начало новому элементу въ „великомъ совѣтѣ“, который, только благодаря этому, и измѣнился не по одному названію, но и по существу дѣла, превратившись въ позднѣйшій парламентъ. Magna consilia Генриха III состояли лишь изъ лицъ, которыя по своимъ должностямъ и феодамъ призывались имъ на совѣщанія, и только изрѣдка по спеціальнымъ вопросамъ приглашались выборные отъ рыцарства. Сдѣлавшись фактическимъ владыкою государства, Симонъ отъ имени короля созываетъ въ парламентъ на 20 января 1265 г. для умиротворенія страны и установленія новыхъ порядковъ—прелатовъ и преданныхъ новому правительству бароновъ, а кромѣ нихъ шерифы должны были „прислать“ (venire faciant) по два рыцаря отъ каждаго графства, по два горожанина изъ бурговъ и по четыре выборныхъ отъ пяти портовъ королевства. *То-есть, въ парламентѣ 1265 г., рядомъ съ старыми членами подобныхъ собраній, являвшихся по личному праву, мы видимъ и выборныхъ представителей отъ графствъ и городовъ, и съ этого времени ведетъ въ Англіи начало правильная представительная система.* Между тѣмъ король и его старшій сынъ (Эдуардъ) нашли сторонниковъ среди вассаловъ: принцъ бѣжалъ изъ-подъ надзора Симона, война возобновилась, и въ битвѣ при Эвсгэмѣ (Evesham), Симонъ потерпѣлъ пораженіе и лишился жизни, прославленный потомствомъ и исторіей, какъ борецъ за народную свободу. Побѣдители составили особый актъ (dictum de Kenilworth), коимъ Генриху III возвращалась полная власть, но въ предѣлахъ законовъ и обычаевъ королевства и съ соблюденіемъ великой хартіи, и дѣло, повидимому, кончилось отмѣною не только постановленій „безумнаго парламента“, но и нововведенія Симона Монфортскаго. Генрихъ III мирно пользовался плодами своей побѣды до самой своей смерти.

Призывъ представителей графствъ и бурговъ для засѣданій въ парламентѣ не былъ совершенною новостью и не былъ также заимствованіемъ извнѣ (подражаніемъ аррагонскимъ кортесамъ, съ коими Симонъ Монфортскій могъ быть знакомъ, какъ уроженецъ южной Франціи): такой призывъ случался и раньше, и *начало представительства существовало въ Англіи и ранѣе 1265 г. въ мѣстныхъ учрежденіяхъ*. Въ исторіи самого представительства англійскій ученый Стёбсъ (Stubbs) различаетъ три разныя стороны: 1) самое начало представительства, которое было знакомо англичанамъ изъ практики низшихъ судовъ, судовъ сотенъ и шировъ, 2) *одинаковое примѣненіе этого начала ко всѣмъ классамъ общества* и 3) порядокъ самого производства призыва. Витенагемотъ и великій совѣтъ не были собраніями представительными, но въ парламентѣ рядомъ съ непредставительною палатой пэровъ образовалась представительная палата общинъ, въ коей были представлены всѣ классы общества, причемъ члены первой (лорды, пэры) призывались въ собраніе парламента личными пригласительными грамотами, а депутаты черезъ шерифовъ. Въ 1265 г. Симономъ Монфортскимъ положено было начало правильному и не случайному представительству графствъ и городовъ въ тяжелую годину междоусобной войны съ обращеніемъ не къ однимъ ширамъ, но и къ бургамъ, и самая призывная грамота 1264 г. была одинаковымъ обращеніемъ къ духовенству, аристократіи, графствамъ и городамъ, что указывало на *желаніе Симона Монфортскаго слить воедино всѣ классы общества въ общемъ національномъ дѣлѣ*. При этомъ вдобавокъ была соблюдена форма созыва однихъ—личными приглашеніями, другихъ—черезъ шерифовъ, уже намѣчавшаяся 14 статьей великой хартіи, той самой статьей, которая была изъ нея выпущена при ея подтвержденіяхъ.

Верхняя и нижняя палаты образовались однако не въ 1265 году, а уже въ XIV в. Съ Эдуардомъ I до 1297 г. продолжалась еще борьба за хартію, завершившаяся, какъ мы видѣли, окончательнымъ ея утвержденіемъ (confirmatio chartarum), а до этого времени царствованіе Эдуарда I было продолженіемъ того, что̀ представляли собою послѣдніе годы Генриха III послѣ побѣды при Эвсгемѣ и кенильвортскаго „dictum'a", хотя король все-таки созывалъ и magnum consilium, приглашая, впрочемъ, по частнымъ вопросамъ и для отдѣльныхъ совѣщаній и выборныхъ отъ графствъ и городовъ (1275, 1282, 1283, 1290). Первый парламентъ въ формѣ того, который былъ созванъ Симономъ Монфортскимъ, относится послѣ этого только къ 1295 г.: Эдуардъ I былъ вынужденъ къ этому внѣшними неудачами и затрудненіями и необходимостью получить большія субсидіи. Въ

пригласительныхъ грамотахъ этого года между прочимъ говорилось, что „всѣхъ касающіяся дѣла всѣми должны и одобряться“ (ut quod omnes tangit ab omnibus approbetur) и что представители-рыцари графствъ и представители городовъ должны имѣть полномочія (plenam et sufficientem potestatem), говорить и дѣйствовать отъ ихъ имени, но сдѣлано было однако различіе (впослѣдствіи уничтожившееся) между magnum consilium и общинами въ томъ смыслѣ, что первый приглашался ad tractandum, ordinandum et faciendum, a вторыя—ad faciendum quod tunc de communi consilio ordinabatur. Въ той же формѣ повторился парламентъ и въ слѣдующемъ году, а черезъ годъ произошла извѣстная уже confirmatio chartarum, за которою послѣдовали новыя уступки со стороны короля.

Такъ возникъ парламентъ въ Англіи. XIV и XV вѣка въ англійской исторіи были весьма бурной эпохой, открывающейся двадцатилѣтнимъ царствованіемъ Эдуарда II (1307—1327), который все это время находился въ борьбѣ съ баронами и былъ низложенъ парламентомъ съ престола, а потомъ умерщвленъ,—и оканчивающейся тридцатилѣтнимъ междоусобіемъ „алой и бѣлой розъ“, т.-е. ланкастерской и іоркской династій. Въ серединѣ этого періода (1399 г.) повторяется фактъ низложенія короля (Ричарда II), сопровождаемый передачею престола парламентомъ въ ланкастерскую династію, что было причиною внутреннихъ смутъ XV вѣка. Несмотря на это, англійскія политическія учрежденія именно въ это время и развиваются на основахъ принциповъ 1215 и 1265 г. *Въ первой половинѣ XIV вѣка парламентъ получаетъ ту организацію, которую и сохранялъ потомъ въ теченіе шести вѣковъ* до нашего времени, а къ серединѣ XV прочно устанавливается и его компетенція.

Англійскій парламентъ вполнѣ подходитъ подъ понятіе сословно-представительнаго учрежденія, ибо въ немъ были представлены три сословія, которыя составляли изъ себя англійскую націю, т.-е. духовенство, бароны и общины, но отличіе этихъ сословій отъ континентальныхъ заключалось въ томъ, что въ Англіи они не сдѣлались сословіями замкнутыми, съ особыми привилегіями, ихъ разъединявшими, *и съ представительствомъ сословнымъ здѣсь соединилось представительство мѣстное*, имѣвшее корни въ отдаленной старинѣ и съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе получавшее перевѣсъ. „Общины“ Англіи, представленныя въ нижней палатѣ, ближе подходили къ понятію націи, нежели разрозненные „чины“ континентальныхъ государствъ. Палата лордовъ была простымъ продолженіемъ великаго совѣта, состоя изъ прелатовъ и крупныхъ бароновъ, такъ что является съ чертами, характеризующими аналогичныя учрежденія континента, но настоящую самобытность пред-

ставляетъ намъ изъ себя палата общинъ: въ ней слились воедино мелкое баронство и рыцарство съ гражданствомъ.—Разсматривая эту организацію, мы должны спросить: почему въ Англіи не образовалось особаго „чина“—духовенства? Отвѣтъ на это заключается въ томъ, что высшія духовныя лица подобно крупнымъ баронамъ получали личныя приглашенія на собранія парламента, и весьма было естественно, что эти духовные и свѣтскіе вельможи стали засѣдать вмѣстѣ. Что касается до низшаго духовенства, имѣвшаго свои эпархіальныя собранія, то оно участвовало въ парламентахъ въ лицѣ своихъ начальниковъ или делегатовъ, которые засѣдали то отдѣльно отъ рыцарей, то вмѣстѣ съ ними, пока не произошло совершенное отдѣленіе ихъ отъ парламента, такъ какъ низшее духовенство предпочло вотировать субсидіи не въ парламентѣ, а въ своихъ спеціальныхъ собраніяхъ (конвокаціяхъ). Такимъ образомъ высшее духовенство слилось съ крупными баронами, а низшее устранилось отъ парламента, и клиръ не составилъ особаго „штата“. Съ другой стороны, при первыхъ двухъ Эдуардахъ и рыцари отъ графствъ, и городскіе депутаты вотируютъ то вмѣстѣ, то отдѣльно, и только при Эдуардѣ III окончательно сливаются въ одно цѣлое—палату общинъ, что̀ произошло, кажется, въ сороковыхъ годахъ XIV вѣка: напримѣръ, о парламентѣ 1343 г. извѣстно, что лорды собрались въ „бѣлой палатѣ“, а рыцари и „коммонеры“ въ „крашеной“. На почвѣ общественной жизни графствъ происходило сліяніе разныхъ соціальныхъ элементовъ. Мелкіе бароны (barones minores), вассалы короля, и рыцари (milites), подвассалы, имѣли много общихъ интересовъ и совершенно одинаково призывались въ парламентъ циркулярами на имя шерифовъ. Старинныя собранія графствъ были наиболѣе удобнымъ средствомъ для призыва въ magnum consilium мелкихъ бароновъ по 13 статьѣ великой хартіи, а потомъ и рыцарей (правильно съ 1295 года), тѣмъ болѣе, что рыцари отъ графствъ издавна выбирались для разныхъ мѣстныхъ дѣлъ. Въ этихъ собраніяхъ они избирались—de jure, по крайней мѣрѣ,—всѣми имѣвшими право участвовать въ самихъ собраніяхъ, а таковыми были всѣ „свободные держатели“ (libere tenentes), съ 1430 г. (статутъ Генриха VI) съ 40 шиллингами поземельнаго дохода. Англійское рыцарство не было замкнутымъ сословіемъ: въ него проникали свободные собственники, горожане, пріобрѣтавшіе рыцарскія помѣстья, и изъ него выработался для всѣхъ открытый помѣстный классъ—джентри, вполнѣ опредѣлившійся вслѣдствіе закона о цензѣ въ 40 шиллинговъ,—классъ, съ коимъ, благодаря этому закону, тѣсно соединился и классъ фригольдеровъ, т.-е. мелкихъ свободныхъ собственниковъ нерыцарскихъ имѣній. Такимъ образомъ *къ серединѣ XV в. произошло сліяніе въ*

общемъ земствѣ мелкихъ феодальныхъ и просто свободныхъ соціальныхъ элементовъ, причемъ своимъ феодальнымъ характеромъ это земство не очень рѣзко отдѣлялось отъ феодальнаго элемента верхней палаты. Прежде, нежели джентри выработалась окончательно, началось сліяніе ея представителей съ представителями городовъ.

Въ Англіи города не были коммунами во французскомъ смыслѣ. Лишь немногіе изъ нихъ получили хартіи, дѣлавшія изъ нихъ особыя графства, т.-е. ставившія ихъ наравнѣ съ послѣдними: большею частью города не выдѣлялись изъ графствъ, въ коихъ находились. Политическое значеніе городовъ (особенно въ сравненіи съ джентри) было незначительно (исключая Лондонъ), да и не было опредѣленнаго порядка ихъ созыва въ парламентъ. Все это мѣшало образованію особой палаты горожанъ, и наоборотъ, было много причинъ для того, чтобы *ихъ представители соединялись съ рыцарями отъ графствъ.* Члены низшаго дворянства покупали себѣ дома въ городахъ, горожане пріобрѣтали имѣнія въ графствахъ, да и браки между обоими сословіями были часты. Оба они были членами одного и того же графства, подчинены одному и тому же шерифу, и городская милиція должна была являться туда же, куда являлась и сельская и т. д.

Какой же былъ составъ каждой изъ этихъ палатъ?

Верхняя палата состояла изъ лицъ, начавшихъ называться пэрами королевства и носившихъ разные аристократическіе титулы: ихъ право было быть лично призываемыми въ парламентъ и составлять особую его часть. Мало-по-малу званіе пэра сдѣлалось независимо отъ феодальнаго землевладѣнія, ибо королевская власть имѣла право приглашать кого ей было угодно. Тѣмъ не менѣе пэрство сдѣлалось наслѣдственнымъ, и наслѣдственность основывалась не на феодальномъ держаніи, а на фактѣ королевскаго приглашенія, причемъ званіе пэра переходило только къ одному старшему сыну. Благодаря этому, *англійская аристократія не была уже прямо феодальною аристократіей, и самое званіе пэра было особымъ политическимъ правомъ, не распространявшимся на остальныхъ дѣтей пэра*, которыя такимъ образомъ сливались съ остальной массой. Должностныя лица великаго совѣта мало-по-малу утрачиваютъ свое значеніе, сливаются съ не-должностными, и самъ королевскій совѣтъ наполняется пэрами.

Въ нижней палатѣ было 74 рыцаря отъ графствъ, по два изъ каждаго изъ 37 графствъ, на которыя дѣлилась Англія. *Городское представительство было крайне неправильно*, да города и не особенно дорожили этимъ правомъ: многимъ казалось тяжелымъ платить два шиллинга въ день своему депутату, а интереса къ парламентской дѣятельности не было. Кромѣ того, часто въ вопросѣ о налогахъ вы-

годнѣе было не выдѣляться изъ графства, гдѣ налоги были ниже. Сговорчивость горожанъ заставляла однако королей увеличивать число городовъ, призывавшихся въ парламентъ: они могли составить противовѣсъ противъ джентри, но они часто и уклонялись отъ появленія въ парламентѣ. Къ концу царствованія Эдуарда I число призываемыхъ городовъ было 166, а послѣ Ричарда II только 99, кромѣ Лондона. Распредѣлены эти города были между графствами крайне неравномѣрно, а право избиранія весьма различно въ разныхъ городахъ— гдѣ въ рукахъ замкнутой олигархіи, гдѣ въ рукахъ гражданъ и т. п. Несмотря на все это, *горожанъ въ парламентѣ къ концу среднихъ вѣковъ было больше, чѣмъ рыцарей отъ графствъ* (первыхъ 226 на 74 вторыхъ), хотя руководящая роль принадлежала все-таки послѣднимъ, ибо въ мѣстной жизни графствъ главными дѣятелями были они.

Таковъ былъ составъ англійскаго парламента, въ основѣ коего лежали мѣстное самоуправленіе и сліяніе сословій въ одно цѣлое. Несмотря на относительную самостоятельность графствъ, парламентъ не превратился въ конгрессъ пословъ отъ самобытныхъ политическихъ организмовъ, у которыхъ были бы сепаратистическія тенденціи, а сліяніе сословій не позволяло ему сдѣлаться простымъ соединеніемъ отдѣльныхъ и другъ къ другу враждебно расположенныхъ чиновъ. *Въ англійскомъ парламентѣ счастливо сочетались принципы государственнаго единства и мѣстнаго самоуправленія, элементы феодальные и не-феодальные, земскіе и городскіе.* Въ обоихъ отношеніяхъ полную противоположность англійскому парламенту мы видимъ въ конгрессивномъ и односословномъ польскомъ сеймѣ, организовавшемся къ началу XVI вѣка. Сравненіе между обоими учрежденіями будетъ небезполезно.

Польскій сеймъ состоялъ изъ двухъ палатъ: изъ сената и посольской избы. Сенатъ былъ королевскимъ совѣтомъ ранняго происхожденія и состоялъ изъ епископовъ и вельможъ (пановъ), т.-е. былъ чѣмъ-то въ родѣ англійскаго magnum consilium, а въ посольской избѣ была представлена только одна шляхта или рыцарство (rycerstwo), выбиравшее своихъ „пословъ" на воеводскихъ сеймикахъ, т.-е. на поголовныхъ собраніяхъ шляхты въ отдѣльныхъ воеводствахъ, на которыя дѣлилось государство, при чемъ послы не получали тѣхъ полномочій, какими были снабжены англійскіе рыцари отъ графства, а снабжались инструкціями сеймиковъ, связывавшими ихъ самостоятельность: *односословность и конгрессивность посольской избы главнымъ образомъ и отличаетъ ее отъ палаты общинъ.* Въ Польшѣ все захватила въ свои руки шляхта, считавшая себя земскимъ элементомъ (ziemianie) и исключавшая изъ сейма городское сословіе, а съ другой стороны, сейму, какъ общегосударственному собранію, не удалось подчинить себѣ вое-

водскіе сеймики (нѣчто въ родѣ собраній графствъ), и съ теченіемъ времени сеймиковый сепаратизмъ даже получилъ преобладаніе надъ сеймомъ. Произошло и то, и другое въ Польшѣ, во-первыхъ, потому, что въ эпоху возникновенія сейма городское населеніе въ этой странѣ было нѣмецкое, сторонившееся отъ національной польской жизни, а во-вторыхъ, потому, что воеводства, бывшія нѣкогда удѣльными княжествами, не успѣли окончательно сплотиться въ единое государство ко времени возникновенія общаго сейма, оставаясь чуть не въ личной только уніи между собою, какъ совершенно отдѣльныя земства. Если англійскій парламентъ былъ выраженіемъ единства земли и органомъ общесословнаго представительства, то онъ имѣлъ всѣ преимущества предъ континентальными „государственными чинами", въ которыхъ были представлены съ наибольшею силою мѣстные и сословные интересы, но нигдѣ до такой степени интересы отдѣльныхъ мѣстностей и отдѣльнаго сословія не брали такого перевѣса надъ общегосударственными и національными, какъ въ Польшѣ съ ея конгрессивнымъ односословнымъ сеймомъ. Англія нашла середину между принципомъ крайней централизаціи, возобладавшимъ впослѣдствіи во Франціи, и принципомъ крайней децентрализаціи, проявившейся въ Польшѣ, и возвысилась не только надъ односословностью, которая нашла свое выраженіе въ исключительно шляхетскомъ составѣ польской нижней палаты, но и надъ чисто механическимъ соединеніемъ трехъ сословій во французскихъ генеральныхъ штатахъ. Англія была сильна началомъ земли, противополагавшимся началу власти, но именно единой земли, хотя и раздѣленной на графства, а не земель съ преобладаніемъ мѣстныхъ интересовъ, какъ въ Польшѣ, и именно земли, а не отдѣльныхъ чиновъ, спорившихъ за сословныя свои привилегіи, какъ во Франціи, или одного сословія, стремившагося захватить всю власть въ свои руки съ ущербомъ для другихъ сословій, какъ опять-таки въ Польшѣ. Благодаря этому, Англія избѣжала и французскаго королевскаго деспотизма, возвысившагося надъ сословною разрозненностью генеральныхъ штатовъ, и польской шляхетской анархіи, дѣйствовавшей на государство разлагающимъ образомъ, избѣжала власти, не понимающей интересовъ замли, и не сдѣлалась землей, не хотящею знать никакой власти.

Какія же установились отношенія между властью и землей въ Англіи?

IX. Права парламента.

Политическая теорія Брактона и Фортескью.—Права парламента при Эдуардѣ III.—Два политическихъ направленія при Ричардѣ II и революція 1399 года.—XV в. въ Англіи.—Общій взглядъ на компетенцію парламента.—Его финансовая власть.—Законодательная инициатива и билли.—Права палатъ парламента и его членовъ.—Судъ парламента надъ королевскими совѣтниками.—Англія при Тюдорахъ и Стюартахъ.—Середина XIII и XVII вв. въ исторіи Англіи, Германіи и Франціи.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Англіи уже *существовала теорія ограниченной королевской власти, сдѣлавшаяся общимъ достояніемъ націи, ея политической традиціею.* По этой теоріи, законъ считался выше короля, а источникомъ закона были совѣтъ и согласіе представителей земли,—*принципы, противоположные тѣмъ, которые заявлялись на континентѣ юристами, изучившими римское право.* Идея эта развивалась уже при Генрихѣ III судьей Брактономъ: король выше всѣхъ въ королевствѣ, но самъ онъ состоитъ подъ Богомъ и закономъ, ибо законъ дѣлаетъ его королемъ, и о существованіи закона напоминаютъ королю его товарищи (comites, т.-е. графы и бароны), какъ о границѣ его власти, самъ же законъ устанавливается „съ совѣта и согласія" страны и короля (legis habet vigorem quicquid de consilio et consensu magnatum et reipublicae communi sponsione, auctoritate regis, juste fuerit definitum). Главнымъ теоретикомъ этой идеи былъ въ серединѣ XV в. Джонъ Фортескью, одно время бывшій канцлеромъ и воспитателемъ сына Генриха VI, Эдуарда, бѣжавшій во Францію во время войны двухъ розъ и тамъ написавшій сочиненіе въ похвалу законамъ своей родины (De laudibus legum Angliae). Этотъ государственный человѣкъ былъ юристъ, отдававшій преимущество англійскимъ принципамъ передъ римскими и французскими, являясь сторонникомъ ограниченной монархіи (limited monarchy) противъ абсолютной (absolute monarchy). По его теоріи, основы коей были заимствованы у Ѳомы Аквинскаго, есть два вида правленій—королевское (dominium regale), основанное на личной силѣ правителя, и политическое (dominium politicum), требующее народнаго согласія. Англія же соединяетъ въ себѣ оба эти правленія, имѣя короля и законы, издаваемые съ согласія всѣхъ, т.-е. она есть третья форма: dominium regale et politicum. Въ первомъ видѣ правленія силу закона имѣетъ то, что благоугодно государю (quod principi placuit, legis habet vigorem), но этого-то и нѣтъ въ Англіи, ибо безъ согласія подданныхъ король не можетъ ни измѣнять законовъ,

ни налагать на народъ податей. Тѣмъ не менѣе Фортескью признавалъ за королями особыя права въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ во время войны и внутреннихъ смутъ. Такова была идея, но въ подробностяхъ существовали спорныя права относительно которыхъ политическая жизнь еще не рѣшила—принадлежатъ ли они одному королю или и относительно ихъ нужны „совѣтъ и согласіе“. Изъ-за этихъ правъ велась борьба еще въ средніе вѣка, борьба, окончившаяся лишь въ XVII столѣтіи.

Мы упоминали, что царствованіе Эдуарда II (1307—1327) прошло въ борьбѣ короля и аристократіи, и что король былъ низложенъ. Борьба продолжается и при Эдуардѣ III (1327—1377), но тутъ за парламентомъ окончательно утверждается право вотированія субсидій: *король могъ объявлять войну, деньги же получить могъ только чрезъ парламентъ*, и на этомъ правѣ утвердилось еще другое право законодательства, т.-е. или парламентъ вотировалъ законы, проекты коихъ вносились въ него изъ королевскаго совѣта, или *самъ подавалъ королю петиціи, которыя съ королевскаго утвержденія превращались въ статуты.* Правда, парламентская петиція иногда измѣнялась при утвержденіи королемъ, но парламентъ добился мало-по-малу того, чтобы такихъ измѣненій не было. Третьимъ правомъ парламента было *право контроля надъ королевскими совѣтниками*: король былъ неотвѣтственъ, отвѣчать за его дѣйствія должны были дурные совѣтники; парламентъ пытался-было пріобрѣсти право участвовать въ самомъ назначеніи королевскихъ совѣтниковъ (чтобы они брались изъ палаты лордовъ и въ опредѣленные сроки давали отчетъ парламенту), но утвердилось за нимъ только право *обвиненія нижнею палатою королевскихъ чиновниковъ передъ верхнею палатою, которая въ подобныхъ случаяхъ и дѣлалась судомъ надъ ними.* Царствованіе Ричарда II (1377—1399) было временемъ еще большей борьбы между обѣими политическими силами: и парламентъ, и король поставили вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ весьма остро, парламентъ—ссылаясь на свое право низложенія короля въ случаѣ управленія безъ согласія парламента и требуя, чтобы король выбиралъ своихъ совѣтниковъ изъ членовъ парламента (1386 г.), Ричардъ II—заявляя принципы абсолютизма и утверждая, что король лучше знаетъ народныя нужды, чѣмъ парламентъ. Побѣда склонялась то на одну, то на другую сторону, а въ этой рѣзкой постановкѣ вопроса мы видимъ *зарожденіе двухъ разныхъ теченій въ англійской исторіи, которыя легко прослѣдить въ теченіе трехъ вѣковъ—отъ конца XIV до конца XVII в.: съ одной стороны, было стремленіе расширить королевскія права, съ другой—права парламента.* Въ результатѣ въ концѣ XIV в., какъ и позднѣе, въ концѣ XVII столѣтія (вторая англійская революція

1688 г.), король потерпѣлъ пораженіе; если въ 1398 г. „самоубійственный" перламентъ далъ королю почти неограниченную власть, то въ слѣдующемъ году парламентъ же, но состоявшій изъ оппозиціи, низложилъ Ричарда II, обставивъ эту революцію юридическими формальностями. Собраніе 1399 г., созванное Ричардомъ II, но не бывшее открытымъ по королевскому полномочію и потому, повидимому, не рѣшившееся назвать себя парламентомъ, придало низложенію короля видъ отреченія, которое стало разсматриваться влекущимъ за собою тѣ же послѣдствія, что и смерть короля, т.-е. признано было, что парламентъ, созванный Ричардомъ II, пересталъ существовать вмѣстѣ съ отреченіемъ короля, но онъ тотчасъ же былъ собранъ призывными грамотами Генриха IV. Въ своемъ отреченіи Ричардъ II мотивировалъ этотъ актъ своимъ дурнымъ управленіемъ, и парламентъ, какъ бы согласившись съ такимъ мотивомъ послѣ разсмотрѣнія своего рода обвинительнаго акта, составленнаго противъ короля, подтвердилъ еще это отреченіе торжественнымъ актомъ низложенія.

Вступленіе на престолъ ланкастерской династіи было, въ сущности, узурпаціей: права, на основаніи которыхъ Генрихъ IV сдѣлался королемъ, были весьма спорныя, но узурпація эта санкціонирована была парламентомъ, и новая династія, обязанная своимъ возвышеніемъ народному представительству, должна была поддерживать принципы, восторжествовавшіе въ 1399 году. Генрихъ IV опирается на парламентъ въ борьбѣ съ врагами и дѣлаетъ ему существенныя уступки. Ланкастерскій король настолько укрѣпился на престолѣ, что передалъ его своему сыну (Генриху V, 1413—1422), но при внукѣ его (Генрихѣ VI) начинается война алой и бѣлой розы (1455), закончившаяся лишь черезъ 30 лѣтъ (1485) съ переходомъ короны къ Генриху VII Тюдору. Въ эту смутную эпоху погибло большинство бароновъ норманнскаго происхожденія, аристократія пришла въ упадокъ, парламенты, собиравшіеся за это время, были орудіемъ въ рукахъ торжествующихъ побѣдителей, и все это подготовляло *усиленіе королевской власти при Тюдорахъ (1485—1603). Но парламентъ и при нихъ сохранился, сохранились и его стародавнія традиціи.* Мало того, претенденты на престолъ во второй половинѣ XV в. добивались утвержденія своихъ правъ со стороны парламента, что въ теоріи еще больше поднимало его значеніе.

Вотъ съ какими правами переходитъ англійскій парламентъ въ новую исторію, хотя права эти, какъ было уже замѣчено, весьма часто были еще предметомъ спора. Въ общемъ *парламентъ получилъ характеръ учрежденія, въ извѣстныхъ отношеніяхъ ограничивающаго королевскую власть:* для изданія статутовъ требовалось его согласіе, онъ вотировалъ субсидіи и даже имѣлъ возможность въ раз-

ныхъ случаяхъ вмѣшиваться и въ дѣла управленія, зависѣвшія отъ королей, которые съ своими совѣтниками и были настоящимъ центромъ послѣдняго. Случаи такого вмѣшательства были часты, но попытки парламента систематизировать эти случаи и прочно организовать свое вліяніе въ управленіи были прямо нападеніями на королевскую „прерогативу" въ формѣ отказа въ субсидіяхъ, требованія удалить дурныхъ совѣтниковъ и даже возстанія, и все зависѣло отъ личности короля: сильный король дѣлалъ безуспѣшными попытки въ этомъ родѣ, и только въ новое время, какъ извѣстно, найдена была форма, посредствомъ которой парламентъ сталъ оказывать правильное вліяніе на управленіе. Вопросъ былъ однако поставленъ еще въ средніе вѣка.

Право вотировать налоги, какъ уже очень древнее право, почти не оспаривалось въ XV вѣкѣ, и *эта финансовая власть парламента сдѣлалась опорою для пріобрѣтенія новыхъ правъ.* Она не состояла, однако, въ одномъ вотированіи налоговъ, но мало-по-малу расширилась въ право спеціализировать и ограничивать государственные расходы, а также ставить вотированіе субсидій въ зависимость отъ удовлетворенія жалобъ и петицій и даже отчасти въ право контролировать расходы. По теоріи, король долженъ былъ жить своими средствами, т.-е. покрывать расходы по двору и управленію обыкновенными своими доходами, а для этого королевскія помѣстья (домены) не должны были отчуждаться. Короли имѣли однако возможность доставить деньги и иными путями, напримѣръ, въ формѣ принудительныхъ займовъ (напримѣръ, у евреевъ) или заграничныхъ займовъ и т. п.

Правомъ отказа въ субсидіяхъ парламентъ пользовался для устраненія злоупотребленій и для расширенія своего участія въ законодательствѣ, подавая королю жалобы (gravamina) и петиціи. Мало-по-малу *къ концу этого періода развилась законодательная иниціатива палатъ,* т.-е право почина въ изданіи законовъ. Законодательная власть парламента почти не подвергается нападенію въ XV в., а только-что указанное право почина выработалось изъ петицій, превратившихся въ готовые проекты законовъ или билли (bills). Вотъ какимъ образомъ это произошло. Главными источниками статутовъ были или королевскія предложенія, или парламентскія петиціи, причемъ безъ согласія парламента или безъ согласія короля статутъ не могъ состояться: король пользовался абсолютнымъ *veto*, а парламентъ „авторитетомъ". Однако, королевская власть безъ парламента издавала иногда распоряженія законодательнаго характера, отмѣняла (изрѣдка, впрочемъ) статуты, пріостанавливала ихъ дѣйствіе (суспенсивная власть), освобождала отъ ихъ примѣненія отдѣльныя лица или цѣлыя категоріи лицъ—и все это дѣлала помимо парламента, что нерѣдко было причиной

борьбы не только въ средніе вѣка, но и въ новое время. Вмѣстѣ съ этимъ судьи и клерки заносили въ статуты парламентскія петиціи съ измѣненіями, и па это также весьма часто жаловались общины. При Генрихѣ V, паконецъ, состоялась сдѣлка: общины выставили на видъ, что въ законодательствѣ они являются не только просителями, но и стороною, дающею свое согласіе на законъ, въ силу чего измѣненія въ петиціяхъ находятся въ несоотвѣтствіи съ правами палаты. а Генрихъ V, согласившись съ такимъ доводомъ, обѣщалъ ничего не измѣнять въ петиціяхъ, сохранивъ за собою все-таки прежнее право и отвергать ихъ. Этимъ-то и создано было право парламентской иниціативы: петиціи, лишь цѣликомъ принимаемыя или отвергаемыя, сдѣлались проектами законовъ и мало-по-малу даже получили форму готовыхъ законопроектовъ, дабы судьямъ и клеркамъ не было надобности измѣнять ихъ, хотя бы даже только въ смыслѣ редакціонномъ, пока при Генрихѣ VI не было прямо установлено, чтобы именно въ формѣ уже совсѣмъ готовыхъ биллей были вносимы въ парламентъ эти проекты. Билли могли возникать въ верхней или нижней палатѣ, и изъ той, въ которой возникали, должны были переноситься въ другую, прежде чѣмъ итти на королевское утвержденіе.

Право созванія парламента принадлежало королю, но парламенты неоднократно съ середины XIV вѣка *выражали желаніе, чтобы ихъ собирали ежегодно.* Тѣмъ не менѣе и въ царствованіе Эдуарда III, и при Ричардѣ II бывали случаи неежегоднаго созванія парламентовъ, повторявшіеся и при ланкастерской династіи, а Эдуардъ IV въ двадцать два года своего правленія созывалъ парламентъ только шесть разъ. *Палата общинъ мало-по-малу заняла мѣсто, равнозначущее съ верхней палатой*, а въ одномъ отношеніи ей принадлежало даже первенство: въ 1407 г. палата общинъ протестовала противъ того, что король (Генрихъ IV) совѣщался съ духовными и свѣтскими лордами о субсидіяхъ, и выразила желаніе, чтобы впредь верхняя палата занималась этимъ дѣломъ лишь въ отсутствіи короля, и чтобы ни лордамъ, ни общинамъ не дозволялось сообщать королю о субсидіяхъ, которыя будутъ назначены общинами (какъ представителями главныхъ плательщиковъ) съ согласія лордовъ,— прежде нежели лорды и общины не договорятся по этому предмету, да и самое извѣщеніе должно бы совершаться лишь устами спикера (оратора) палаты общинъ. Вообще обѣ палаты жили въ согласіи, и съ 1407 г. между ними установилось такое отношеніе, какое было желательно общинамъ. Далѣе, права парламента должны были отразиться и на привилегированномъ положеніи его членовъ— *въ личной ихъ неприкосновенности и въ правѣ свободной рѣчи въ парламентѣ.* Начало этихъ правъ заключалось въ особомъ положеніи лордовъ, съ

коихъ они были перенесены и на коммоперовъ (общины), но въ началѣ каждой сессіи избранный палатою спикеръ просилъ короля подтвердить привилегіи членовъ палаты. Привилегіи обыкновенно подтверждались, но подчасъ и нарушались, особенно въ эпоху борьбы двухъ розъ. Окончательное торжество принциповъ неприкосновенности депутатовъ и свободы преній принадлежитъ уже новому времени.

Въ средніе вѣка парламенты весьма часто стремились добиться положительнаго вліянія на назначеніе королевскихъ совѣтниковъ, т.-е. членовъ тайнаго совѣта, имѣвшаго весьма широкое значеніе, какъ средоточіе всего управленія. Бывали случаи, что король составлялъ свой совѣтъ по желанію парламента, но къ концу среднихъ вѣковъ тайный совѣтъ дѣлается главною опорою королевской власти, да и собственное его значеніе сильно выростаетъ. Не добившись превращенія королевскаго совѣта въ свой постоянный комитетъ, парламентъ тѣмъ не менѣе запасается оружіемъ *противъ дурныхъ совѣтниковъ, возбуждая противъ нихъ судебное преслѣдованіе, причемъ обвиненіе вчиналось нижней палатой, а судила верхняя.* Во второй половинѣ XV в. появляется еще bill of attainder: если не было подходящаго закона, подъ который можно было бы подвести данный поступокъ, законъ создавался послѣ совершенія подлежавшаго наказанію дѣянія, которое подъ этотъ законъ подводилось, и наказаніе назначалось въ видѣ смертной казни. Хоть такимъ биллемъ сначала пользовались сами короли въ эпоху алой и бѣлой розъ, но онъ сдѣлался именно въ рукахъ парламента какъ бы дамокловымъ мечомъ, готовымъ опуститься надъ дурнымъ совѣтникомъ короля.

По окончаніи войны алой и бѣлой розъ парламентъ перешелъ въ XVI вѣкъ ослабленнымъ, королевская власть при Тюдорахъ усиливается до весьма значительной степени, но парламентская традиція продолжаетъ жить, многія права парламента остаются внѣ спора, хотя другія, какъ и прежде, являются спорными. Дальнѣйшая англійская исторія, сводясь съ политической стороны къ исторіи отношеній королевской власти и парламента до окончательнаго торжества парламента, начинающагося съ 1689 года, распадается на два періода, которые соотвѣтствуютъ двумъ династіямъ, царствовавшимъ въ Англіи въ XVI и XVII вѣкахъ, Тюдорамъ (1485—1630) и Стюартамъ (1603—1688). Эпоха Тюдоровъ была временемъ сильной королевской власти и несамостоятельныхъ парламентовъ, эпоха Стюартовъ—временемъ борьбы между королевскою властью и правами парламента. Извѣстно, что обѣ эти эпохи *тѣсно связаны и съ исторіей религіозной реформаціи, принявшей въ Англіи двоякій характеръ—реформаціи королевской и реформаціи народной*: мы увидимъ, что первая

усиливала въ Англіи монархическую власть и что политическое столкновеніе при Стюартахъ было столкновеніемъ не только политическимъ, но и религіознымъ—между двумя реформаціями.

Итакъ, парламентъ возникаетъ въ Англіи во второй половинѣ XIII вѣка, и въ эту же эпоху намѣчается та борьба между королевскою властью и парламентомъ, которая закончилась только въ исходѣ XVII столѣтія, т.-е. протянулась съ перерывами цѣлые четыре вѣка. Замѣчательно совпаденіе главныхъ явленій середины XIII и середины XVII вѣковъ и въ исторіи Германіи и Франціи. Въ жизни нѣмецкаго народа это было время „великаго междуцарствія", время распаденія Германіи на отдѣльныя княжества, закончившагося въ серединѣ XVII вѣка, послѣ тридцатилѣтней войны, когда вестфальскій миръ (1648) превратилъ Германію чуть не въ простой географическій терминъ, хотя и подъ названіемъ имперіи: четыре вѣка и здѣсь (1250—1648) *совершается процессъ распаденія единаго государства и расширенія территоріальной власти князей*, и какъ извѣстно, и въ Германіи важная политическая роль въ этомъ процессѣ принадлежала *религіозной реформаціи, усилившей княжескую власть*. Иное мы видимъ во Франціи: современникомъ великаго междуцарствія въ Германіи и перваго парламента въ Англіи былъ Людовикъ IX Святой, при которомъ уже *вполнѣ намѣтилось будущее возвышеніе королевской власти*, а современникомъ обѣихъ англійскихъ революцій и вестфальскаго мира четыре вѣка спустя былъ Людовикъ XIV, образецъ абсолютнаго короля. Франція не приняла реформаціи, имѣвшей большое вліяніе на политическую исторію и въ Германіи, и въ Англіи, но *реформаціонное движеніе и въ ней было, получивъ въ политическомъ отношеніи характеръ феодальной и муниципальной реакціи* противъ роста королевской власти.

Мы разсмотрѣли феодальный и муниципальный строй среднихъ вѣковъ, познакомились съ тѣмъ, какъ на его основахъ выросли сословно-представительныя учрежденія, прослѣдили въ общихъ чертахъ судьбу одного изъ нихъ — парламента, а теперь перейдемъ къ королевской власти.

X. Королевская власть во Франціи [1]).

Королевская власть и исторія Франціи.—Римская традиція въ исторіи королевской власти во Франціи.—Характеръ власти итальянскихъ князей.—Одновременность усиленія королевской власти въ разныхъ странахъ.—Общій взглядъ на взаимныя отношенія королевской власти и феодализма съ XII по XVIII в.—Короли и генеральные штаты.—Административная централизація.—Королевская власть въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени.—Парижскій парламентъ.

Новое время на континентѣ Европы характеризуется *развитіемъ королевской власти* вплоть до кризиса 1789 г., когда основнымъ стремленіемъ дѣлается ограниченіе королевской власти по англійскому образцу: новое время было эпохою паденія или упадка сословно-представительныхъ учрежденій, выросшихъ на феодально-муниципальной почвѣ, и только въ XIX вѣкѣ, но уже на новыхъ началахъ, возрождаются представительныя учрежденія. Наиболѣе *типичною страною въ этомъ отношеніи является Франція*. Она рано и сильно феодализировалась въ политическомъ отношеніи, такъ что ея король сдѣлался простымъ главою политической федераціи феодальныхъ сеньеровъ, къ коимъ присоединились съ теченіемъ времени суверенныя коммуны. Во Франціи генеральные штаты были характернымъ выраженіемъ сословной разрозненности, какъ одного изъ условій для того, чтобы королевская власть могла сдѣлаться отъ нихъ независимой. Уже въ началѣ XVI вѣка французскій король считается наиболѣе подходящимъ къ типу абсолютнаго монарха, въ началѣ XVII в. генеральные штаты обнаруживаютъ свою несостоятельность, а Ришелье и Людовикъ XIV и создаютъ то зданіе, которое было разрушено только революціей 1789 г. Съ этой точки зрѣнія исторія королевской власти на Западѣ, достигшей въ новое время абсолютизма, лучше всего изучается именно на примѣрѣ Франціи.

Королевская власть въ средневѣковыхъ государствахъ была происхожденія германскаго, но германскій характеръ, какъ мы видѣли, она сохранила только въ Англіи; въ другихъ государствахъ она сильно подверглась римскому вліянію, и благодаря именно ему, она ассоціировалась очень рано съ идеей абсолютизма. Попытка Карла

---

[1]) *Luchaire.* Historie des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens.—*Giraud-Teulon.* Royauté et bourgeoisie.—*Chéruel.* Hist. de l' administration monarchique en France.—*Dareste.* Hist. de l' administration en France.

Великаго возстановить императорскую власть окончилась неудачей, но идея абсолютизма не умерла и послѣ распаденія его имперіи. Если универсальность этой власти сдѣлалась призракомъ, за которымъ погнались нѣмецкіе короли, то ея неограниченность, такъ сказать, сдѣлалась французской политической традиціей. Франкскіе короли, основавши государство въ Галліи, сдѣлались преемниками римскихъ цезарей надъ галло-римскимъ населеніемъ, и римскій взглядъ на власть вступилъ въ борьбу съ германскимъ, пока все не было покрыто феодализмомъ, и положеніе первыхъ капетингскихъ королей не представило собою образца феодальной монархіи, въ которой король былъ простой вотчинникъ и „первый между равными". *Реальная основа власти первыхъ Капетинговъ дѣйствительно заключалась въ ихъ родовомъ феодѣ и въ вассальныхъ отношеніяхъ*, въ какихъ находились къ нимъ герцоги и графы, но *идея этой власти осталась римская*, сохраняясь главнымъ образомъ среди духовенства, какъ носителя римскихъ традицій, затѣмъ и въ народной массѣ: вспомнимъ хотя бы аббата Сугерія, помогавшаго Людовикамъ VI и VII возвысить королевскій авторитетъ, и ту поддержку, какую короли находили въ народѣ противъ феодаловъ. Въ XIII в. особенно оживляется эта идея, когда короли, начиная съ Филиппа II Августа, современника Іоанна Безземельнаго, окружаютъ себя юристами, изучившими римское право: эти „легисты" (законники) были проникнуты политическими принципами императорскаго Рима, которые и переносили на своихъ королей, уча, что силу закона имѣетъ то, что благоугодно государю (quod principi placuit legis habet vigorem), и на рубежѣ XIII и XIV вв. Филиппъ Красивый, тотъ самый, который собралъ первые генеральные штаты, уже ссылался на „полноту своей власти". По мѣрѣ того, какъ королевская власть сокрушаетъ феодализмъ, опираясь на города, потомъ лишая и города самостоятельности, по мѣрѣ того, какъ она отдѣляется отъ генеральныхъ штатовъ, созданныхъ ею самою же въ интересахъ государственнаго объединенія, носители этой власти еще болѣе проникаются римскимъ воззрѣніемъ на ея значеніе, а въ концѣ среднихъ вѣковъ у нихъ есть передъ глазами и образцы такой власти безъ всякой феодальной подкладки—въ лицѣ итальянскихъ князей.

Первый примѣръ монарховъ безъ малѣйшей примѣси феодальныхъ началъ мы, дѣйствительно, видимъ въ итальянскихъ городахъ конца среднихъ вѣковъ. Нужно припомнить то, что сказано было выше. Феодализмъ былъ соединеніемъ суверенитета съ землевладѣніемъ; впервые ихъ разъединеніе произошло въ городскихъ общинахъ, достигшихъ политической самостоятельности, и сильнѣе всего въ суверенныхъ итальянскихъ городовыхъ республикахъ, гдѣ явилась го-

сударственная власть безъ всякой аграрной основы. Эта власть была республиканская, но въ итальянскихъ муниципіяхъ повторилась античная борьба между аристократіей и демократіей, во время которой повторялось и то, что равнымъ образомъ было знакомо классическому міру, когда въ греческихъ политіяхъ водворялась тираннія въ древнемъ смыслѣ этого слова. Итальянскій принципатъ (княжеская власть) характеризуетъ собою XIV и XV вѣка, какъ болѣе раннюю эпоху характеризуютъ городовыя республики, выбившіяся изъ-подъ феодальнаго гнета. Итальянскій principe этой эпохи не феодальный сеньеръ, не государь-помѣщикъ, а представитель неограниченной государственной власти, принадлежавшей прежде населенію города, а теперь перешедшей къ нему: у его власти весьма часто нѣтъ ни законности, такъ какъ она есть результатъ узурпаціи, ни надлежащей прочности, такъ какъ она нерѣдко держится одной силой, ни правильной преемственности, такъ какъ довольно часто нарушается ея наслѣдственная передача, но не въ томъ дѣло. Главное—въ власти, опирающейся не на землевладѣніе, и въ неограниченности этой власти, обусловленной, съ одной стороны, совершеннымъ разложеніемъ республиканскаго быта, а съ другой, опорою, какую „принципамъ" оказывали наемныя войска: нерѣдко вѣдь и сами вожди такихъ наемныхъ дружинъ (кондотьеры) захватывали власть. Въ культурномъ отношеніи это была эпоха классическаго Возрожденія, о коемъ рѣчь будетъ итти ниже, а тогда римскія политическія идеи оказали и вліяніе на самую жизнь, и въ началѣ XVI в. практика, какою установлялись въ Италіи новые порядки, нашла своего теоретика въ лицѣ Макіавелли, „Государь" котораго сталъ оракуломъ и настольной книгой континентальныхъ королей XVI вѣка. Вотъ эта-та княжеская политика въ Италіи и сдѣлалась предметомъ подражанія со стороны французскихъ королей послѣ того, какъ рѣшеніе генеральныхъ штатовъ 1439 г. поставило ихъ въ возможность опираться на постоянную армію и взимать налоги безъ согласія „чиновъ" королевства.

Примѣръ этотъ дѣйствовалъ и въ иныхъ странахъ, гдѣ условія, аналогичныя французскимъ, подрывали значеніе сословно-представительныхъ учрежденій, и вели къ усиленію королевской власти. Мы видѣли, что послѣднее произошло даже въ Англіи съ вступленіемъ на престолъ Генриха VII Тюдора (1485), даже раньше, при Эдуардѣ IV (1461—1483), лишь шесть разъ въ 22 года созывавшемъ парламентъ. Бракъ Фердинанда Аррагонскаго и Изабеллы Кастильской (1469) подготовлялъ соединеніе ихъ королевствъ въ одну Испанію, въ которой уже устанавливается абсолютизмъ Карла I (V по Германіи) и Филиппа II и т. п. Въ Германіи идея абсолютизма переносится на княжескую власть, и доктора римскаго права, дѣлаю-

щіеся университетскими профессорами и княжескими совѣтниками, въ этомъ дѣлѣ играютъ весьма замѣтную роль.

Постепенное установленіе абсолютизма въ феодальной Европѣ представляетъ большой историческій интересъ, но особенно любопытно прослѣдить этотъ процессъ на исторіи Франціи. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ примѣромъ того, какъ *новая власть, возникшая среди устарѣлыхъ учрежденій, однако уживается съ ними*, подобно тому, какъ въ Римѣ послѣ 30 года до Р. Х. новая власть „принцепса" уживается съ прежними республиканскими учрежденіями, которыя и существуютъ бо́бокъ съ нею весьма долгое время, пока не исчезаютъ, окончательно подкопанные новымъ политическимъ началомъ: и во Франціи случилось то же, ибо королевская власть, несмотря на свои римскія традиціи, только въ XII в. выступаетъ на новую дорогу, дѣлается сама новымъ элементомъ въ феодально-муниципальномъ строѣ, а впослѣдствіи вводитъ новую по отношенію къ этому строю систему централизаціи и бюрократическаго управленія, столь отличную отъ феодальнаго и муниципальнаго раздробленія и феодализаціи государственныхъ должностей. На первыхъ порахъ эта власть, подобно власти первыхъ римскихъ цезарей, была status extra ordinem, и если впослѣдствіи она стала ссылаться на свое историческое право, то у феодальнаго и муниципальнаго міра было также свое историческое право, шедшее изъ эпохи полнаго господства феодализма и коммунальнаго движенія, и съ точки зрѣнія этой традиціи особенно феодальные, а отчасти и буржуазные элементы общества часто смотрѣли, какъ на нѣчто незаконное, произвольное, на всѣ проявленія новаго начала,—новаго, повторяю, по отношенію къ феодальнымъ и муниципальнымъ стремленіямъ, но весьма стараго въ сознаніи духовенства и народной массы. И старыя силы пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ пустить въ ходъ свои традиціи: таковы были феодальныя реакціи при первыхъ Валуа въ XIV в., при Людовикѣ XI, въ эпоху религіозныхъ войнъ второй половины XVI вѣка, въ малолѣтство Людовика XIII и во время фронды въ XVII вѣкѣ. Борьба борьбой, но въ то же время оба начала и уживаются: феодализмъ, какъ мы знаемъ, былъ не только политической системой, но и соціальнымъ строемъ, и *королевская власть, разрушая феодализмъ въ политической сферѣ, оставляла его неприкосновеннымъ въ области гражданскаго права и экономическихъ отношеній*, т.-е. не трогая сложившихся въ феодальную эпоху юридическихъ нормъ, опредѣлявшихъ собою зависимость крестьянства отъ сеньеровъ и поземельныя отношенія, тѣсно съ нею связанныя. При Карлѣ VII, при которомъ въ серединѣ XV в. генеральные штаты совершили актъ самоотреченія, было положено начало редактированію провинціальныхъ сборниковъ

феодальнаго права (кутюмъ), и въ существенныхъ чертахъ занесенные въ нихъ порядки, коими регулировались въ эту эпоху дворянско-крестьянскія отношенія, сохранились черезъ всю новую исторію вплоть до революціи 1789 г. Мало того: династія Капетинговъ съ ея отпрысками Валуа (1328—1589) и Бурбонами (1589—1792 и 1814—1830) была сама феодальнаго происхожденія, и проникаясь идеей абсолютизма, она не могла отрѣшиться отъ своихъ феодальныхъ традицій, чѣмъ и объясняется *двойственный характеръ королевской власти во Франціи, заключающійся въ смѣшеніи въ ея правахъ и въ ея политикѣ началъ феодальныхъ и государственныхъ.* Свои притязанія короли выводили не изъ феодальныхъ традицій, а изъ римскихъ началъ, съ коими знакомились отъ духовенства (аб. Сугерій при Людовикахъ VI и VII), отъ легистовъ, изъ политическихъ ученій новаго времени. Они усвоили изреченіе римскаго права: „quod principi legis habet vigorem", которое было переведено и по-французски: „si veut le roi, si veut la loi", и съ Франциска I (1515 — 1547) стали при изданіи законовъ ссылаться просто на свою личную волю, какъ волю носителей государственной власти, пользуясь формулой: „car tel est notre plaisir". Король сдѣлался источникомъ всякой власти и всякаго права, сдѣлался, напримѣръ, источникомъ правосудія (toute justice émane du roi), и только король одинъ (уже при Людовикѣ XI) могъ дѣлать цеховыхъ мастеровъ. „L'état c'est moi" Людовика XIV относится къ числу легендъ, но принципъ, выраженный въ этихъ словахъ, былъ дѣйствительностью, ибо по мысли названнаго короля, „нація во Франціи не составляла самостоятельнаго политическаго тѣла, воплощаясь цѣликомъ въ королевской особѣ" (la nation ne fait pas corps en France, elle réside tour entiére dans la personne du roi). А между тѣмъ предки французской династіи и были крупные феодальные сеньеры, бывшіе лишь первыми среди равныхъ имъ феодальныхъ герцоговъ и графовъ, и это обстоятельство сказалось на всей исторіи королевской власти во Франціи. Въ феодализмѣ смѣшивались понятія права частнаго и государственнаго: землевладѣніе было основой суверенитета, государственныя должности сдѣлались частною собственностью. Французскіе короли въ своей власти видѣли поэтому не исполненіе политической функціи, а свою частную собственность, которую можно отчуждать и продавать, и они, дѣйствительно, продавали кусочки, если можно такъ выразиться, своей власти за деньги, создавая такимъ образомъ наслѣдственныя и несмѣняемыя должности, о чемъ рѣчь будетъ еще впереди. Феодальный король былъ, какъ primus inter pares, членъ сословія и такимъ онъ оставался и впослѣдствіи въ качествѣ „перваго дворянина", своего рода представителя сословныхъ интересовъ и традицій. Однимъ словомъ, королев-

ская власть приспособлялась къ старымъ формамъ, ихъ подкапывая, да и старыя формы приспособлялись къ новому началу, не давая ему развиться до логическихъ его результатовъ; тамъ же, гдѣ это оказылось невозможнымъ, онѣ падали.

Французскіе короли вышли побѣдителями изъ борьбы. При последнихъ Каролингахъ, т.-е. съ конца IX вѣка феодалы стремились сдѣлать королевское достоинство выборнымъ (какъ это и случилось въ Германіи въ началѣ X вѣка), но Капетинги позаботились о томъ, чтобы установить начало наслѣдственности, и счастье имъ помогло: каждый король умиралъ, оставляя взрослаго сына, который уже ранѣе, при жизни отца, дѣлался соправителемъ и королемъ, избраннымъ феодалами. Съ XII вѣка эта власть стала уже прямо наслѣдственною и выступила въ роли собирательницы государства, причемъ начала опираться на города противъ сеньеровъ, потомъ пользоваться услугами легистовъ, наконецъ, дѣйствовать вмѣстѣ съ генеральными штатами, представлявшими собою всю Францію, для окончательнаго ея объединенія, хотя и отдѣлывается отъ этихъ штатовъ, какъ только послѣдніе начинаютъ мечтать объ ограниченіи королевской власти, а сословная рознь помогаетъ королямъ это сдѣлать.

Къ концу среднихъ вѣковъ Франція была уже политически объединена. Въ ней началась и административная централизація, управленіе провинціями, бывшими феодальными княжествами, изъ центра „королевскими людьми". Королевскіе домены издавна управлялись особыми чиновниками, носившими названіе на сѣверѣ превотовъ и бальивовъ (prévôts et baillis), на югѣ байльевъ (bails) и сенешаловъ (sénéchaux): они собирали налоги, судили, созывали войско, вмѣшивались въ сеньерьяльную юстицію, объявляя многіе судебные случаи королевскими (cas royaux) и установляя принципъ, по которому королевскіе суды должны были быть аппеляціонными инстанціями для сеньерьяльныхъ, и всякими иными способами на мѣстахъ проводили стремленія королевской власти. Благодаря имъ, значеніе послѣдней увеличивалось, и параллельно съ увеличеніемъ королевскихъ доменовъ расширялась сфера королевскаго вліянія въ управленіи и судѣ, какъ въ феодахъ, такъ и въ городахъ. Это была работа медленная, незамѣтная, но прочная по своимъ послѣдствіямъ. Средневѣковая администрація, развивавшаяся главнымъ образомъ съ XIII вѣка, не была централизована, но для централизаціи все было подготовлено, и Францискъ I въ первой половинѣ XVI вѣка создаетъ новый органъ управленія—губернаторовъ, задача коихъ состояла въ объединеніи администраціи. Губернаторы были военные начальники, и подъ ихъ командой находились одинаково и королевскіе постоянные отряды, и феодальныя дружины, и городскія милиціи. Губернаторамъ были под-

чинены превоты, бальивы и сенешалы. Губернаторъ представлялъ собою короля въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, каковы были провинціальныя судебныя палаты (парламенты), и предсѣдательствовалъ въ мѣстныхъ сословно-представительныхъ собраніяхъ, провинціальныхъ штатахъ (états provinciaux). На губернаторскія мѣста назначалась знать, но, чтобы вельможи не могли узурпировать власти, Францискъ I оставилъ за собою право смѣнить губернатора, когда ему будетъ угодно, и въ 1542 г. сразу отрѣшилъ отъ должности всѣхъ губернаторовъ во Франціи. Предосторожность имѣла смыслъ: мы увидимъ, что во второй половинѣ XVI в., въ эпоху религіозныхъ войнъ должностью губернатора пыталась завладѣть феодальная реакція. При сынѣ Франциска I Генрихѣ II (1547—1559) появляются еще временные агенты королевской власти въ провинціяхъ — интенданты: это были королевскіе коммисары, превращающіеся въ XVII в. въ постоянную должность.

Если мы посмотримъ, что же представляла собою королевская власть во Франціи въ періодъ времени, протекшій отъ генеральныхъ штатовъ 1439 г., отрекшихся отъ своего права вотировать субсидіи, до середины XVI в., когда начались религіозныя и политическія смуты реформаціонной эпохи, то она представится намъ въ слѣдующемъ видѣ.

Генеральнымъ штатамъ не удалось развиться въ законодательное учрежденіе, и послѣ 1439 г., какъ мы знаемъ, они созываются рѣдко и, созываясь, не играютъ роли (штаты созывались послѣ 1439 г. до 1560 г. только въ 1461, 1467, 1484, 1506 и 1548 гг.). *Законодательная власть сосредоточивается въ рукахъ короля* и является формула: car tel est notre plaisir. *Король распоряжается постояннымъ войскомъ и постояннымъ налогомъ, управляетъ государствомъ посредствомъ интендантовъ и уже знаетъ не вассаловъ, а только подданныхъ.* Передъ нимъ склоняется былая независимость политическихъ сословій. Болонскимъ конкордатомъ 1516 г., о которомъ рѣчь еще впереди, папа Левъ X изъ-за денежныхъ выгодъ отдаетъ Франциску I *власть надъ французскимъ духовенствомъ*, предоставляя ему право замѣщенія высшихъ церковныхъ должностей. Дворянство, устроившее было противъ Людовика XI „лигу общественнаго блага“, т.-е. задумавшее цѣлую феодальную реакцію, потерпѣло пораженіе, а рыцарственные подвиги Карла VIII, Людовика XII, Франциска I и Генриха II поставили подъ королевскія знамена эту знать во внѣшнихъ войнахъ: вспомнимъ одни итальянскіе походы. Другой приманкой былъ королевскій дворъ, устроенный по образцу дворовъ итальянскихъ династовъ, веселый и роскошный дворъ, гдѣ дворяне были желанными гостями, жили, ѣли, пили, забавлялись на королевскій

счетъ, занимали разныя почетныя должности, выпрашивали для своихъ дѣтей епископства и аббатства, растрачивали свои феодальные доходы, получая щедрыя подачки отъ короля, *и изъ независимой феодальной аристократіи превращались въ придворную знать*, продававшую свое былое значеніе за деньги, за внѣшній почетъ, за веселую жизнь, за сохраненіе сеньерьяльныхъ правъ. *Муниципальныя вольности исчезли еще раньше, и третье сословіе находилось въ такомъ же подчиненіи.* Королевская администрація сокрушила городское самоуправленіе, какъ сокрушила она и феодальную самостоятельность, вмѣшиваясь въ финансовое хозяйство городовъ, которое велось дурно и приводило къ банкротствамъ, ограничивая судебныя права выборныхъ городскихъ властей, являясь въ качествѣ посредницы при спорѣ между „лучшими" и „меньшими" людьми, подчиняя себѣ выборныхъ городскихъ чиновниковъ, устанавливая надъ ними свой контроль и замѣняя ихъ прямо назначенными королевскою властью. Послѣднее особенно относится къ царствованію Франциска I. При внукахъ Франциска I, послѣдовательно царствовавшихъ одинъ за другимъ, при Францискѣ II (1559—1560), Карлѣ IX (1560—1574), Генрихѣ III (1574—1589) мы увидимъ, однако, какъ и знать, и города вступятъ въ борьбу съ властью, снова выступятъ на сцену генеральные штаты, и какъ все это движеніе сплетется съ религіозной реформаціей.

Говоря объ этомъ процессѣ возвышенія королевской власти, я нарочно оставилъ подъ конецъ исторію *одного учрежденія, которое выростаетъ въ одно время съ монархіей и вмѣстѣ съ нею падаетъ* въ концѣ XVIII в., нося общее имя съ англійскимъ законодательнымъ собраніемъ, но будучи явленіемъ совершенно своеобразнымъ, учрежденіемъ феодальнымъ по происхожденію, государственнымъ по значенію,—учрежденіемъ, *въ которомъ на феодальную основу наслоились бюрократическіе элементы*, учрежденіемъ, *въ коемъ до самаго конца XVIII в. не умирала мысль ограничить королевскую власть, и съ коимъ послѣдняя находилась въ частной борьбѣ, не уничтожая его однако до конца XVIII вѣка*: однимъ словомъ, намъ нужно еще познакомиться съ организаціей и ролью парижскаго парламента [1]).

При капетингскихъ короляхъ образовалась феодальная курія (curia regis), составъ коей мѣнялся, смотря по дѣламъ судебнаго большею частью характера, которыя въ ней рѣшались, и въ ней засѣдали то крупнѣйшіе вассалы (пэры), то епископы съ аббатами, то сеньеры непосредственныхъ владѣній короля (доменовъ) и коронные чиновники, пока всѣ эти лица не стали появляться вмѣстѣ, не составляя, впрочемъ, постояннаго судилища. При Людовикѣ IX изъ

---

[1]) О легистахъ см. соч. Bardoux.

куріи выдѣляется судебное учрежденіе, которое и начинаетъ называться парламентомъ и дѣлается въ началѣ XIV вѣка (въ 1302 г. при Филиппѣ IV) постояннымъ собраніемъ, раздѣлившись при Людовикѣ Длинномъ (1319) на три палаты, что указываетъ на увеличеніе и усложненіе его дѣятельности: это было grand' chambre, какъ аппеляціонная инстанція, chambre des requêtes, судившая въ первой инстанціи, и chambre des enquêtes, подготовлявшая дѣла для „большой палаты". Впрочемъ, Филиппъ IV выдѣлилъ еще изъ старой куріи большой совѣтъ для дѣлъ политическихъ и административныхъ и счетную палату (chambre des comptes) для финансовыхъ дѣлъ. Чисто судебный характеръ учрежденія требовалъ въ немъ постояннаго присутствія юристовъ, и они появились: это были упомянутые законники, „легисты", спачала въ роли юрисконсультовъ и докладчиковъ, потомъ въ качествѣ королевскихъ судей, когда феодальные сеньеры увидѣли, что судебныя тонкости не ихъ дѣло. И вотъ легисты облачаются въ пурпуръ съ горностаемъ, какъ бы указывая этимъ на то, что въ нихъ представлена судебная власть, имѣющая свой источникъ въ королѣ. Мало-по-малу „пэры", продолжавшіе считаться членами парламента, стали появляться въ немъ лишь тогда, когда судился кто-либо изъ ихъ равныхъ, да въ нѣкоторыхъ торжественныхъ случаяхъ. Будучи по своему происхожденію феодальной куріей пэровъ (cour des pairs) и по временамъ превращаясь снова въ таковую, парламентъ сдѣлался однако учрежденіемъ бюрократическимъ, а члены его, легисты изъ буржуазіи, оказались завзятыми противниками феодализма. Съ этой стороны парламентъ дополнялъ собою превотовъ, бальивовъ и сенешаловъ, установившихъ аппелляцію въ парламентъ на приговоры мѣстныхъ судовъ, въ томъ числѣ и феодальныхъ. По образцу парижскаго парламента въ XV в. основываются провинціальные, каковы были тулузскій, гренобльскій, бордосскій, дижонскій и др. Мало-по-малу парижскій парламентъ сталъ мечтать о политической роли, и „королевскіе люди", каковыми были его члены, *начали стремиться къ тому, чтобы поставить подъ свой контроль законодательную власть короля.* Легисты съ теченіемъ времени прониклись сознаніемъ того, что парламентъ есть королевская курія, что въ этой роли онъ продолжаетъ собою старинныя учрежденія страны, и одно обстоятельство дало имъ поводъ настаивать на своемъ „правѣ регистраціи" (droit d'enregistrement). Въ средніе вѣка обычные факты дѣлались прецедентами, на коихъ основывалось право, а однимъ изъ обычныхъ фактовъ парламентской жизни было то, что короли объявляли свои ордонансы (указы) черезъ парижскій парламентъ, который въ такихъ случаяхъ обязанъ былъ заносить ихъ въ свой реестръ: эта обязанность была понята въ смыслѣ права, логи-

ческимъ слѣдствіемъ чего было то, что *судебно-бюрократическое учрежденіе считало себя въ правѣ отказывать въ зарегистрированіи королевскихъ повелѣній, дѣлая при этомъ съ своей стороны представленія или ремонстранціи* (remonstrances), а въ случаѣ надобности и прекращая свою дѣятельность. Признавъ за парламентомъ право ремонстранціи, королевская власть не допускала развитія иныхъ его правъ въ этой области, хотя для того, чтобы сломить сопротивленіе королевскихъ людей, требовалось экстраординарное средство: оно называлось „троннымъ засѣданіемъ“ (lit de justice) и состояло въ томъ, что король являлся въ „большую палату“ и засѣдалъ въ ней лично, окруженный пэрами, сановниками и дворомъ, приказывая своимъ чиновникамъ внести ордонансъ въ реестръ, и члены парламента въ такихъ случаяхъ не осмѣливались оказывать непослушаніе, ибо они въ присутствіи короля какъ бы лишались самостоятельной власти. Первый примѣръ такого lit de justice относится къ срединѣ XIV вѣка, послѣдній былъ передъ самой революціей 1789 г. *Парламентъ продолжалъ претендовать на законодательный контроль въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ*, а послѣ того, какъ прекратились собранія генеральныхъ штатовъ, т.-е. съ начала XVII вѣка онъ смотрѣлъ на себя, какъ на своего рода представительство страны. При сильныхъ правительствахъ ему не удавалось однако играть политической роли. Однажды (1462) Людовикъ XI напомнилъ ему, что онъ учрежденъ королемъ для отправленія правосудія и ни во что вмѣшиваться больше не долженъ. Самое право ремонстранцій стало оспариваться, и парламентскимъ уполномоченнымъ, явившимся къ Франциску I протестовать противъ конкордата съ папой (болонскаго, 1516 г.) этотъ король объявилъ, что онъ—король и требуетъ послушанія, и пригрозилъ имъ тюрьмою, если они немедленно не доведутъ объ его волѣ до свѣдѣнія своихъ товарищей. Парижскій парламентъ и не имѣлъ, разумѣется, значенія представительнаго собранія: это была судебная палата, его члены были судьи, королевскіе чиновники, а не выборные представители сословій или націи. Мало того: это были съ Франциска I наслѣдственные обладатели своихъ мѣстъ, такъ какъ послѣднія продавались за деньги для пополненія королевской казны. Впрочемъ, это-то и создавало ихъ независимость по отношенію къ власти и позволяло имъ при случаѣ играть роль оппозиціи, *пріучая и народъ смотрѣть на парламентъ, какъ на своего рода представительство, ограничивающее королевскій произволъ*, хотя парламентъ самъ былъ и произволенъ, и продаженъ, и служилъ впослѣдствіи *оплотомъ соціальнаго феодализма противъ реформъ, требовавшихся духомъ времени*. Въ XVII вѣкѣ „дворянство робы“ (noblesse de robe, роба—судейское платье) сдѣлало даже попытку

ограниченія королевской власти постояннымъ закономъ — въ эпоху такъ называемой фронды, бывшей въ малолѣтство Людовика XIV. При Людовикѣ XV (1715—1774) и Людовикѣ XVI были особенно часты случаи столкновенія правительства съ парламентами.

XI. Политическое раздробленіе Германіи [1]).

Нѣмецкая исторія въ сравненіи съ англійской и французской. — Общій взглядъ на политику нѣмецкихъ императоровъ въ средніе вѣка.—Идея священной Римской имперіи. — Усиленіе княжеской власти въ Германіи. — Великое междуцарствіе. — Политика и положеніе императора въ XIV и XV вв. — Избирательная монархія. — Курфюрсты. — Золотая булла и имперскій сеймъ. — Князья. — Города.— Имперское рыцарство.— Усиленіе Габсбурговъ.— Реформы имперскаго устройства.

Основной фактъ англійской политической исторіи съ конца среднихъ вѣковъ — развитіе парламента, французской политической исторіи — ростъ королевской власти, *нѣмецкой — распаденіе политическаго единства*: эти основные факты намѣчаются въ серединѣ XIII в. въ эпоху Генриха III въ Англіи, Людовика Св. во Франціи, великаго междуцарствія въ Германіи, а черезъ четыре вѣка вполнѣ достигаютъ наибольшаго своего развитія въ эпоху послѣдней борьбы парламента съ королями, въ эпоху абсолютизма Людовика XIV, въ эпоху совершеннаго раздробленія Германіи по вестфальскому миру, чтобы проявляться потомъ въ главнѣйшихъ явленіяхъ англійской, французской и нѣмецкой исторіи въ XVIII вѣкѣ вплоть до революціи 1789 года. Франція и Германія входили (вмѣстѣ съ сѣверной Италіей) въ составъ имперіи Карла Великаго, но отдѣлившись одна отъ другой по вердюнскому договору 843 г., онѣ пошли по разнымъ дорогамъ. Въ то время, когда во Франціи политическій феодализмъ достигъ наибольшаго развитія, т.-е. въ X вѣкѣ, Германія еще сохраняла свое единство, хотя и здѣсь начинался процессъ феодализаціи и, наоборотъ, съ середины XIII в., когда во Франціи уже значительно усилилась королевская власть, въ Германіи она падаетъ, а въ новое время рядомъ съ единой Франціей существуетъ раздробленная Германія, эта федерація княжествъ и вольныхъ городовъ подъ верховенствомъ большею частью безсильнаго императора: дѣло распаденія, сильно подви-

[1]) *Г. Вызинскій.* Папство и священная Римская имперія въ XIV и XV в.—*Брайсъ.* Священная Римская имперія.—*Höfler.* Kaiserthum und Papsthum.—*Ficker.* Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen.—*Janssen.* Geschichte des deutschen Volkes seit dem Ausgange des Mittelalters.

нувшееся впередъ въ эпоху междуцарствія (1250—1273), продолжается въ эпоху реформаціи (1520—1555) и завершается тридцатилѣтнею войною (1618—1648), послѣ которой имперскій сеймъ дѣлается простымъ конгрессомъ пословъ отъ князей и вольныхъ городовъ, а князья превращаются въ абсолютныхъ господъ надъ своими княжествами, подражая политикѣ Людовика XIV и отдѣлываясь отъ соправительства мѣстныхъ сословно-представительныхъ учрежденій.

Исходнымъ пунктомъ этого процесса нужно считать X столѣтіе и видѣть его причины въ трехъ фактахъ. Фактъ первый: съ прекращеніемъ каролингской династіи, т.-е. съ 911 г. въ Германіи *королевское достоинство дѣлается избирательнымъ*, попадая въ роды племенныхъ герцоговъ. Второй фактъ — завоеваніе Оттономъ Великимъ сѣверной Италіи и *принятіе имъ императорскаго титула* (962 г.), что заставляло его преемниковъ постоянно стремиться къ обладанію Италіей, отстаивавшей свою независимость: для итальянцевъ ихъ императоръ былъ черезчуръ нѣмецкимъ королемъ, для нѣмцевъ ихъ король—черезчуръ римскимъ императоромъ, и въ погонѣ за Италіей онъ дѣйствительно забывалъ свои интересы въ Германіи. Третій фактъ — *вѣковая борьба папства и имперіи*: принятіе нѣмецкими королями титула римскихъ императоровъ заставило ихъ вмѣшиваться въ дѣла не только Италіи, но и папства, и приводило ихъ, какъ свѣтскихъ владыкъ міра, по средневѣковой теоріи, въ столкновеніе съ духовными главами западнаго христіанства. Въ этой борьбѣ папство поддерживало все, что было враждебно императору въ Германіи и Италіи, нѣмецкихъ феодаловъ и итальянскія республики, а избирательная власть, вѣчно нуждавшаяся въ помощи вассаловъ противъ мятежныхъ итальянцевъ и враждебныхъ папъ, дѣлала уступки князьямъ и стремилась осуществить идею универсальной монархіи феодальными средствами, упуская изъ виду свои реальные интересы. Гогенштауфены падаютъ въ борьбѣ, два десятилѣтія тянется междуцарствіе, а съ Рудольфа Габсбургскаго императоры уже не мечтаютъ объ универсальной власти, не заботятся даже о своемъ нѣмецкомъ королевствѣ, а хлопочутъ, подобно другимъ князьямъ въ Германіи, объ увеличеніи своихъ родовыхъ владѣній. Нужно было стеченіе особыхъ обстоятельствъ, чтобы въ первой половинѣ XVI вѣка императорская корона покоилась на головѣ государя (Карла V), возмечтавшаго вернуться къ традиціи могущественныхъ императоровъ X — XII вѣковъ.

Идея Римской имперіи или „священной Римской имперіи нѣмецкой націи“, тѣсно связанная съ внутренней исторіей Германіи съ середины X в., *есть идея чисто средневѣковая*, представляя собою однако наслѣдіе древняго міра. Можно сказать, что въ этомъ идей-

номъ наслѣдіи было двѣ черты — понятіе о власти абсолютной и понятіе о власти универсальной, и что если французскіе короли, бывшіе національными, а не космополитическими государями, особенно проникались идеей сосредоточенія въ своихъ рукахъ всего суверенитета государства, то, наоборотъ, нѣмецкіе короли, императоры римскіе гнались за осуществленіемъ идеи универсальной монархіи, будучи даже готовы видѣть въ другихъ государяхъ quasi reges provinciales, надъ которыми они господствуютъ. Римское наслѣдіе, далѣе, получило въ средніе вѣка религіозную оболочку: имперія была „священной", что тѣсно связывало ее съ католическою церковью. Для варварскихъ королей, основавшихъ въ провинціяхъ западной Римской имперіи новыя государства, власть императора, сначала западнаго, потомъ (съ 476 г.) восточнаго, была высшею властью на землѣ: они считали свои королевства частями этой имперіи, номинально признавая верховенство императора. Номинальная связь Запада съ византійскимъ „василевсомъ" порвалась въ 800 г., когда Карлъ Великій, король франкскій, возстановилъ западную имперію, а затѣмъ послѣдовало вторичное ея возстановленіе Оттономъ Великимъ, послѣ чего она и сдѣлалась имперіей нѣмецкой націи. Наконецъ, извѣстное пророчество Даніила толковалось въ томъ смыслѣ, что „четвертой монархіей" была именно имперія Римская, что она будетъ существовать до скончанія міра, такъ какъ самъ Христосъ родился въ ней, и что средневѣковая имперія есть прямое продолженіе древней. Мы еще подробнѣе будемъ разсматривать отношенія между имперіей и папствомъ, а теперь отмѣтимъ, что по средневѣковой теоріи одна власть дополняла другую: обѣ власти были вселенскія, универсальныя, одна надъ душами, другая надъ тѣлами, и если „преемникъ апостоловъ" былъ „всеобщимъ епископомъ" (episcopus universalis), то наслѣдникъ „цезарей" былъ „господиномъ міра" (dominus mundi). Идея эта одушевляла всѣхъ великихъ императоровъ среднихъ вѣковъ, но если уже тогда она была фикціей, то тѣмъ болѣе имѣютъ характеръ реставраціи старины такія попытки универсальной монархіи, каковы были сдѣланы въ новое время Карломъ V въ XVI в., Людовикомъ XIV въ XVII и Наполеономъ I въ началѣ XIX, тремя государями, претендовавшими на наслѣдіе Карла Великаго. Между Гогенштауфенами, павшими въ борьбѣ за идею имперіи, имѣя противъ себя и папство, и итальянскій національный патріотизмъ, и развивавшійся нѣмецкій феодализмъ, и Карломъ V, возобновившимъ традицію средневѣковой имперіи, прошло два съ половиною вѣка (съ середины XIII до начала XVI), въ теченіе коихъ въ Германіи происходилъ процессъ усиленія территоріальной власти князей.

„Германское королевство, говоритъ Брайсъ [1]), разбилось подъ тяжестью Римской имперіи. Для того, чтобы пріобрѣсти всемірное господство, Германія пожертвовала собственнымъ политическимъ существованіемъ". Дѣйствительно, итальянскіе походы и споры съ папой заставляли императоровъ дѣлать уступки помогавшимъ ихъ политикѣ князьямъ; въ частыя отсутствія ихъ изъ Германіи магнаты узурпировали не принадлежавшія имъ права и затѣмъ ужъ ихъ не хотѣли возвращать; а папство вдобавокъ приглашало ихъ къ возстаніямъ и даже поощряло выставлять анти-императоровъ. Еще съ этой эпохи *намѣчается процессъ усиленія власти князей* и главный политическій вопросъ нѣмецкой исторіи: *Германія распадается на княжества, а попытки объединенія встрѣчаютъ оппозицію.* Такъ было въ средніе вѣка, такъ было и въ новое время — при Карлѣ V и въ эпоху тридцатилѣтней войны, когда шла борьба между Габсбургами и князьями, такъ было и послѣ тридцатилѣтней войны, уже въ XVIII в., когда образовался знаменитый „союзъ князей". Только французская революція и Наполеонъ I разрушили мелкодержавіе, не создавъ, впрочемъ, единства Германіи, которое осуществилось только въ 1870 году, да и то не въ видѣ единой монархіи.

Уже двумя прагматическими санкціями 1220 и 1232 г. Фридрихъ I утвердилъ сдѣлавшіяся обычными права епископовъ и знати, превращавшія ихъ въ государей ихъ городовъ и территорій, за исключеніемъ случаевъ его личнаго нахожденія въ этихъ городахъ и территоріяхъ. Королевская власть въ Германіи попадала въ положеніе, какое занимала она во Франціи при первыхъ Капетингахъ. Въ годы великаго междуцарствія наступила анархія, господство „кулачнаго права": прелаты и бароны расширяли свои земли, рыцари разбойничали, города соединялись между собою для взаимной защиты. Когда снова явился государь въ лицѣ графа габсбургскаго Рудольфа (1273—1291), имперская политика измѣнилась. Выбрали въ императоры, въ сущности, не особенно значительнаго владѣльца въ Эльзасѣ и Швейцаріи, и онъ уже вовсе не думаетъ итти въ Италію, помня басню о лисицѣ, которая видѣла много слѣдовъ въ пещеру льва, но зато не видѣла слѣдовъ оттуда; но онъ пользуется случаемъ, чтобы прихватить къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ Австрію, Штирію и Крайну. И Адольфъ Нассаускій былъ незначительный графъ, „бѣдный рыцарь", выказавшій однако поползновеніе округлить свои владѣнія. Послѣ этого походы въ Италію не предпринимаются, а если и дѣлаются исключенія, какъ это было при Генрихѣ VII Люксембургскомъ и Людовикѣ Баварскомъ, т.-е. въ первой половинѣ XIV

[1]) *Дж. Брайсъ.* Священная Римская имперія. М. 1891. Стр. 169.

вѣка, то результаты такихъ исключеній были ничтожны. *Вся дѣятельность новыхъ императоровъ была сосредоточена на увеличеніи своихъ наслѣдственныхъ княжествъ*, а правами „священной имперіи" они пользуются лишь для добыванія денегъ, продавая въ Германіи и въ Италіи князьямъ и городамъ титулы, права, привилегіи, вольности или за деньги закладывая достояніе имперіи. Достоинство императора падаетъ. Карлъ IV (1347—1378), „отецъ Чехіи и отчимъ Германіи", получаетъ корону отъ папы, какъ даръ, но подъ условіемъ—не быть въ Римѣ болѣе одного дня. Въ Пизѣ подожгли домъ, гдѣ онъ остановился, во Флоренціи ссудили деньгами лишь подъ залогъ драгоцѣнной короны. Тѣмъ не менѣе и онъ сумѣлъ для своей фамиліи попользоваться пріобрѣтеніями въ Германіи. Вацлавъ и не показывается въ Германіи. Чешскіе дворяне одно время держатъ его въ плѣну, а нѣмецкіе князья, наконецъ, низлагаютъ (1400). Его братъ Сигизмундъ (1410—1437) закладываетъ за деньги имперскіе города, расточаетъ права имперіи и по просьбѣ констанцскаго собора полтора года разъѣзжаетъ, живя на чужой счетъ. Альбрехтъ II Австрійскій долго колеблется, принять ли ему корону. При его племянникѣ Фридрихѣ III, Венгрія и Чехія получаютъ національныхъ королей, хотя права принадлежали опекавшемуся имъ сыну Альбрехта. Австрія отъ него отрывается. Бургундскій герцогъ Карлъ Смѣлый, искавшій получить отъ него королевскую корону, поставилъ его при личномъ свиданіи въ Трирѣ въ такое положеніе, что императоръ предпочелъ тихонько уѣхать переодѣтымъ. Его сынъ Максимиліанъ въ качествѣ жениха богатой бургундской наслѣдницы, дочери Карла Смѣлаго, Маріи, взялъ у своей невѣсты „немножко деньжонокъ", чтобы имѣть возможность пріѣхать на свадьбу, а позднѣе онъ служитъ въ арміи англійскаго короля за сто червонцевъ въ день. Но и онъ сумѣлъ усилить свою фамилію въ Германіи извѣстными браками (Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube). — При такомъ положеніи дѣлъ императорская власть разсматривалась, какъ нѣчто безполезное. Въ 1273 г. ольмюцскій епископъ писалъ папѣ, что императоры по безсилію и недостатку средствъ (ob impotentiam et necessariorum defectum) не могутъ regnare utiliter et praeesse. Фридриха III одна хроника называетъ ein unnützer Kaiser. Сравненія, какія дѣлались между князьями и императорами, были обидны для послѣднихъ: около 1400 г. одинъ современникъ пишетъ, что въ Германіи иной архіепископъ или епископъ подчасъ имѣетъ вдвое доходовъ (in duplo plus habet in reditibus), чѣмъ получаетъ rex romanorum во всѣхъ своихъ земляхъ (in omnibus terris, sibi subjectis), а д'Альи (дѣятель соборной реформы) говоритъ, что до такой степени пала (depressa est) императорская власть, что болѣе, нежели императоръ, имѣетъ значенія (magis ho-

noretur ac vereatur) даже какой-нибудь итальянскій кондотьеръ (alius capitaneus gentium armigerorum in Italia). Это не мѣшало, однако, императорамъ высказывать гордыя притязанія на всемірную власть, выразившіяся, напримѣръ, въ извѣстномъ смыслѣ, какой Фридрихъ III придалъ гласнымъ латинской азбуки: *A(ustriae) E(st) I(mperare) O(rbi) U(niverso)!*

Римскій императоръ былъ государь избирательный. De jure право сдѣлаться императоромъ принадлежало каждому христіанину (разумѣется, католику), но de facto императоры выбирались обыкновенно изъ какой-либо могущественной княжеской фамиліи въ Германіи, въ чемъ какъ бы повторялось древне-германское сочетаніе избранія и наслѣдственности короля, т.-е. избранія его изъ членовъ опредѣленнаго рода. Такимъ образомъ Германія въ теченіе цѣлыхъ девяти вѣковъ (911—1806) была наслѣдственно-избирательнымъ государствомъ (ein erbliches Wahlreich). Въ самомъ дѣлѣ, за Конрадомъ Франконскимъ царствовала болѣе ста лѣтъ (919—1024) саксонская династія, потомъ одно столѣтіе (1024—1125) династія франконская, а послѣ Лотаря Саксонскаго (1125—1138) опять болѣе, чѣмъ сто лѣтъ (1138—1250) династія Гогенштауфеновъ. Правда, послѣ междуцарствія князья предпочитаютъ мѣнять династію, и выборы происходятъ въ перемежку, но и тутъ старое начало возобладало. Императоры изъ Габсбурговъ были въ 1273—1291 (Рудольфъ I) и 1292—1308 (Альбрехтъ I) гг. и между нимъ одинъ изъ графовъ Нассаускихъ (Адольфъ, 1292—1298); въ теченіе ста тридцати лѣтъ царствовали императоры изъ люксембургскаго дома (Генрихъ VII, 1308—1313, Карлъ IV и Вацлавъ, 1347—1400, Сигизмундъ, 1410—1437) съ промежуточными царствованіями одного императора изъ баварскаго дома (Людовика IV, 1314—1347) и одного изъ Пфальца (1400—1410), пока въ 1438 г. корона не возвращается снова къ Габсбургамъ, которые и не выпускаютъ ее изъ рукъ (кромѣ небольшого перерыва въ серединѣ XVIII в.) въ теченіе трехъ съ половиною вѣковъ. Избраніе ослабляло власть: каждый, желавшій получить высшій свѣтскій санъ въ западномъ христіанствѣ, долженъ былъ дѣлать избирателямъ уступки изъ правъ, принадлежавшихъ его предшественникамъ, и опять уступать, чтобы обезпечить избраніе своего сына; но такъ какъ власть не была наслѣдственною, то и пользованіе ею разсматривалось съ точки зрѣнія той выгоды, какую изъ нея можно было извлечь для увеличенія наслѣдственныхъ владѣній и личныхъ средствъ.

Право избранія принадлежало особымъ князьямъ-избирателямъ, *которые по латыни назывались principes electores*, по-нѣмецки курфюрстами (Kurfürsten). Мало-по-малу именно изъ рукъ вообще знати, дѣйствія коей, какъ предполагалось, одобряются и народомъ, это

право перешло въ руки ограниченнаго количества князей, именно семи, изъ которыхъ трое были архіепископы самыхъ богатыхъ епархій: майнцской, кельнской и трирской, четверо свѣтскіе владѣтели: пфальцграфъ рейнскій, герцогъ саксонскій, маркграфъ бранденбургскій и король богемскій. Числу семь было даже придано священное, мистическое значеніе. Этотъ порядокъ былъ легализированъ золотою буллою Карла IV (1356 г.), имѣвшею своею цѣлью упорядочить избраніе императоровъ, сопровождавшееся въ прежнія времена междоусобіями; но *золотая булла вмѣстѣ съ этимъ узаконила независимость курфюрстовъ и ослабленіе императорской власти*, въ силу чего императоръ сдѣлался простымъ Vorsteher der Reichsgemeinde, т.-е. если не de jure, то de facto своего рода primus inter pares. Золотая булла распространяла на курфюрстовъ многія королевскія права (регаліи), установляла нераздѣльность ихъ владѣній съ правомъ первородства въ свѣтскихъ курфюршествахъ, давала имъ право чеканить монету, приравнивала къ оскорбленію величества преступленія противъ особы курфюрста, изымала подчиненныхъ имъ лицъ отъ чужой подсудности и т. п., и постепенно подобныя права стали переходить и къ другимъ князьямъ. Постояннымъ мѣстомъ избранія императора былъ объявленъ Франкфуртъ на Майнѣ, предсѣдательство передано архіепископу майнцскому, три архіепископа были признаны великими канцлерами Германіи, Бургундіи и Италіи, король богемскій—чашникомъ, пфальцграфъ—сенешаломъ, герцогъ саксонскій—маршаломъ, маркграфъ бранденбургскій—камергеромъ. Рѣшающимъ считался голосъ большинства. Впослѣдствіи прибавились еще восьмое и девятое курфюршества.

Политическому распаденію Германіи соотвѣтствовало и *преобразованіе имперскаго сейма въ чисто конгрессивное учрежденіе*, — процессъ, завершившійся, впрочемъ, лишь черезъ три вѣка послѣ золотой буллы, послѣ вестфальскаго мира. Въ этомъ смыслѣ исторія рейхстага — совершенная противоположность исторіи генеральныхъ штатовъ. Его зародышъ—въ первоначальномъ единомъ вѣчѣ единаго государства, въ вѣчѣ, которое превратилось въ собраніе аристократическихъ элементовъ. По мѣрѣ того, какъ развивалась княжеская власть и вмѣстѣ съ нею понятіе о посредственномъ отношеніи къ имперіи черезъ зависимость отъ этой власти, въ сеймѣ могли участвовать только непосредственные (reichsunmittelbare, immediati) чины имперіи, не знавшіе надъ собою никого высшаго, кромѣ императора, а по мѣрѣ того, какъ эти непосредственные элементы высвобождались изъ-подъ власти императора, пріобрѣтая суверенныя права, въ силу чего императоръ превращался въ номинальнаго главу федераціи княжествъ и имперскихъ городовъ,—и сеймъ имперскій все болѣе и

болѣе начиналъ походить па международный конгрессъ. Курфюрсты, князья и города, входившіе въ составъ сейма, весьма ревниво оберегали свои права, заботились лишь объ интересахъ каждый своего „чина“, весьма мало думая объ имперіи, почти не давая средствъ на ея нужды. Коронныя земли были расхищены въ эпоху междуцарствія или растрачены императорами XIV и XV вѣковъ, заботившимися не объ имперскомъ достояніи, а о своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, равно какъ и разныя „регаліи“, дававшія доходъ, самовольно захватывались князьями, жаловались имъ самими императорами, продавались, закладывались: вотъ почему императоры, какъ таковые, были до такой степени бѣдны. А сеймъ ничего пе давалъ или давалъ очень мало. Рудольфу Габсбургскому курфюрсты отказали въ назначеніи его сына „римскимъ королемъ“ (т.-е. будущимъ императоромъ), ссылаясь на то, что доходовъ государства хватаетъ едва на содержаніе одного монарха, а министръ Карла V Гранвелла сказалъ на шпейерскомъ сеймѣ, что императоръ для поддержанія своего достоинства получаетъ съ имперіи доходъ цѣною въ орѣхъ.

Зато большіе успѣхи дѣлала княжеская власть, и на нее переносились тѣ представленія, которыя выработались по отношенію къ императорской власти,—правда, не сразу, но постепенно, однако такъ, что въ XVII вѣкѣ и въ Германіи установляется полный абсолютизмъ. Девизъ: quod principi placuit legis habet vigorem — былъ въ почетѣ еще у Гогенштауфеновъ, по воззрѣнію которыхъ императоръ стоялъ выше всякаго закона (legibus solutus), будучи самъ источникомъ всякаго права, живымъ закономъ на землѣ (viva lex in terris), и даже Людовикъ Баварскій писалъ о себѣ: „мы, которые стоимъ выше права“ (nos qui sumus supra jus). Но въ Германіи этотъ принципъ воплотился впослѣдствіи во власти отдѣльныхъ территоріальныхъ князей, и уже въ XV вѣкѣ они пользуются услугами юристовъ, изучавшихъ римское право. Одинъ современникъ (Фруассаръ) говоритъ прямо, что „князьямъ величайшую помощь въ этомъ отношеніи оказываютъ доктора права и другіе свѣдущіе въ правѣ, которыхъ они помѣщаютъ въ университетахъ и держатъ при своихъ дворахъ и которые тратятъ всю свою ученость и все свое искусство на то, чтобы укрѣпить власть и верховенство князей, какъ единственно законныя и надъ всѣмъ господствующія“. Правда, княжеская власть въ эту эпоху еще не сложилась, ибо въ имперіи оставались еще элементы, сохранявшіе свою отъ нея зависимость,—имперскіе города и имперское рыцарство,—но князья пытались и ихъ стѣснить. Съ другой стороны, въ отдѣльныхъ земляхъ, гдѣ развилось княжеское верховенство (Landeshoheit) составлялись союзы земскихъ чиновъ (Landstände), прелатовъ, дворянъ и городовъ, не бывшихъ въ непосредственномъ отношеніи къ имперіи,

и земскіе сеймы (ландтаги) играли роль мѣстныхъ сословно-представительныхъ учрежденій, ограничивавшихъ княжескую власть. Послѣдней удалось отдѣлаться отъ этого ограниченія только въ эпоху тридцатилѣтней войны XVII вѣка, когда князьзя привыкли налагать подати безъ согласія ландтаговъ. Во всякомъ случаѣ, *княжеская власть* къ началу реформаціонной эпохи, т.-е. къ первой четверти XVI вѣка *не была еще вполнѣ сложившеюся силой, хотя и было уже замѣтно, что будущее было за нею.*

Въ имперскомъ сеймѣ участвовали еще имперскіе *города, которые играютъ большую роль въ исторіи Германіи въ исходѣ среднихъ вѣковъ.* Населеніе ихъ увеличилось въ XIV вѣкѣ, богатство ихъ возросло, они стали играть политическую роль, составляя такіе союзы, какъ ганзейскій, швабскій, рейнскій, ведя войны съ феодальными союзами и входя въ соединеніе съ другими политическими силами (напримѣръ, съ Швейцаріей). Города равнымъ образомъ пріобрѣтаютъ привилегіи отъ императоровъ. Независимымъ отъ княжеской власти оставался еще одинъ общественный элементъ — имперское рыцарство (Reichsritterschaft), котораго особенно было много въ западной Германіи: имперскіе рыцари были представителями феодальной анархіи и кулачнаго права, часто попросту разбойниками, а это заставляло и города, и князей обуздывать ихъ войною, хлопотать объ обезпеченіи „земскаго мира". Особенно были князья принципіальными противниками этого сословія, и уже въ XV вѣкѣ Фруассаръ указывалъ на то, что рыцари „подвергаются опасности потерять всѣ свои права и вольности и попасть въ полную зависимость отъ князей". Мы еще увидимъ, какъ стѣснили имперскихъ рыцарей въ концѣ XV вѣка и *какъ это сословіе своимъ возстаніемъ 1522—23 годовъ открываетъ бурную эпоху политическихъ смутъ, совпавшихъ съ религіозной реформаціей.*

Изъ XV вѣка въ XVI столѣтіе Германія переходила при неустойчивомъ равновѣсіи внутреннихъ силъ. Германія находилась въ процессѣ разложенія, который еще не завершился; коллегіи имперскаго сейма тянули въ разныя стороны; князья еще не совсѣмъ эманципировались, но ревниво оберегали свои права; города были въ ссорѣ съ князьями; имперское рыцарство волновалось; начиналось, какъ увидимъ, недовольство и среди крестьянъ. И въ это-то время происходитъ усиленіе габсбургскаго дома, къ которому переходитъ императорская корона въ 1438 г.,—именно въ царствованіе Максимиліана I (1493 — 1519), непосредственно предшествующее царствованію его внука Карла V, при которомъ императорская власть достигаетъ давно небывалой высоты, но въ то же время происходятъ событія, бывшія на руку только князьямъ. Эпоха Максимиліана I важна, какъ время, если не перваго появленія, то перваго значительнаго роста новой силы—

силы Габсбурговъ, пытающихся въ XVI в. возвратить императорской власти ея прежнее значеніе въ Германіи, а имперіи—ея былое положеніе среди другихъ государствъ, но встрѣчающихъ оппозицію со стороны нѣмецкихъ князей и со стороны другихъ государствъ, какъ-разъ въ то время, когда начинается и религіозная реформація. Съ другой стороны, при Максимиліанѣ ставится и отчасти рѣшается *вопросъ о реформѣ имперскаго устройства, коему суждено было также волновать XVI вѣкъ.*

Внѣшняя исторія возвышенія габсбургскаго дома съ Рудольфа I извѣстна, и не менѣе извѣстно, какъ счастливые браки создали для этой династіи при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени совершенно исключительное положеніе. Эрцгерцогъ австрійскій, графъ тирольскій, герцогъ Штиріи и Каринтіи, феодальный сюзеренъ земель въ Швабіи, Эльзасѣ и Швейцаріи, т.-е. весьма значительный князь, Максимиліанъ вступилъ въ бракъ съ богатой бургундской наслѣдницей. Родившійся отъ этого брака сынъ (Филиппъ Красивый) женился на дочери (Іоаннѣ Безумной) аррагонскаго короля Фердинанда Католика и кастильской королевы Изабеллы, и старшій ихъ сынъ Карлъ наслѣдовалъ габсбургскія владѣнія въ Германіи, Нидерланды и другія части бургундскаго наслѣдства, Испанію и Неаполь: его-то, уже бывшаго королемъ Испаніи (подъ именемъ Карла I) избрали германскіе курфюрсты въ римскіе императоры, подъ именемъ Карла V, правда, лишь подъ извѣстными условіями [1]). Давно Германія не видала такого могущественнаго монарха, и давно уже Германіи не было суждено играть такой выдающейся роли въ международной политикѣ. Карлу V было, повидимому, легко осуществить старыя притязанія императорской власти и въ Германіи, и внѣ Германіи, и этотъ новый факторъ дѣйствительно играетъ крупную роль въ борьбѣ политическихъ силъ въ новое время. Внутреннюю нѣмецкую исторію онъ, несомнѣнно, усложнялъ,—и усложнялъ тогда, когда *ставился вопросъ о томъ, чѣмъ же будетъ наконецъ Германія.*

Излагая исторію Германіи въ эпоху реформаціи, мнѣ еще придется вернуться къ разсмотрѣнію ея политическихъ силъ при вступленіи на престолъ Карла V. Остановимся только немного на времени Максимиліана I, когда, какъ выражается Брайсъ, окончилась „священная Римская имперія“ и началась австрійская монархія,—остановимся, однако, не на старой имперіи и не на новой монархіи, а на той федераціи, которая называлась Германіей. Максимиліанъ создалъ нѣкоторыя учрежденія, протянувшія свое существованіе до самаго конца имперіи, т.-е. три вѣка (XVI—XVIII), и въ его же время

---

[1]) Карлъ наслѣдовалъ и вновь открытыя земли въ Америкѣ.

были еще планы, коихъ не удалось осуществить. Я скажу прежде всего именно о неудавшейся попыткѣ реформы, причемъ замѣчу, что *причина неудачи была въ конгрессивномъ устройствѣ сейма, не желавшаго объединенія государства, и въ непримиримой противоположности интересовъ императора и имперскихъ чиновъ.* Максимиліана послѣдніе принудили согласиться на учрежденіе особаго административнаго совѣта (Reichsregiment), но онъ употребилъ всѣ усилія, чтобы это учрежденіе, ограничивавшее его хотя бы и призрачную власть, не имѣло никакого значенія. А между тѣмъ Reichsregiment могъ бы ослабить и мѣстный сепаратизмъ, что также было невыгодно и для князей, да и по всему строю жизни это учрежденіе должно было скорѣе напоминать сенатъ федеративнаго государства, чѣмъ административный совѣтъ, окружающій монарха. Больше значенія имѣли введеніе земскаго мира, раздѣленіе Германіи на округи и учрежденіе верховнаго имперскаго суда (Reichskammergericht). Было это въ 1495 году на сеймѣ въ Вормсѣ, гдѣ всѣ три коллегіи имперскаго сейма согласились ввести новое государственное устройство, долженствовавшее положить конецъ прежнимъ междоусобіямъ, но еще болѣе ослабившее власть императора: былъ установленъ земскій миръ подъ страхомъ опалы и изгнанія, а для разрѣшенія споровъ между чинами былъ учрежденъ рейхскаммергерихтъ, зависѣвшій не отъ императора и не отъ князей, но замѣщавшійся всѣми чинами имперіи, а для облегченія хода судебныхъ дѣлъ имперія была раздѣлена на 10 округовъ (Kreise), во главѣ коихъ стояли по два старшины (Kreisobersten): имъ поручалось приведеніе въ исполненіе рѣшеній верховнаго суда.

Максимиліанъ умеръ въ 1519 г. Въ 1522—23 г. произошло рыцарское возстаніе, въ 1524—25 разразилась въ Германіи крестьянская война; но оба движенія были подавлены князьями, которымъ удалось въ концѣ концовъ побѣдить и Карла V, и всѣ эти событія уже стоятъ въ связи съ реформаціей.

XII. Политическіе вопросы новаго времени.

Политическіе вопросы въ отдѣльныхъ государствахъ въ реформаціонную эпоху.— Испанія въ концѣ XV вѣка и началѣ XVI вѣка.—Церковь и государство при переходѣ въ новое время.—Двоякаго рода движенія новой исторіи.—Ростъ государства.—Государство и общество.—Соединеніе политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями.—Землевладѣніе и капиталъ.—Процессъ дефеодализаціи сельскаго быта.—Государство и народная масса.—Положеніе крестьянства въ разныхъ странахъ.—Необходимость разсмотрѣть соціальную сторону феодализма.—Экономическая сторона новой исторіи.

Въ каждомъ крупномъ государствѣ Западной Европы при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ къ новому времени существовалъ свой

особый политическій вопросъ, требовавшій разрѣшенія, и главнѣйшія историческія событія перваго періода новой исторіи, который принято называть реформаціоннымъ (1517—1648), находились въ самой тѣсной связи именно съ этими политическими вопросами. Намъ уже извѣстно, чѣмъ въ этомъ отношеніи характеризуются Германія, Франція и Англія, и было уже говорено, что внутренняя политическая исторія каждой изъ этихъ странъ тѣсно связана въ XVI и XVII вѣкахъ съ исторіей религіознаго движенія, извѣстнаго подъ названіемъ реформаціи. Въ самомъ дѣлѣ, для Германіи это были времена политическихъ столкновеній и междоусобій (1522—1555 и 1618—1648), побѣдителями изъ коихъ вышли князья, сломившіе имперское рыцарство, крестьянство и самую императорскую власть, которая обнаруживала тенденцію къ усиленію. Во Франціи эпоха реформаціи и вызванныхъ ею религіозныхъ войнъ была временемъ феодальной и муниципальной реакціи противъ возрастанія королевской власти съ попыткою ограниченія послѣдней посредствомъ генеральныхъ штатовъ (1560—1598 и отчасти фронда въ серединѣ XVII в.); наконецъ, въ Англіи въ XVII вѣкѣ произошло столкновеніе между королевскою властью и парламентомъ, сопровождавшееся столкновеніемъ между монархической и народной реформаціей, вызвавшее междоусобіе, временное низверженіе монархіи и установленіе республики (1640—1660) и приведшее послѣ реставраціи Стюартовъ ко второй революціи, которая, наконецъ, укрѣпила права парламента. Всѣ эти политическія движенія совершались подъ знаменемъ идей религіозныхъ, и политическія партіи были въ то же время и партіями религіозными, на чемъ мы особенно остановимся въ свое время. Самые вопросы, о коихъ идетъ рѣчь, рѣшались въ Германіи, Франціи и Англіи въ связи съ судьбами религіозной реформаціи: побѣда политическая была въ то же время и побѣдою извѣстной религіозной системы. Почему это было такъ, мы еще увидимъ, когда будемъ анализировать причины реформаціи XVI вѣка; но какъ бы ни были тѣсно связаны между собою и даже переплетены движенія политическія и религіозныя, и тѣ и другія имѣли каждое свой самостоятельный источникъ и могли отдѣльно существовать другъ отъ друга. Примѣръ—Испанія, гдѣ одновременно съ нѣмецкой реформаціей происходило сильное политическое движеніе, отнюдь не принимавшее религіозной окраски.

Это было именно въ царствованіе Карла I (V, какъ римскаго императора), при которомъ произошло дѣйствительное соединеніе Аррагоніи и Кастиліи въ одну испанскую монархію, подготовленное бракомъ его дѣда Фердинанда Аррагонскаго и бабки Изабеллы Кастильской. Въ обоихъ этихъ государствахъ были могущественныя духовенство и дворянство, существовали промышленные и торговые го-

рода (собственно въ Аррагоніи), собирались представители сословій, которые въ кортесахъ пользовались весьма широкими правами, ограничивавшими королевскую власть. Оба государства продолжали самостоятельную жизнь при Фердинандѣ и Изабеллѣ, но въ обоихъ проводилась одна и та же политика—ослабленія духовенства и дворянства и возвышенія королевской власти, опиравшейся на знаменитую инквизицію. По смерти Изабеллы (1504) правленіе въ Кастиліи перешло сначала къ ея дочери Іоаннѣ и мужу послѣдней Филиппу; но Филиппъ скоро умеръ, Іоанна сошла съ ума, и кортесы сдѣлали опекуномъ надъ ихъ сыномъ Карломъ его дѣда Фердинанда, который назначилъ этого своего внука наслѣдникомъ всѣхъ испанскихъ владѣній. По смерти Фердинанда (1516) Карлъ дѣлается королемъ Кастиліи и Аррагоніи. Молодой король (род. въ 1500 г.) отстранилъ отъ дѣлъ главнаго совѣтника своихъ дѣда и бабки кардинала Хименеса и роздалъ важныя должности пріѣхавшимъ съ нимъ нидерландцамъ. Это и было одною изъ причинъ неудовольствія дворянства и горожанъ, уже раньше сильно стѣсненныхъ политикой Фердинанда, Изабеллы и Хименеса. Въ то время, какъ Карлъ ѣздилъ въ Германію для принятія императорской короны по смерти своего другого дѣда Максимиліана (1519 г.), въ Испаніи *произошло большое возстаніе дворянства и городовъ, соединившихся для расширенія своихъ правъ и ограниченія королевской власти* въ духѣ старыхъ вольностей. Это политическое движеніе, во главѣ котораго стоялъ Донъ-Жуанъ Падилья изъ Толедо, открываетъ собою цѣлый рядъ подобныхъ политическихъ движеній, коими былъ такъ богатъ XVI вѣкъ: и годы, въ которые это происходило (1519—1521), непосредственно предшествуютъ бурной революціонной эпохѣ въ Германіи (1522—1525), когда тамъ совершились рыцарское и крестьянское возстанія, но большая часть политическихъ движеній XVI в. совершилась подъ знаменемъ новыхъ религіозныхъ идей, тогда какъ испанское возстаніе дворянства и городовъ сохраняло чисто политическій характеръ. Замѣтимъ кстати, что дворяне и города не поладили между собою, т.-е. тутъ произошло то же самое, что такъ часто случалось во Франціи, да и результатъ былъ тотъ же: послѣ пораженія возставшихъ при Вильярарѣ и гибели Падильи (онъ былъ казненъ) у городовъ, заведшихъ у себя демократическое устройство и вступившихъ между собою въ союзъ (хунту), были отняты ихъ привилегіи, кортесы стали собираться все рѣже и рѣже и такимъ образомъ утратили свое значеніе.

Указанное объединеніе въ XVI вѣкѣ политическихъ и религіозныхъ движеній находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о взаимныхъ отношеніяхъ между государствомъ и церковью, который также рѣшался въ государствахъ Запада въ XVI вѣкѣ на новыхъ началахъ.

Объ этомъ рѣчь будетъ итти впереди, а здѣсь пока ограничимся одною стороною дѣла для характеристики политическихъ вопросовъ, поставленныхъ историческою жизнью къ концу среднихъ вѣковъ. Средневѣковое государство не только разлагалось феодальнымъ строемъ, но и поглощалось католическою церковью: средневѣковой король нерѣдко встрѣчалъ неповиновеніе со стороны своихъ вассаловъ и весьма часто долженъ былъ смиряться передъ папой, или, говоря другими словами, государственная власть встрѣчала антагонизмъ въ обществѣ со стороны преимущественно феодальныхъ элементовъ и въ то же время стѣснялась извнѣ властью церковною. Одновременно, однако, падаютъ и феодализмъ, и католицизмъ, какъ политическая система: *государство эманципируется отъ путъ, налагавшихся на него феодальнымъ строемъ и католическою церковью*, въ чемъ состоитъ весьма важная сторона государственной исторіи новаго времени. Мало того: какъ-разъ въ эпоху рѣшенія тѣхъ внутреннихъ политическихъ вопросовъ, которые были завѣщаны Германіи, Франціи и Англіи (да и въ другихъ государствахъ) прошлымъ этихъ странъ, церковь, находившаяся въ сильной „порчѣ“ и оказавшаяся не въ состояніи исправиться собственными силами, подвергается реформѣ со стороны государства и свѣтскаго общества въ широкомъ смыслѣ этого слова, причемъ и *государственная власть, и отдѣльные общественные классы хотятъ воспользоваться церковною реформою для своихъ цѣлей.*

Послѣднее обнаружилось въ двоякомъ происхожденіи церковныхъ реформъ въ XVI вѣкѣ: онѣ шли именно или сверху, т.е. совершались по иниціативѣ, либо подъ руководтвомъ королевской власти,— или снизу, т.е. имѣли свой источникъ и находили своихъ творцовъ въ отдѣльныхъ соціальныхъ классахъ. Стоитъ только стать на эту точку зрѣнія, чтобы объяснить себѣ цѣлый рядъ аналогичныхъ явленій въ новой исторіи западной Европы. *XVI вѣкъ былъ вѣкомъ перехода отъ средневѣковой сословной монархіи къ абсолютной монархіи новаго времени*: разлагавшаяся католическая церковь могла легко сдѣлаться предметомъ борьбы между королевскою властью, стремившеюся себя усилить между прочимъ и посредствомъ подчиненія себѣ церкви,—и общественными классами, желавшими перестроить и церковную жизнь примѣнительно къ своимъ интересамъ и стремленіямъ. Отсюда то королевская власть беретъ на себя иниціативу реформы, то, наоборотъ, эта иниціатива принадлежитъ обществу, народу, но и *вообще черезъ всю новую исторію проходятъ двоякаго рода движенія: одни идутъ сверху, отъ власти, другія—снизу, отъ общества, отъ народа.* Такъ было именно въ эпоху реформаціи, когда или власть усиливалась, подчиняя себѣ церковную реформу, или нація

расширяла свои права, овладѣвая тѣмъ же реформаціоннымъ движеніемъ. Полную аналогію этому мы встрѣтимъ и въ XVIII вѣкѣ, когда подъ вліяніемъ „философскихъ“ идей происходятъ крупныя перемѣны въ общественной жизни, причемъ перемѣны эти производятся сначала абсолютными монархами, т-е. идутъ сверху („просвѣщенный абсолютизмъ“), а потомъ являются результатомъ дѣйствія снизу, исходя изъ интересовъ и стремленій желавшихъ новаго порядка общественныхъ классовъ (французская революція). Эту мысль о двоякомъ характерѣ церковной реформы въ XVI вѣкѣ и объ аналогіи, съ одной стороны, между церковными преобразованіями, шедшими въ ту эпоху и сверху, и снизу, а съ другой стороны, преобразованіями политическими и соціальными я буду развивать впослѣдствіи, и тогда мы увидимъ, что и по отношенію къ реформаціи XVI в., и по отношенію къ преобразованіямъ XVIII столѣтія нужно принимать въ расчетъ взаимное положеніе государственной власти и общественныхъ классовъ въ отдѣльныхъ странахъ и въ разныя времена. Во всякомъ случаѣ, между этими силами мы наблюдаемъ антагонизмъ, и смотря по тому, что̀ въ данное время отстаиваетъ та или другая сила, она дѣлается прогрессивной или реакціонной.

Отдѣлываясь отъ феодальнаго и церковнаго соправительства, государство новаго времени превращается въ такую соціальную силу, какой средніе вѣка не знали: оно все болѣе и болѣе стягиваетъ къ себѣ всѣ живыя силы общества и является въ роли наслѣдника тѣхъ правъ, которыя въ средніе вѣка были распредѣлены между отдѣльными сословіями, общинами и корпораціями, или сосредоточены въ католической церковной организаціи. Государство беретъ на себя починъ въ новыхъ задачахъ исторической жизни: оно является въ роли главнаго руководителя общества; оно выступаетъ, какъ единственный исполнитель того, чего настоятельно требовалъ данный моментъ національнаго бытія. *Въ средніе вѣка государство, такъ сказать, растворялось въ сословно-организованномъ обществѣ, въ новое время общество было поглощено государствомъ и лишилось своей самодѣятельности*, пока не началось возвращеніе къ этой самодѣятельности, но уже на новыхъ началахъ, ранѣе всего проявившихся въ Англіи, которая съ своимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ и парламентскимъ представительствомъ общественныхъ силъ и не переживала періода такого всемогущества правительства. Выступая въ роли главнаго регулятора національной жизни, государственная власть оказываетъ громадное вліяніе на соціальную структуру отдѣльныхъ странъ: *ея тенденціей было нивеллировать сословія*, но нивеллировать лишь по стольку, по скольку это нужно было съ узко-политической точки зрѣнія, не трогая того глубокаго различія, которое

выработалось между отдѣльными общественными классами не въ ихъ отношеніяхъ къ государству, а въ ихъ отношеніяхъ между собою. *Т.-е. государство новаго времени охотно лишало сословія ихъ политическихъ правъ, не останавливаясь передъ борьбою, но оно оставляло за сословіями ихъ соціальныя привилегіи, мало обращая вниманія на то, что послѣднія были тягостны для народныхъ массъ.* Другими словами, государство мало реформировало общество, оставляя, напримѣръ, существовать все то, что у насъ было уже не разъ обозначаемо, какъ феодализмъ соціальный. Съ паденіемъ сословно-представительныхъ учрежденій, выросшихъ на почвѣ политическаго феодализма, королевская власть сдѣлалась абсолютной почти во всѣхъ государствахъ европейскаго континента, но феодализмъ соціальный съ неравенствомъ сословій, съ феодальными правами надъ землею, съ несвободой сельскаго населенія продолжаетъ существовать какъ ни въ чемъ не бывало. Намъ еще придется видѣть, въ чемъ состоялъ такъ называемый „старый порядокъ“ (ancien régime), который былъ не въ одной только Франціи передъ революціей 1789 г., и едва-ли мы будемъ ошибаться, если будемъ полагать его сущность *въ соединеніи политическаго абсолютизма съ соціальными привилегіями* большею частью феодальнаго происхожденія. Духовенство и дворянство утратили сначала (тамъ, гдѣ, конечно, первоначально имѣли) права верховной власти надъ населеніемъ своихъ владѣній; потомъ эти два сословія утратили свои политическія права, коими пользовались чрезъ представителей своихъ въ собраніяхъ государственныхъ чиновъ; только впослѣдствіи, въ сравнительно позднюю эпоху потеряли они свои соціальныя привилегіи, да и то государство сначала лишь вмѣшивается въ ихъ отношенія къ сельской массѣ не для уничтоженія, а для нѣкотораго ослабленія ихъ власти въ интересахъ самого государства, которое жило главнымъ образомъ тѣмъ, что̀ извлекало изъ податныхъ классовъ, такъ какъ одною изъ главнѣйшихъ привилегій духовенства и дворянства сдѣлалось изъятіе изъ обязанности что-либо платить государству. До эпохи просвѣщеннаго абсолютизма (1740—1789), королевская власть сравнительно мало занимается вопросами, касающимися общаго положенія народной массы: выходило такъ, какъ будто она считала нужнымъ вознаградить высшія сословія за потерю политическихъ правъ, предоставляя въ полное ихъ распоряженіе личность, трудъ и имущество сельскаго населенія. Съ своей стороны, потомки феодальныхъ сеньеровъ оберегали весьма ревниво все то, что̀ у нихъ оставалось еще отъ ихъ предковъ въ собственныхъ земляхъ, въ правахъ на чужихъ земляхъ, въ оброкахъ и повинностяхъ крестьянъ, ибо отсюда извлекали они свои доходы, дававшіе имъ возможность становиться и въ оппо-

зицію власти. Экономическая мощь, бывшая въ феодальную эпоху непосредственнымъ источникомъ суверенитета, была основой той политической роли, какую крупные землевладѣльцы, духовные и свѣтскіе, играли и въ эпоху сословно-представительныхъ учрежденій, и въ ту эпоху, когда при абсолютной королевской власти они все-таки составляли правящій классъ, умѣвшій защищать свои интересы и поддерживать свои традиціи. Только постепенно *подрывалась эта экономическая сила феодальнаго землевладѣнія, съ одной стороны, благодаря появленію и развитію промышленности и торговли въ городахъ,* о чемъ уже было говорено раньше, *а съ другой стороны, благодаря медленному, но постепенному процессу дефеодализаціи сельскаго быта.*

Въ этомъ послѣднемъ процессѣ нужно отличать дѣйствіе двухъ силъ—силы государства и силы самого народа, нужно различать и двоякое дѣйствіе обѣихъ силъ, т.-е. постепенное подкапываніе подъ соціальный феодализмъ мелкими мѣрами правительства или мелочными измѣненіями, вносившимися въ жизнь отдѣльными лицами, и, наоборотъ, крупные перевороты, выражавшіеся въ важныхъ реформахъ, шедшихъ со стороны власти, или въ народныхъ попыткахъ стряхнуть съ себя феодальный гнетъ. Государство въ роли политической силы, повліявшей на разложеніе соціальнаго феодализма, могло выступить лишь въ сравнительно позднее время, да и то первоначально оно ограничивалось частными мѣропріятіями, приступивъ къ первымъ сколько-нибудь серьезнымъ реформамъ въ этой области только въ эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Начало процесса дефеодализаціи сельскаго быта обусловливалось преимущественно мелкими измѣненіями, вызывавшимися разными общими причинами, преимущественно экономическаго свойства, съ которыми нужно поставить рядомъ попытки, большею частью неудачныя, самого народа сбросить съ себя феодальный гнетъ. Эти попытки, встрѣчающіяся вообще во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, имѣютъ особенно значительные размѣры при переходѣ въ новое время: таковы французская жакерія середины XIV вѣка, возстаніе крестьянъ въ Англіи въ концѣ того же вѣка и великая крестьянская война въ Германіи въ реформаціонную эпоху (1524—1525), война, коей предшествовало много мѣстныхъ и не столь значительныхъ вспышекъ. Эти попытки не имѣли удачи: противъ нихъ были соединенныя силы сеньеровъ и государства, стоявшаго на точкѣ зрѣнія сохраненія соціальнаго status quo. Феодальный строй былъ прямо враждебенъ свободѣ народной массы; сословная монархія, объединявшая интересы отдѣльныхъ классовъ, исключала изъ представительныхъ учрежденій не только несвободное, но и свободное крестьянство; позднѣйшій абсо-

лютизмъ былъ тѣсно связанъ съ поддержкою соціальныхъ привилегій тѣхъ сословій, которыя держали въ зависимости отъ себя сельское населеніе. И нельзя сказать, чтобы въ новое время съ ростомъ государственнаго начала улучшалось положеніе народной массы. Если, напримѣръ, *въ Англіи во Франціи къ концу среднихъ вѣковъ крѣпостное состояніе исчезаетъ или, по крайней мѣрѣ, ослабляется, то въ Германіи, наоборотъ, въ новое время оно какъ-разъ усиливается.* Такова юридическая сторона въ положеніи крестьянской массы въ трехъ названныхъ странахъ. Въ экономическомъ отношеніи мы наблюдаемъ *ухудшеніе быта не только въ Германіи,* гдѣ оно весьма понятно при возроставшемъ безправіи, *но и въ Англіи съ Франціей, гдѣ освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости сопровождалось открѣпленіемъ ихъ отъ земли или увеличеніемъ тяжести оброковъ, лежавшихъ на землѣ.* Освобожденіе крестьянъ не было общей государственной мѣрой: оно было результатомъ громаднаго количества частныхъ сдѣлокъ между сеньерами и крестьянами, сдѣлокъ, въ коихъ первые не упускали своихъ выгодъ, а другіе были предоставлены своей слабости. Съ другой стороны, высшія сословія, имѣвшія голосъ въ представительныхъ учрежденіяхъ или оказывавшія вліяніе на правительство въ качествѣ правящаго класса, такъ или иначе участвовали въ созданіи законодательныхъ мѣръ, клонившихся къ явному вреду для большинства населенія, не имѣвшаго своихъ депутатовъ въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ.

Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію положенія народной массы въ европейскихъ государствахъ, которыми мы преимущественно заняты. До сихъ поръ мы имѣли въ виду только сословія, игравшія политическую роль, сохранившія старыя привилегіи или добившіяся новыхъ, а говоря о феодализмѣ, останавливались на одной политической его сторонѣ. Теперь намъ предстоитъ познакомиться съ соціальной стороной феодализма, пережившей крушеніе стороны политической, пережившей сословно-представительныя учрежденія, продолжавшей существовать при полномъ развитіи абсолютизма, впервые сколько-нибудь затронутой просвѣщенными деспотами XVIII вѣка, и сокрушенной только въ новѣйшее время. Эта соціальная сторона феодализма проявляется именно въ устройствѣ сельскаго быта, въ распредѣленіи поземельной собственности, въ характерѣ хозяйства, въ юридическомъ положеніи крестьянина. Я прошу припомнить то, что̀ говорилось обо всемъ этомъ въ началѣ настоящаго разсмотрѣнія политическаго и общественнаго быта главныхъ государствъ западной Европы въ концѣ среднихъ вѣковъ; здѣсь мы выходимъ изъ области вопросовъ политическихъ и вступаемъ въ область вопросовъ экономическихъ, которымъ пришлось играть не малую роль въ новой исторіи.

Но экономическая сторона должна быть нами разсмотрѣна не только въ сельскомъ быту, не только въ области земледѣлія, не только по отношенію къ крестьянамъ, но и въ быту городскомъ, въ области обрабатывающей промышленности, по отношенію къ ремесленникамъ и рабочимъ. Мы найдемъ нѣкоторыя аналогіи въ томъ и другомъ быту, и самою главною изъ нихъ будетъ замѣна мелкаго хозяйства крупнымъ, замѣна мелкаго производства крупнымъ, *одинъ изъ важнѣйшихъ переворотовъ экономическихъ, совершившихся въ новое время*, на почвѣ котораго возникаетъ буржуазія новаго времени, представительница такъ называемаго капитализма, и рядомъ съ нею пролетаріатъ, неизвѣстный средневѣковому экономическому устройству. Мы увидимъ впослѣдствіи и то также, какую важность экономическіе вопросы получаютъ въ новое время для государства, которое, все болѣе и болѣе принимая на себя разныхъ задачъ, раньше не столь сложныхъ и исполнявшихся притомъ самимъ обществомъ, все болѣе и болѣе стало нуждаться въ большихъ денежныхъ средствахъ, для чего и стало извѣстнымъ образомъ направлять экономическую жизнь народа, преслѣдуя свои фискальныя цѣли. Наконецъ, намъ придется имѣть дѣло съ народными движеніями новаго времени, одно изъ которыхъ открываетъ собою смуты реформаціонной эпохи (крестьянская война въ Германіи); но эти народныя движенія имѣютъ необходимо экономическую подкладку, служа вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ какой-либо глубокой перемѣны, совершившейся въ хозяйственномъ быту массы. Особенно подробно я остановлюсь на судьбахъ крестьянства: городская промышленность есть уже продуктъ исторіи новаго времени, и на положеніи промышленныхъ рабочихъ въ концѣ среднихъ вѣковъ поэтому пока нѣтъ надобности останавливаться съ такими подробностями.

СРЕДНЕВѢКОВЫЯ СОЦІАЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

XIII. Крѣпостничество во Франціи [1]).

Исторія сельскаго населенія во Франціи.—Рабство въ Галліи и колонатъ.—Сохраненіе колонатныхъ отношеній въ варварскую эпоху. — Феодализація. — Феодальная сеньерія.—Классы населенія феодальной сеньеріи.—Поземельныя ея отношенія.—Оброки и повинности.—Сеньерьяльныя права.

Для ознакомленія съ средневѣковымъ крестьянскимъ бытомъ я останавливаюсь преимущественно на судьбахъ французскаго сельскаго населенія, на которыхъ лучше всего можно познакомиться съ перемѣнами, происходившими вообще въ крестьянскомъ быту: съ той эпохи, когда въ Галліи существовали самостоятельныя государства, черезъ эпохи римскую и варварскую до образованія французской монархіи и потомъ черезъ всѣ періоды въ исторіи послѣдней тянется длинный рядъ явленій, находящихся между собою въ преемственной связи, хотя и не всегда схожихъ между собою, явленій, сводящихся къ тому, что въ теченіе двухъ тысячелѣтій сельскій народъ въ этой странѣ былъ въ зависимости отъ землевладѣльческаго класса, въ зависимости, принимавшей самыя разнообразныя формы, но наиболѣе характеризующейся тѣми феодальными отношеніями, которыя въ сферѣ соціальной и возникли раньше, и перестали существовать

---

[1]) Эта и слѣдующая главы представляютъ собою сокращеніе изъ моей книги: „Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до 1789 г.“ Тамъ же можно найти указанія на сочиненія по исторіи французскихъ крестьянъ. Очеркъ литературы по исторіи крестьянъ въ разныхъ странахъ Европы сдѣланъ въ книгѣ *В. И. Семевскаго* „Крестьяне въ царствованіе Екатерины II“. Общее сочиненіе по исторіи уничтоженія крѣпостничества—*Sugenheim.* Geschichte ber Aufhebung der Leibeigenschaft und Hörigkeit in Europa.

позже, чѣмъ развился и склонился къ упадку феодализмъ политическій.

По древнѣйшему извѣстію о соціальномъ бытѣ самыхъ отдаленныхъ предковъ французскаго крестьянина, низшихъ классовъ въ Галліи, по извѣстію, принадлежащему завоевателю Галліи Юлію Цезарю, народъ въ ней былъ въ рабскомъ состояніи: „большая часть, говоритъ Цезарь, обремененная долгами или вслѣдствіе тяжести налоговъ, или же по причинѣ притѣсненій со стороны сильныхъ людей, — закабаляетъ себя знатнымъ (sese in servitutem dicant nobilibus), и послѣдніе имѣютъ по отношенію къ нимъ всѣ тѣ права, какія принадлежатъ господамъ надъ рабами". Въ послѣднія времена Римской имперіи въ ней господствуетъ колонатъ, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть вообще прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ. Вѣроятно первоначальную основу колоната положили полузакрѣпощенные галлы; далѣе, въ число колоновъ должны были войти и рабы, такъ или иначе получившіе смягченіе своей участи; наконецъ, значительный контингентъ для пополненія колоновъ могли доставить мелкіе свободные арендаторы. Взаимныя отношенія государственной власти, помѣщика и колона въ Галліи мало чѣмъ разнились отъ тѣхъ же отношеній въ Россіи при крѣпостномъ правѣ. Само собою разумѣется, что разъ между государствомъ и прежде свободнымъ колономъ стоялъ помѣщикъ, отъ котораго этотъ колонъ находился въ зависимости, связь между государственной властью и массой населенія должна была ослабѣть и на первый планъ—выдвинуться господство землевладѣльца; къ нему же должно было перейти и политическое значеніе въ одну изъ такихъ эпохъ, когда само государство какъ бы теряетъ свою жизненную силу. Вотъ почему въ колонатѣ мы должны видѣть подготовительную стадію средневѣкового феодализма, особенно, если обратимъ вниманіе на юридическую и на экономическую сторону: именно мы замѣчаемъ въ колонатѣ первую форму уменьшенія свободы вслѣдствіе найма чужой земли,—уменьшенія, характеризующаго юридическія отношенія среднихъ вѣковъ; съ другой стороны, приходится признать несомнѣнную связь колоната съ эксплуатаціей имѣній мелкими хозяевами, зависимыми оброчниками, какими были и средневѣковые крестьяне. Экономическому различію раба и колона, изъ коихъ первый былъ какъ бы пожизненный батракъ, а второй—пожизненный фермеръ, соотвѣтствовало и юридическое различіе между обоими состояніями: колонатъ былъ не лишеніемъ, а только какъ бы уменьшеніемъ свободы; въ сравненіи съ рабствомъ онъ представлялъ болѣе мягкую форму личной зависимости. Законъ признавалъ колоновъ даже свободными людьми. Но эти свободные люди не были вполнѣ независимы, они не могли оставить той земли, на которой сидѣли и за

которую платили оброкъ, они были какъ бы рабами этой земли, съ коей и ихъ никто не имѣлъ права согнать. Съ этимъ правомъ и съ этой обязанностью вѣчно сидѣть на одномъ участкѣ соединялась для колона обязанность обрабатывать этотъ участокъ, дабы было чѣмъ платить разъ навсегда установленный оброкъ. Одновременно съ колонатомъ происходило въ Римской имперіи развитіе особаго учрежденія, вызваннаго отчасти тѣми же причинами, какъ и только-что описанныя отношенія. Это—такъ называемый эмфитевзисъ, договоръ, по которому землевладѣлецъ передавалъ свою землю другому лицу въ очень обширное пользованіе, за что эмфитевтъ обязывался платить ежегодно опредѣленную поземельную ренту. Это было что-то среднее между куплей и арендой: эмфитевтъ дѣлался вѣчнымъ владѣльцемъ земли, могъ даже ее продавать (съ уплатой собственнику извѣстной пошлины), но въ то же время онъ не считалъ себя настоящимъ собственникомъ и долженъ былъ вѣчно платить оброкъ за свою землю. Въ извѣстномъ смыслѣ римскій эмфитевзисъ былъ равносиленъ цензивѣ феодальной эпохи. Рабство у германцевъ еще въ I в. по Р. X. напоминаетъ колонатъ. „Рабы,—говоритъ Тацитъ въ своей книгѣ о Германіи,—находятся у германцевъ въ иномъ положеніи, чѣмъ наши, между которыми распредѣлены отдѣльныя домашнія службы. У каждаго своя усадьба, свое хозяйство. Господинъ только налагаетъ на нихъ, какъ на фермеровъ (ut colono), извѣстный оброкъ хлѣбомъ, скотомъ, одежею—и въ этомъ все рабство“. Благодаря этому обстоятельству, германскимъ племенамъ, поселившимся въ Галліи, легко было приспособиться къ существовавшему тамъ колонату, такъ какъ съ нимъ ихъ крѣпостное состояніе имѣло столь много общаго и въ юридическомъ, и въ экономическомъ смыслѣ. Варвары приняли и существовавшій въ Галліи порядокъ обработки земли: латифундіи и колонатъ могли оставаться въ полной силѣ. Впрочемъ, такъ какъ варвары были мало способны понимать юридическія различія, существовавшія въ римскомъ правѣ между отдѣльными оттѣнками зависимости одного человѣка отъ другого, то между рабами и колонами должно было произойти нѣкоторое смѣшеніе. Во всякомъ случаѣ вотъ какія черты проходятъ черезъ всю исторію Галліи-Франціи, начиная со времени, предшествовавшаго завоеванію ея легіонами Юлія Цезаря, до окончательнаго утвержденія въ ней феодальнаго режима: это, во-первыхъ, *рѣзкое раздѣленіе общества на два класса*, изъ которыхъ одинъ все болѣе и болѣе захватываетъ почву въ свои руки, тогда какъ другой все менѣе и менѣе оказывается способнымъ даже сохранить личную свободу; во-вторыхъ, это начинающаяся система *соединенія крупной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ:* землевладѣльцы не предпринимаютъ эксплуатаціи почвы

въ широкихъ размѣрахъ, низшій классъ находитъ себѣ помѣщеніе въ имѣніяхъ крупныхъ собственниковъ въ качествѣ крѣпостныхъ крестьянъ,—словомъ, латифундіи и колонатъ взаимно дополняются; въ-третьихъ, при несомнѣнномъ развитіи частной собственности, не исключающемъ ни ограниченій ея въ пользу общины, ни общиннаго землевладѣнія, *наряду съ полною собственностью создается особый видъ собственности зависимой* (emphyteusis), возникающій въ силу особаго договора, который напоминаетъ одновременно продажу и отдачу въ наемъ: въ-четвертыхъ, время отъ времени обнаруживается *стремленіе слабыхъ членовъ общества заручиться покровительствомъ какого-либо сильнаго человѣка*, хотя бы для этого пришлось лишиться своего клочка земли и свободнаго распоряженія своею личностью. Указанныя черты характеризуютъ бытъ крестьянъ и при феодальномъ режимѣ: элементы его существовали ранѣе, и только позднѣе комбинировались они въ цѣлую систему, охватившую всѣ сферы общественной жизни.

Система эта, какъ мы видѣли, дробившая цѣлую страну на множество политическихъ организмовъ, въ то же время опутывала своею сѣтью и мелкія сельскія общины. Феодализмъ въ послѣднемъ смыслѣ началъ устанавливаться гораздо ранѣе феодализма, какъ политической системы: нужно было только, чтобы распалась государственная власть преемниковъ Карла Великаго, дабы черты, характеризующія колонатъ, обострились въ феодальной системѣ: раздѣленіе общества на два класса, землевладѣльцевъ и подневольныхъ земледѣльцевъ, съ переходомъ государственной власти въ руки первыхъ превращается въ раздѣленіе общества на господъ и подданныхъ; въ то же время крупная собственность, латифундія возводится на степень самостоятельнаго цѣлаго, и состояніе колоната въ извѣстномъ смыслѣ распространяется на все населеніе такого политическаго организма, возникшаго на почвѣ крупнаго имѣнія; равнымъ образомъ при установленіи іерархіи между отдѣльными феодальными владѣніями генерализируется система зависимой собственности: если на верхней ступени лѣстницы стоялъ сюзеренъ, который имѣлъ подъ собою вассаловъ, владѣвшихъ своими землями въ зависимости отъ него, то внизу мы находимъ крестьянина, который держитъ землю отъ своего сеньера, какъ вассалъ послѣдняго: и *феодъ*, или *ленъ* благороднаго вассала, и *цензива* простого человѣка одинаково противополагаются *алоду*, какъ полной, независимой собственности, состоя въ нѣкоторомъ родствѣ съ эмфитевзисомъ; при всемъ этомъ въ такой системѣ, которая отдавала всю страну во власть помѣщиковъ, обладавшихъ значеніемъ носителей государственной власти, уже положительно невозможно было кому-либо сохранить свою свободу и не стоять подъ покровительствомъ

какого-нибудь сеньера, когда все общество отъ короля до послѣдняго нищаго представляло изъ себя лѣстницу, въ которой каждый стоящій на промежуточныхъ ступеняхъ имѣлъ надъ собою сеньера и въ то же время самъ былъ чьимъ-либо сеньеромъ; наконецъ, вслѣдствіе того же политическаго переворота отдѣльныя лица, коимъ ранѣе удалось стать *внѣ* свободной общины, *стали теперь надъ* общинами, возвративъ имъ однородность состава въ силу своего превращенія изъ совладѣльцевъ общинъ, не желавшихъ подчиняться общему правилу, въ господъ, которымъ не было интереса слишкомъ вмѣшиваться во внутренніе распорядки общины. *Вотъ какимъ образомъ политическая сторона феодальной системы содѣйствовала дальнѣйшему развитію, закрѣпленію и, такъ сказать, обостренію феодализма въ соціальной сферѣ, начавшагося гораздо ранѣе.* Было бы ошибочнымъ однако принимать это содѣйствіе за основную причину: феодализмъ въ сферѣ соціальной и зародился ранѣе, и окончилъ свое существованіе позднѣе, нежели въ сферѣ политической.

Въ эпоху меровингскихъ и каролингскихъ королей (VI—X вв.) процессъ феодализаціи завершился окончательно. Первымъ выдающимся результатомъ было исчезновеніе, уже къ концу IX вѣка, всякой свободной собственности. Сверху шла раздача королями доставшихся имъ, главнымъ образомъ по наслѣдію отъ римскаго фиска, земель, во временное пользованіе за военную, придворную и иную службу (бенефиціи),—раздача, кончившаяся тѣмъ, что бенефиціи, бывшія при Меровингахъ временными, при Каролингахъ превратились въ феоды, передававшіеся по наслѣдству, хотя и налагавшіе попрежнему обязанность военной службы. *По аналогіи* съ этимъ помѣщики раздавали сами участки своей земли частнымъ лицамъ за отбываніе какой-либо повинности или уплату оброка *ценза*, откуда названіе такихъ участковъ цензивами. Обѣ категоріи земель—и феоды, владѣльцами коихъ могли быть только „родовитые люди“ (gentiles homines, gentilshommes), и цензивы, существовавшія для простолюдиновъ,—представляли изъ себя особенный видъ собственности, принадлежавшей разомъ двумъ владѣльцамъ: тому лицу, которое непосредственно пользовалось такимъ имѣніемъ принадлежалъ *dominium utile*; лицо, по отношенію къ которому владѣлецъ феода или цензивы былъ обязанъ извѣстными повинностями, имѣло то, что называлось *dominium directum*. Къ концу XI вѣка уже окончательно установилась общая классификація не-алодіальной собственности на феоды и цензивы, причемъ цензива получила почти всѣ признаки полной собственности въ то самое время, когда цензитарій изъ арендатора, какимъ онъ былъ въ сущности сначала, превратился въ подданнаго своего помѣщика. Цензива существовала во Франціи до революціи 1789 г., и

передъ самымъ концомъ стараго порядка землевладѣльцы отдавали еще землю въ вѣчное владѣніе за уплату ежегоднаго ценза.

Феодальная латифундія имѣла иное устройство, чѣмъ римская: римскому поссессору нужна была самая земля съ правомъ ею пользоваться по своему произволу (jus utendi et abutendi, какъ говорили юристы), феодальному сеньеру нужны были болѣе люди, и потому онъ охотно дѣлился землею, которую притомъ самъ обработать всю былъ не въ состояніи: хозяйство на свой счетъ онъ велъ на небольшомъ сравнительно клочкѣ (съ помощью барщины, т.-е. дарового труда подвластныхъ ему крестьянъ) и довольствуясь цензомъ и повинностями, которыя лежали на остальной землѣ.

Усадьба каждаго болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца дѣлалась центромъ для всего окружающаго населенія: сеньеръ владѣлъ наибольшимъ количествомъ земли, хотя большею частью и не въ видѣ сплошной массы; на этой землѣ жили его крѣпостные, его цензитаріи, ставшіе въ зависимость отъ него люди; однако далеко не на все населеніе и не въ одинаковой мѣрѣ на отдѣльныя личности распространялась его власть. Такому землевладѣльцу естественно было стремиться къ округленію своего имѣнія и къ выработкѣ однородности въ положеніи населяющаго его люда: въ какихъ бы отношеніяхъ ни стояло разнородное населеніе данной территоріи къ государству и общинѣ, для помѣщика оно было однородно и представляло изъ себя нѣчто цѣльное, связанное между собою болѣе или менѣе одинаковыми отношеніями къ общему господину. Въ эпоху установленія феодализма не дѣлали строгаго различія между понятіями и отношеніями политическими и частноправовыми: землевладѣлецъ начиналъ смотрѣть на себя, какъ на законодателя, правителя и судью лицъ, жившихъ въ его помѣстьѣ, на его землѣ и находившихся потому въ нѣкоторой зависимости отъ него, а въ самыхъ этихъ лицахъ начиналъ видѣть приблизительно то же, чѣмъ были его собственные крѣпостные. Съ другой стороны, когда къ нему перешла государственная власть, онъ часто не умѣлъ различить, гдѣ начиналась его власть, какъ государя, и гдѣ кончалась принадлежавшая ему власть землевладѣльца и господина крѣпостныхъ: феодальный сеньеръ былъ не то государь, не то помѣщикъ, не то рабовладѣлецъ. Эти три *элемента власти средневѣковаго феодальнаго сеньера такъ перепутались въ концѣ концовъ между собою, до такой степени сдѣлались невыдѣлимыми изъ общаго комплекса*, нерѣдко весьма мало различаясь одинъ отъ другого, постоянно одинъ съ другимъ смѣшиваясь и одинъ въ другой переходя, что феодальная сеньерія была какъ бы помѣстьемъ, вся земля коего въ извѣст-

ной степени принадлежала сеньеру, а жители были отъ него въ зависимости.

Социальный феодализмъ дѣлилъ все общество на два класса, на классъ господствующій и на классъ подданный: въ то самое время, какъ въ послѣднемъ продолжается вѣчно нарушаемое жизнью стремленіе отдѣльныхъ состояній сравняться между собою, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе принижается передъ первымъ, и общество должно было состоять изъ однихъ господъ и рабовъ, едва зная среднее состояніе: нигдѣ въ Европѣ до такой степени не исчезла изъ общества старая свобода, какъ именно во Франціи. Другими словами, всякій человѣкъ былъ либо благородный, либо неблагородный, а въ послѣднемъ случаѣ онъ не только по достоинству считался ниже благороднаго, но и не былъ вполнѣ свободнымъ, находясь въ извѣстной зависимости отъ перваго.

Населеніе феодальной сеньеріи не было однородною массою: глядя на него издали, трудно было замѣтить въ немъ какія-либо подраздѣленія, такъ что, когда нужно было обозначить всю массу однимъ какимъ-нибудь словомъ, то почти никогда не затруднялись называть ее вообще сервами, какъ бы указывая этимъ на ея однородность: слово „сервъ" имѣло весьма опредѣленное значеніе. Но если мы переберемъ всѣ названія, которыми обозначали отдѣльныя части населенія, то увидимъ, что слово *сервъ* имѣло, особенно съ XIII вѣка, значеніе болѣе спеціальное, и что рядомъ съ сервами существовали еще разные другіе классы. Въ эпоху полнаго господства феодальной тиранніи на самой низкой ступени общественной лѣстницы стояли *сервы*, будучи самою безправною частью населенія, надъ которою господину принадлежала неограниченная власть: онъ могъ дѣлать съ ними все, что́ ему ни вздумалось бы, справедливо или несправедливо, отвѣчая передъ однимъ Богомъ. Это такъ называемые *gens depleine poeste* или *de corps, hons* (hommes) *de corps*, потому что они были въ полной власти господина, потому что ему принадлежало самое ихъ тѣло. Сервъ былъ совершенно безправнымъ человѣкомъ: на судѣ его свидѣтельство допускалось лишь съ большими ограниченіями; вступать въ какія-либо обязательства ему не дозволялось; господинъ могъ налагать на него произвольный оброкъ и произвольную барщину (*taille* и *corvée à merci*); вступать въ бракъ онъ могъ только съ согласія господина; по смерти его имущество доставалось господину (*droit de mainmorte*); если онъ оставлялъ произвольно имѣніе, въ которомъ жилъ, то господинъ могъ его отыскивать (*droit de poursuite*), а проживъ годъ съ днемъ на землѣ другого сеньера, онъ дѣлался сервомъ послѣдняго въ качествѣ иностранца, обэна (*droit d'aubainage*). De facto сервы пользовались земельными

надѣлами, которые переходили отъ отца къ сыну. Въ періодъ между IX и XI вѣками начался переходъ сервовъ этой категоріи въ болѣе смягченное состояніе, извѣстное подъ названіемъ *мэнморта* (мертвая рука, manus mortua, *mainmorte,* откуда *serfs de mainmorte* или *mainmortables*), хотя еще въ XIII вѣкѣ число полныхъ сервовъ было весьма значительно. Это была другая, болѣе мягкая форма серважа, въ которую попали сначала большею частью свободные, но беззeмельные поселяне, колоны, коимъ удалось избѣжать общей участи своихъ собратій, а впослѣдствіи попадали и сервы, получившіе нѣкоторое облегченіе своей участи. Они наравнѣ съ сервами были прикрѣплены къ землѣ: homines manus mortuae sunt servi glebae; вмѣстѣ съ ними они обязаны были платить талію и отбывать натуральныя повинности въ пользу сеньера; за дозволеніе вступать въ бракъ они платили особую пошлину (*droit de formariage*), а въ случаѣ ихъ смерти наслѣдникомъ ихъ дѣлается сеньеръ: ихъ *рука* была *мертва,* чтобы дѣлать загробныя распоряженія съ своимъ имуществомъ. Но они существенно отличались отъ первой категоріи сервовъ тѣмъ, что количество и качество требуемыхъ отъ нихъ повинностей было опредѣлено договоромъ или обычаемъ. Съ XIII в. все чаще и чаще встрѣчается названіе *виллановъ,* въ положеніе которыхъ уже перешли почти всѣ сервы и мэнмортабли въ началѣ новой исторіи, т.-е. въ XVI вѣкѣ. Это были крестьяне лично свободные, находившіеся въ подчиненіи у сеньеровъ, какъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ они держали свои участки,—и какъ отчасти обладателей государственной власти, подъ которою находились,—словомъ, не какъ крѣпостные крестьяне у своихъ помѣщиковъ. De jure сеньеръ имѣлъ надъ этими людьми власть ограниченную: между ними и имъ былъ судья въ лицѣ непосредственнаго сюзерена, вассаломъ котораго былъ сеньеръ, а съ усиленіемъ королевской власти и въ лицѣ короля, какъ всеобщаго сюзерена. Такому подданному принадлежали право полнаго распоряженія своею собственностью и совершенная правоспособность во всѣхъ гражданскихъ актахъ: онъ пользовался, какъ говорили, „римской свободой". Тѣмъ не менѣе надъ нимъ тяготѣли многія тяжелыя стороны феодальнаго права: и онъ подвергался обэнажу, и онъ былъ обязанъ платить сеньеру разныя подати, пошлины, оброки, и онъ подчинялся сеньерьяльной юрисдикціи. Во французскихъ деревняхъ такой классъ сталъ образовываться только впослѣдствіи, и первыми лицами, которыя вошли въ его составъ, были большею частью такъ называемые *hotes* (hospites), переселявшіеся изъ другихъ мѣстъ по приглашенію сеньеровъ для обработки незанятой земли, которая передавалась имъ обыкновенно въ качествѣ цензивъ: эти свободные цензитаріи, сначала весьма рѣдкіе, находились только въ подданствѣ у

сеньеровъ, откуда общее названіе для всѣхъ лицъ подобной категоріи *homines potestatis*, *hons de poste*, *de poté*, *francs hommes de poté*.

Среди разныхъ способовъ сдѣлаться сервомъ одинъ сохранялъ свою силу до самой революціи. Еще въ до-феодальную эпоху цензивныя земли раздѣлялись на разныя категоріи по состоянію лица, ихъ занимавшаго, вслѣдствіе чего назывались *mansi ingenuiles*, *lidiles* и *serviles*, смотря по тому, давался ли мансъ (участокъ земли, надѣлъ) свободному человѣку или зависимому литу, или же наконецъ серву; впослѣдствіи сами участки стали ставить лицо, ихъ занимавшее, въ то или другое положеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи существовали особые участки земли, которые назывались крѣпостными или мэнмортабельными (*héritages serfs* или *mainmortables*, также *mex*, *meix*): прожившіе на нихъ извѣстное количество времени, дѣлались сервами. Это была такъ называемая servitude réelle, когда крестьянинъ былъ сервомъ не лично, а по занимавшемуся имъ земельному надѣлу.

Каково было экономическое положеніе этой массы? Крупнаго хозяйства почти не существовало при феодальной системѣ: во всякомъ случаѣ сеньеръ велъ хозяйство самъ только на незначительной части своего домена, раздавая остальную землю по мелкимъ участкамъ крестьянамъ; сеньерьяльное хозяйство велось барщиннымъ трудомъ крѣпостныхъ, сидѣвшихъ каждый на своемъ надѣлѣ, хотя, кромѣ того, бывали въ видѣ исключенія и безземельные рабочіе, получавшіе отъ землевладѣльца помѣщеніе, одежду и пищу; вся остававшаяся затѣмъ земля находилась въ пользованіи различныхъ классовъ крестьянъ, которые большею частью владѣли ею наслѣдственно, отъ отца къ дѣтямъ, ибо въ то время краткосрочной аренды почти не существовало (фермерство въ хозяйственной исторіи Франціи явленіе позднѣйшее), и всякая съемка земли стремилась превратиться въ наслѣдственную. Благодаря этому обстоятельству, *феодальной эпохѣ былъ неизвѣстенъ сельскій пролетаріатъ*: крестьяне были обезпечены землею на самыхъ разнообразныхъ условіяхъ, начиная отъ отбыванія ими повинностей въ пользу помѣщика по его произволу и кончая уплатой ему денежнаго ценза въ неизмѣнномъ каждый годъ количествѣ,—начиная съ барщины и кончая половничествомъ, состоявшимъ въ томъ, что съемщикъ обязанъ былъ представлять землевладѣльцу половину продукта,—начиная съ довольно прочной связи крестьянина съ его землей, въ видѣ такъ называемаго *dominii utilis*, и кончая отношеніями, которыя зависѣли въ значительной мѣрѣ отъ доброй воли сеньера. Вслѣдствіе того, что крестьяне были большею частью наслѣдственными владѣльцами опредѣленныхъ земельныхъ участковъ, и того, что каждая деревня была окружена пустопорож-

ними землями, служившими выгономъ для скота, между односельчанами должны были поддерживаться старыя или возникать новыя общинныя отношенія, тѣмъ болѣе, что сами сеньеры сдавали земли цѣлымъ общинамъ.

Если среди земледѣльческаго населенія феодальной сеньеріи существовало нѣсколько классовъ, то это раздѣленіе имѣло характеръ болѣе юридическій, нежели экономическій: въ послѣднемъ отношеніи крестьянская масса была болѣе или менѣе однородна, ибо почти всѣ были самостоятельными хозяевами. Экономическое раздѣленіе могло бы имѣть мѣсто, если бы въ величинѣ отдѣльныхъ хозяйствъ существовали крупныя различія, но этого, повидимому, не было, хотя крестьянскіе участки и не были всѣ равны между собою. Тѣмъ не менѣе есть основаніе утверждать, что въ общемъ не было вовсе и крупнаго неравенства: слишкомъ большіе (нельзя однако сказать: и слишкомъ малые) участки представляли изъ себя отдѣльные случаи, исключенія изъ общаго правила. Для серва существовало даже нѣчто въ родѣ нормальнаго надѣла или манса: даже въ позднѣйшую эпоху словомъ *mex*, *meix* — названіемъ мэнмортабельной земли—обозначалось вообще и такое количество почвы, которое было необходимо pour occuper et nourrir un sujet avec son ménage. Нѣтъ основанія предполагать, что и цензивныя хозяйства не были болѣе или менѣе одинаковы: они могли колебаться только въ довольно ограниченныхъ предѣлахъ. При каждой деревнѣ были въ средніе вѣка общинныя земли (*les communaux*), и вездѣ существовали общинные сервитуты, когда, напримѣръ, по уборкѣ хлѣба всѣ жители деревни высылали свой скотъ пастись по разгороженнымъ полямъ отдѣльныхъ хозяевъ (vaine pâture). При этомъ держались принципа: qui n'a labourage, n'a pâturage, т.-е. у кого въ деревнѣ нѣтъ своей пашни, тотъ и скота своего не можетъ пасти на общемъ выгонѣ.

Оброки, повинности и права, которымъ подлежало населеніе феодальной сеньеріи, были крайне разнообразны: потребовался бы цѣлый словарь, чтобы только перечислить всѣ термины феодальнаго права, обозначавшіе какой-либо платежъ, какой-либо видъ барщины, какую-либо привилегію сеньера. Одни изъ нихъ возникли въ эпоху закрѣпощенія, другіе были цѣною освобожденія, начавшагося впослѣдствіи; одни вышли изъ употребленія довольно рано, существованіе другихъ было прекращено только законодательствомъ революціи; одни существовали потому, что сеньеръ былъ представитель государственной власти, другіе — потому, что отъ него зависѣла земля, третьи—потому, что у него были крѣпостные, четвертые—потому, что сеньеръ былъ силенъ и могъ вымучить у крестьянъ все, что́ ему было угодно. Сеньеры взимали въ свою пользу разные налоги, уста-

новленные прежде государствомъ, каковы подушная и поземельная подати, пошлины при продажѣ имѣнія или полученіи наслѣдства, пошлины рыночныя, заставныя, мостовыя и т. п. Эти налоги, при полномъ почти отождествленіи государственнаго и частноправового порядковъ, сеньеръ не хотѣлъ отличать отъ тѣхъ, которые платились ему, какъ феодальному сеньеру его вассалами и какъ землевладѣльцу его крестьянами: тутъ были и военная служба, и *taille aux quatre cas* (выкупъ изъ плѣна, пособіе на паломничество, посвященіе старшаго сына въ рыцари и свадьба старшей дочери), и такъ называемые баналитеты, право охоты, гаренны, и разные виды ценза за землю, и барщина, и формарьяжъ, и mainmorte, и пр. и пр. Вотъ наиболѣе характерныя сеньерьяльныя права.

Весьма часто мы встрѣчаемся и въ феодальную эпоху, и позднѣе вплоть до революціи съ оброкомъ, .называвшимся *цензомъ* (*cens*) и раздѣлявшимся на множество видовъ. Съ нимъ были соединены также *lods et ventes*, т.-е. пошлина, платившаяся сеньеру при переходѣ цензивной земли въ другія руки. Право на цензъ могло принадлежать, по основному принципу феодальнаго права, только владѣльцу феода: когда кто-либо впослѣдствіи отдавалъ свою землю другому на условіяхъ цензивы, не будучи самъ сеньеромъ, то въ такомъ случаѣ получалъ простую ренту, а не цензъ. Мало-по-малу развилось даже особое право, *droit d'enclave*, по которому участки земли, не платившіе прежде ценза, должны были ему подчиниться въ размѣрѣ, который существовалъ на сосѣднихъ земляхъ. Цензъ былъ иногда очень невеликъ, но только въ томъ случаѣ, когда уплачивался деньгами; когда онъ вносился сеньеру натурою, онъ назывался *шампаромъ* (*champart, campi pars*) и состоялъ изъ весьма значительной части продукта. Позднѣе выработалась теорія, что цензъ и шампаръ всегда были результатомъ земельной уступки, и сеньеры, получая его съ однихъ хозяйствъ сеньеріи, старались на основаніи *droit d'enclave* распространить и на другія на томъ основаніи, что прежде вся земля принадлежала имъ и они уступали ее въ цензивное владѣніе на одинаковыхъ условіяхъ. Благодаря этому, во Франціи земля держалась въ крѣпостной зависимости до самой революціи. Въ связи съ этимъ было правило, что нѣтъ земли, надъ которой бы не было сеньера, *nulle terre sans seigneur*. Съ XVI вѣка изреченіе *nulle terre sans seigneur* стало толковаться въ томъ смыслѣ, что сеньеръ есть универсальный собственникъ и можетъ наложить цензъ или шампаръ на тѣ земли, которыя ихъ прежде не платили. Здѣсь лежала возможность увеличить уже прежде существовавшіе платежи и обременить новыми податями земли, уступленныя раньше за болѣе умѣренныя повинности. Благодаря тому же обстоятельству, въ разрядъ поземельныхъ обро-

ковъ были переведены многія чисто личныя повинности. Цензъ, шампаръ, указанное правило, играли самую выдающуюся роль въ феодальномъ правѣ, особенно позднѣйшаго времени. Другія сеньерьяльныя права, наоборотъ, первенствовали въ болѣе раннюю эпоху, когда населеніе было въ крѣпостномъ состояніи; позднѣе они составляли уже исключенія. Таковы преимущественно личныя повинности крѣпостного и подданнаго: произвольныя и абонированныя въ извѣстномъ размѣрѣ талія и барщина (*taille, corvée à merci, à volonté* или *abonnée*), подымный налогъ (*fouage*), особая подать за покровительство (*avouerie, sauvegarde* и т. д.), налогъ на скотъ (*cornage, charnage*) и т. п. Или вотъ особый видъ барщины, дотянувшійся до конца феодальнаго режима: крестьяне нерѣдко должны были почью бить палками по прудамъ, чтобы кваканье лягушекъ не безпокоило сеньера.

Баналитетомъ (*banalité, bannum*) называлось особое право сеньера, по которому крестьяне обязаны были молоть и печь свой хлѣбъ въ господской мельницѣ и печи, отвозить свой виноградъ на господское точило и, конечно, не даромъ. Въ силу того же права сеньеръ опредѣлялъ время покоса, жатвы, сбора винограда; ему же принадлежало исключительное право (*banvin*) первому продавать свой виноградъ, а иногда только ему могъ крестьянинъ продать свой. Въ связи съ ними стояло право исключительной рыбной ловли и охоты. Послѣднее право было весьма тяжело: крестьянинъ не могъ истреблять дичи, портившей его посѣвы, не могъ начинать покоса, пока извѣстнаго рода птицы не выведутъ своихъ птенцовъ, долженъ былъ помогать въ сеньерьяльной охотѣ, которая нерѣдко производила опустошеніе въ его полѣ, и ради той же охоты очень часто лишался пользованія лѣсомъ, когда сеньеръ превращалъ его въ заповѣдную гаренну (*garenne*) для разведенія кроликовъ, отъ коихъ тоже не мало страдала крестьянская нива. Не давали ей пощады и голуби, правомъ содержать которыхъ пользовались сеньеры (*droit de colombier*): нерѣдко въ своихъ голубятняхъ они держали массы этихъ птицъ, превосходящія всякія вѣроятія.

Послѣднія привилегіи сеньеровъ связаны были обыкновенно съ ихъ судебнымъ правомъ (*droit de justice*), которымъ они пользовались, какъ господа — по отношенію къ сервамъ, какъ феодальные сеньеры—по отношенію къ вассаламъ и какъ государи—по отношенію къ подданнымъ. Юрисдикція сеньеровъ распространялась такимъ образомъ на все населеніе сеньеріи, на всякаго, кто „встаетъ и ложится спать“ въ извѣстной территоріи.

XIV. Эпоха освобожденія французскихъ крестьянъ.

Эпоха постепеннаго освобожденія деревень.—Вліяніе разныхъ факторовъ на крестьянскія движенія.—Условія освобожденія крестьянъ.—Ордоннансъ Людовика X (1315 г.).—Сущность освобожденій XIII и слѣд. [вѣковъ.—Обезземеленіе крестьянъ и наемный трудъ.—Неблагопріятныя условія освобожденій.—Жакерія.—Казенные налоги.—Бѣдствія XIV и XV вв.—Редактированіе кутюмъ.—Отношеніе генеральныхъ штатовъ къ крестьянству.—Соціальный бытъ по кутюмамъ новаго времени.

Когда въ 1789 г. приступили къ отмѣнѣ феодальнаго режима то сдѣлали различіе между временемъ *de la féodalité dominante*, когда чуть не всякій недворянинъ и недуховный былъ сервомъ, и временемъ *de la féodalité contractante*, когда сеньеры начали заключать договоры уже съ освобожденными сервами. Границей между этими двумя періодами можетъ быть признанъ XIII вѣкъ. *Съ этой эпохи въ жизни крестьянъ стали играть роль новые факторы: возвышеніе королевской власти и освобожденіе городовъ.* Въ XII в. Капетинги начинаютъ уже переходить въ наступательное положеніе, объявивъ войну феодальному своеволію во имя правъ своей короны. При первомъ изъ королей, которые выступили на новый путь, Людовикѣ VI (XII в.), начинается союзъ правительства съ народной массой: Людовикъ во время борьбы съ непокорными вассалами обратился къ крестьянамъ, и они составили первую независимую отъ феодальныхъ отношеній милицію, которая подъ предводительствомъ священниковъ и подъ знаменемъ короля стала ходить сражаться съ ослушниками власти. Помимо того, въ борьбѣ послѣдней съ феодальными сеньерами масса вообще становилась на сторону короны, несмотря на то, что часто приходилось ей разочаровываться въ своихъ упованіяхъ: короли были покровители далеко неискренніе. То немногое, что успѣла сдѣлать въ эту эпоху королевская власть для прекращенія анархіи, казалось современникамъ все же весьма значительнымъ, и лѣтописцы XII в. даже прославляли успѣхи земледѣлія и промышленности въ царствованіе Людовика VII.

Не одна королевская власть прибѣгала къ помощи крестьянъ, какъ это случилось при Людовикѣ VI: дѣлать это начало и духовенство. Въ первой половинѣ XI вѣка устраиваются союзы мѣстнаго населенія съ цѣлью защиты извѣстнаго Божьяго мира (treuga Dei): сами феодальные бароны нанимались иногда къ этимъ союзамъ на службу, и часто священники, стоя во главѣ такихъ ассоціацій, вооруженною рукою заставляли феодаловъ подчиняться рѣшеніямъ собо-

ровъ. Въ 1179 г. папа Александръ III утвердилъ Божій миръ, какъ общій законъ церкви, но въ это время духовенство начало уже опасаться прибѣгать къ ассоціаціямъ мира, видя возможность перехода ихъ легальныхъ дѣйствій въ открытыя возстанія, которыя легко могли направиться противъ самого же духовенства.

Обращеніе къ крестьянамъ, сдѣланное королевскою властью и церковью, не могло не оживить деревенскаго люда, не могло не привести его въ движеніе. Не забудемъ, что съ этимъ временемъ совпадаетъ эпоха крестовыхъ походовъ (1096—1270). Въ св. землю двинулась масса сервовъ, которымъ за богоугодный подвигъ обѣщано было царство небесное за гробомъ, а здѣсь освобожденіе изъ крѣпостного состоянія; на войнѣ они подвергались общей опасности съ сеньерами, и хотя въ походѣ происходили между господами и крестьянами разные раздоры, все-таки господа начинали смотрѣть на нихъ, какъ на людей; сеньерамъ, далѣе, нужны были деньги, и они охотно продавали крестьянамъ разныя привилегіи, а безопасность оставляемыхъ дома женъ и дѣтей, кромѣ весьма понятнаго у многихъ религіознаго одушевленія, заставляла сеньеровъ и безъ того нѣсколько смягчать участь сервовъ. Такимъ образомъ и крестовые походы подняли нѣсколько крестьянина въ его собственныхъ глазахъ и внесли нѣкоторую жизнь и нѣкоторое движеніе въ мертвыя и угнетенныя дотолѣ деревни. Подняли его и легисты. Большою ихъ заботой было уничтожить самостоятельность сеньерьяльнаго суда подчиненіемъ всѣхъ суду королевскому. Власть феодальныхъ бароновъ въ глазахъ легистовъ была узурпаціей королевской, и,—что для насъ особенно важно,—въ римскомъ правѣ они искали идеи свободы, а не порабощенія, какъ позднѣе дѣлали это нѣмецкіе юристы въ эпоху рецепціи римскаго права. У легистовъ XIII вѣка не было теоретической санкціи рабства: въ немъ видѣли они результатъ насилія, въ лучшемъ случаѣ частной сдѣлки, и потому въ спорныхъ случаяхъ легисты почти всегда подыскивали юридическія основанія въ пользу свободы человѣка. Идеи легистовъ не пропадали даромъ: „сервы, говорилъ Людовикъ Св., принадлежатъ столько же Іисусу Христу, сколько намъ, и въ христіанскомъ королевствѣ мы не должны забывать, что они намъ братья“, — и король отпускалъ многихъ на волю. Далѣе, цѣлыя выраженія, заимствованныя у легистовъ, встрѣчаемъ мы въ отпускныхъ грамотахъ XIII и XIV вѣковъ.

Къ XIII вѣку вмѣстѣ съ королевской властью выросла еще одна сила, оказавшая вліяніе на крестьянскій бытъ, именно города. Въ XI вѣкѣ жители многихъ городовъ берутся за оружіе, чтобы завоевать себѣ свободу, чисто матеріальную свободу уходить и приходить, продавать и покупать, быть у себя дома хозяиномъ и оста-

влять наслѣдство дѣтямъ,—и ведутъ они эту борьбу противъ бароновъ и духовныхъ господъ, во власти которыхъ была большая часть городовъ и бурговъ. Часто дѣло шло только о самыхъ элементарныхъ принципахъ, подобныхъ слѣдующимъ: каждая услуга требуетъ платы; никто ни у кого не имѣетъ права брать предметовъ потребленія безъ соотвѣтственнаго вознагражденія и безъ согласія, какъ продавца, такъ и покупателя. Многія общины съ гражданскими правами получили и политическія, организовавшись совершенно по-республикански, но особенно интересною для насъ должна быть грамота, данная Людовикомъ Толстымъ королевскому бургу *Lorris en Gâtinais*. Политическихъ правъ, которыя превратили бы этотъ городокъ въ республику, какъ это случалось съ другими городами, грамота ему не давала; она имѣла характеръ исключительно гражданскій и вслѣдствіе этого стала мало-по-малу распространяться и на другіе города, такъ что ею начало опредѣляться положеніе горожанъ въ цѣлыхъ провинціяхъ: въ XIII в. ея кутюма распространялась почти на 300 городовъ. Эта хартія обезпечивала именно за буржуа спокойное пользованіе своимъ имуществомъ, жилищемъ, личною свободою, а также и лучшею администраціей. Всякій слѣдъ *main morte* и *droit de poursuite* исчезъ. Натуральныя повинности ограничены двумя въ годъ поѣздками въ Орлеанъ для продажи королевскаго вина и привозкою дровъ на королевскую кухню. Банальныя права сведены на запрещеніе продавать вино, пока король не продастъ своего. *Droit de guet* (обязанность охранять сеньерьяльный замокъ) уничтоженъ, а въ случаѣ войны буржуа *Lorris* тогда лишь обязанъ былъ итти въ походъ, если экспедиція отдаляла его не болѣе, какъ на одинъ день пути отъ дома. Всѣ чрезвычайные поборы были отмѣнены, и горожанинъ платилъ лишь шесть денье въ годъ съ дома или арпана земли и мѣру ржи во время жатвы съ каждой сохи въ пользу сержантовъ. Нѣкоторые штрафы были уменьшены въ 12 разъ.—Вообще это была эпоха полной отмѣны серважа въ городахъ (напримѣръ, въ Ланѣ въ 1128 году, въ Орлеанѣ въ 1147 г., въ Tournus въ 1171 г.). Словомъ, результатомъ освобожденія городскихъ общинъ (обходя возникновеніе коммунъ съ политическими правами) было уничтоженіе серважа и сеньерьяльнаго произвола въ городахъ. Среди феодальнаго міра здѣсь впервые возникла гражданская свобода новаго общества, и уже въ XII вѣкѣ исчезли такія феодальныя права, отмѣна коихъ для деревень произошла только въ 1789—93 годахъ. Къ сожалѣнію, къ нѣкоторымъ городамъ, добившимся политическихъ правъ, перешли многія сеньерьяльныя права надъ окрестнымъ деревенскимъ населеніемъ, которое теперь такимъ образомъ могло очутиться подчасъ въ подданствѣ и у коммунъ. Наконецъ, по мѣрѣ

того, какъ богатѣла городская буржуазія, она начинала мало-по-малу переносить дѣятельность свою и въ деревни, гдѣ нерѣдко покупала цѣлые подфеоды (*retrofeoda*, *arrière-fiefs*, т.-е. такіе, которые вассалами отдавались подвассаламъ) или брать на откупъ феодальныя права какой-либо сеньеріи. Мало того: горажане, бывшіе только вчера чуть не сервами, освободившись отъ произвольной власти сеньеровъ и даже достигши независимости, совершенно почти отвернулись отъ деревень. Воюя съ феодалами, города нерѣдко опустошали деревни своихъ непріятелей, вовсе и не думая о союзѣ съ ихъ крестьянами. Равнымъ образомъ и сеньеры старались разъединять горожанъ и поселянъ, внося въ грамоты, которыми утверждалось освобожденіе первыхъ, особые параграфы въ родѣ того, что коммуна не должна вмѣшиваться въ дѣла сеньеровъ, не должна включать въ себя внѣшнія селенія (villas extrinsecas), не должна принимать къ себѣ сервовъ дворянства и духовенства безъ согласія ихъ господъ; нѣкоторые города, особенно на югѣ, пользовались, впрочемъ, правомъ, по которому бѣглые крѣпостные, проживши въ нихъ годъ съ днемъ, получали свободу, тогда какъ въ другихъ (напримѣръ, въ Ланѣ) могли еще существовать сервы, хотя и въ видѣ исключенія. Этотъ отказъ коммунамъ въ правѣ принимать къ себѣ сервовъ шелъ не всегда со стороны сеньеровъ,—часто грамоту утверждалъ король, который нуждался въ сеньерахъ, такъ какъ они составляли его главную военную силу, и потому включалъ такое запрещеніе въ грамоту, но иногда и сами горожане стояли за это условіе, не желая имѣть ничего общаго съ деревенщиной. Въ началѣ XIV вѣка является, наконецъ, новый пунктъ различія между городами и деревнями. Третье сословіе въ генеральныхъ штатахъ около двухсотъ лѣтъ состояло изъ однихъ горожанъ, ибо только около 1500 г. получили сюда доступъ и выборные отъ деревень, да и то въ весьма ограниченномъ количествѣ. Понятно, что города воспользовались этимъ правомъ для заявленія правительству о своихъ нуждахъ и для полученія разныхъ привилегій: нужды крестьянъ буквально забывались на генеральныхъ штатахъ, которые, кромѣ того, всегда имѣли тенденцію сваливать всю массу налоговъ на деревенскій людъ. То же можно сказать и о собраніяхъ чиновъ, существовавшихъ въ отдѣльныхъ провинціяхъ, о такъ называемыхъ провинціальныхъ штатахъ, въ которыхъ даже въ XVIII вѣкѣ не было представителей сельскаго населенія.

Вторая половина среднихъ вѣковъ характеризуется въ исторіи французскихъ крестьянъ процессомъ постепеннаго ихъ освобожденія; но процессъ этотъ не заканчивается еще съ исходомъ среднихъ вѣковъ, и тѣ отношенія, которыя установились къ XVI столѣтію, въ существенныхъ чертахъ доживаютъ до самаго 1789 года.

Уже въ XI вѣкѣ въ деревняхъ начинаетъ обнаруживаться нѣкоторое движеніе, явно стремившееся къ ослабленію феодальнаго гнета: за норманскимъ возстаніемъ 997 года слѣдовали возмущенія въ Бретани (1024 г.) и Бургундіи (1032); въ томъ же XI вѣкѣ совершается установленіе Божьяго мира, для защиты котораго возникаютъ особые союзы; въ концѣ столѣтія начинаются крестовые походы, въ коихъ, кромѣ рыцарей, принимаютъ участіе и вилланы и во время которыхъ сеньеры должны были отчасти измѣнить свои отношенія къ сервамъ. Слѣдующій, XII, вѣкъ ознаменованъ возвышеніемъ королевской власти и освобожденіемъ городовъ, подъ знаменами короля противъ феодаловъ ходятъ иногда крестьяне, а за городами, добивавшимися лучшей доли, должны были потянуться и деревни. Въ XIII, наконецъ, вѣкѣ заговорили легисты о прирожденной человѣку свободѣ, и все чаще сдѣлались отпущенія сервовъ на волю.

Вліяніе коммунальной революціи на деревни несомнѣнно. Указывая на это, мы должны отмѣтить здѣсь одинъ изъ крупныхъ фактовъ французской исторіи. Городское движеніе не было безплоднымъ для деревень; результаты его однако далеко отстали отъ результатовъ революціи коммунъ: въ то время, какъ эти послѣднія не только освобождались отъ крѣпостной зависимости, но и пріобрѣтали часто политическія права на своихъ территоріяхъ, *деревни лишь слегка стряхнули съ себя феодальный гнетъ*. Далеко не всѣ деревни получили льготныя грамоты, и далеко не во всѣхъ такихъ грамотахъ мы находимъ статьи, отмѣняющія крѣпостное состояніе, такъ что серважъ внѣ городовъ нѣсколькими столѣтіями долженъ былъ пережить полное исчезновеніе свое внутри городовъ. Равнымъ образомъ сельское землевладѣніе до самой революціи продолжало находиться въ феодальной зависимости, тогда какъ города мало-по-малу и въ этомъ отношеніи сумѣли освободить себя отъ сеньерьяльной власти.

Наверху общества также произошла маленькая перемѣна во взглядахъ на серважъ. Легисты были самыми выдающимися представителями освободительной тенденціи, но и нелегисти говорили уже въ томъ же духѣ. „По естественному праву, пишетъ въ XIII вѣкѣ Бомануаръ, во Франціи всякій свободенъ—selon le droit naturel chascun est *franc* en *France*“. Въ 1311 году Филиппъ Красивый, освобождая за деньги сервовъ Валуа, писалъ какъ бы подъ диктовку легистовъ, что „всякое человѣческое существо, созданное по образу нашего Господа, должно быть свободно по естественному праву“. Но сеньеры пришли, помимо этого, и къ тому заключенію, что освобожденіе сервовъ представляетъ нѣкоторыя выгоды. Напримѣръ, арх. безансонскій въ одной грамотѣ 1347 года мотивировалъ отпущеніе

своихъ сервовъ на волю тѣмъ, что „мэнмортабли работаютъ нерадиво, говоря, что они работаютъ для другого,—будь они увѣрены, что они кое-что оставятъ своимъ роднымъ, они трудились бы и пріобрѣтали бы съ большею охотою“. Подобныя разсужденія мы встрѣчаемъ и въ другихъ грамотахъ. Не нужно забывать и того, что *отпущеніе на волю производилось за выкупъ или съ превращеніемъ уничтожаемыхъ правъ господина надъ сервомъ въ новые оброки.* Сеньеры и не думаютъ ничего скрывать: они очень даже наивно признаются въ своихъ побужденіяхъ: я взялъ, гласитъ грамота одного сеньера, за это отпущеніе и за эту свободу столько-то денегъ, *которыя и обратилъ въ свою* пользу (et pro hac manumissione et tranchesia habui et recepi octodecim libras viennensium bonorum, quas in utilitatem meam et commodum meum posui); мы дали эту свободу, говорится въ другой грамотѣ, *ради нашей выгоды* (pro nostre proffit). Такъ какъ, кромѣ того, сеньерамъ бросается въ глаза (особенно въ XIV и XV вв.), что самыми бѣдными и малонаселенными мѣстностями являются тѣ, которыя подчинены *мэнморту*, то они начинаютъ замѣнять послѣдній *виленажемъ.* Далѣе, со времени освобожденія коммунъ, когда броженіе проникло и въ деревни, крестьяне массами стали уходить въ города, и вотъ, чтобы удержать ихъ на старыхъ мѣстахъ и привлекать къ себѣ новыхъ переселенцевъ, короли и сеньеры стали основывать новыя поселенія съ разными льготами для ихъ будущихъ жителей и облегчать положеніе старыхъ деревень. Все вмѣстѣ взятое,—крестовые походы и освобожденіе коммунъ, возвышеніе королевской власти и броженіе въ деревняхъ, отвлеченная теорія легистовъ и хозяйственныя соображенія сеньеровъ,—все это одинаково способствовало тому, что сеньеры стали отпускать своихъ сервовъ на волю цѣлыми деревнями и заключать съ ними новые договоры. Королевская власть шла въ этомъ отношеніи впереди духовныхъ и свѣтскихъ владѣльцевъ: значеніе ея все болѣе и болѣе начинало покоиться на иныхъ основахъ, нежели феодальное землевладѣніе съ крѣпостнымъ населеніемъ; короли мало-по-малу либо обогащаются настолько, либо настолько находятъ новыхъ источниковъ доходовъ, что не нуждаются болѣе въ строгомъ примѣненіи правъ своихъ надъ сервами; наконецъ, политикой королей все-таки руководила извѣстная тенденція, въ образованіи которой участвовали, какъ мы видѣли, и легисты. Королевская власть начинаетъ очень рано отмѣнять серважъ въ отдѣльныхъ своихъ владѣніяхъ, а въ 1315 г. Людовикъ X издалъ знаменитый ордоннансъ, въ которомъ, между прочимъ, сказано было слѣдующее: „Такъ какъ *по естественному праву каждый долженъ родиться свободнымъ* (selon le droit de nature chascun doit nestre franc), а по нѣкоторымъ обычаямъ и кутюмамъ, которые съ самыхъ древ-

нихъ временъ были введены и доселѣ сохранялись въ нашемъ королевствѣ, и случайно за проступки предковъ великое множество нашего простого народа впало въ рабство и разныя несвободныя состоянія, что намъ весьма не нравится,—мы, принимая во вниманіе, что наше королевство названо королевствомъ франковъ, и желая, чтобы *вещь дѣйствительно соотвѣтствовала названію* и чтобы *положеніе народа было исправлено нами съ началомъ нашего новаго царствованія* (et que la condition des gens amende de nous en la venue de nostre nouvel gouvernement), по совѣщаніи съ нашимъ великимъ совѣтомъ, повелѣли и повелѣваемъ, чтобы по всему нашему королевству и повсюду, гдѣ можетъ распространиться власть наша и нашихъ преемниковъ, *такія рабскія состоянія были замѣнены свободой* (telles servitudes soient ramenées à franchise), и чтобы тѣмъ, которые по происхожденію или по давности, либо вновь по формарьяжу или пребыванію на рабской землѣ впали или могли бы впасть въ состояніе сервовъ *была дана свобода на хорошихъ и приличныхъ условіяхъ* (franchise soit donnée ô bonnes et louables conditions). Ради этого и въ частности ради того, чтобы не обижали нашего простого народа и не приносили ему убытка сборщики, сержанты и другіе служащіе, которые прежде посылались къ нему въ случаяхъ *мэнморта* или *формарьяжа*, какъ это было доселѣ, что намъ весьма не нравится,—а также ради того, чтобы другіе сеньеры, владѣющіе сервами (hommes de corps) взяли примѣръ съ насъ въ возвращеніи имъ свободы, мы, надѣясь вполнѣ на ваше доброе расположеніе, вамъ поручаемъ и приказываемъ этой грамотой отправиться въ *la baillie de Senlis* и ея вѣдомство и во всѣ мѣста, города, общины и къ отдѣльнымъ лицамъ, которыя будутъ требовать у васъ вышесказанной свободы, условливайтесь и договаривайтесь съ ними *относительно выкуповъ, посредствомъ которыхъ мы были бы достаточно вознаграждены* (suffisante récompensantion nous soit faicte) *за тѣ выгоды, которыя эти рабскія состоянія могли бы доставить намъ и преемникамъ нашимъ*, и давайте имъ, насколько касается насъ и преемниковъ нашихъ, общую и постоянную свободу и по вышеуказанному правилу и какъ подробнѣе мы вамъ говорили, объяснили и поручали словесно". Разсматривая этотъ документъ, мы прежде всего видимъ, что *король только приглашаетъ другихъ сеньеровъ, владѣющихъ сервами, послѣдовать его примѣру*, ибо въ началѣ XIV вѣка королевская власть еще не имѣла права издавать законовъ во владѣніяхъ своихъ вассаловъ безъ ихъ согласія; но любопытно, что даже черезъ 464 года Людовикъ XVI, освобождая сервовъ въ своихъ доменахъ, писалъ такъ въ эдиктѣ своемъ отъ 8 августа 1779 г.: „такъ какъ мы будемъ во всѣ времена питать уваженіе къ законамъ собственности,.... то мы можемъ осуще-

ствить только часть блага, которое имѣемъ въ виду, уничтожая рабское право лишь въ нашихъ доменахъ"; всѣ другіе сеньеры только приглашались послѣдовать примѣру, поданному королемъ, который, „чтобы поощрить ихъ, *насколько это отъ него зависѣло*, въ слѣдованіи этому примѣру, съ своей стороны, изъялъ отпущенія на волю отъ взноса разныхъ пошлинъ". Затѣмъ условія, на которыхъ Людовикъ X соглашался дать свободу своимъ сервамъ, только для него самого были „*bonnes et louables*". Прежде всего предлагавшееся имъ освобожденіе сервовъ было скорѣе лишь смягченіемъ ихъ положенія, и самъ Людовикъ X, чувствуя, что немногіе польстятся на *такую* свободу, писалъ потомъ коммиссарамъ, которымъ было поручено это дѣло: „такъ какъ можетъ случиться, что нѣкоторые вслѣдствіе дурного совѣта или недостатка благоразумія не увидятъ въ этомъ великаго благодѣянія и великой милости, такъ что скорѣе захотятъ оставаться въ бѣдности рабскаго состоянія, чѣмъ освободиться,—то мы приказываемъ и поручаемъ вамъ, разсмотрѣвши имущество такихъ лицъ и условія рабства каждаго, взять для покрытія расходовъ нашей настоящей войны (съ Фландріей) съ каждаго столько, сколько можно безъ обиды взять и сколько потребно для нуждъ нашей войны". Такихъ *нѣкоторыхъ*, слушавшихъ дурные совѣты и не имѣвшихъ никакого благоразумія, было весьма много: они предпочитали оставаться *taillables et corvéables á merci* и не платить денегъ, которыхъ у нихъ и не было, для того лишь, чтобы все-таки отбывать потомъ разныя повинности, быть можетъ, въ размѣрѣ, превышавшемъ даже прежніе произвольные оброкъ и барщину. Такимъ образомъ, въ основѣ ордоннанса 1315 г. лежатъ финансовыя соображенія: это было тоже своего рода наложеніе таліи на сельское населеніе, напоминающей таліи 1296, 1303, 1319 и 1322 гг., и уже успѣвшей сдѣлать для крестьянъ тяжелымъ содѣйствіе политическимъ предпріятіямъ королевской власти. Тѣмъ не менѣе ордоннансъ этотъ —одинъ изъ симптомовъ той перемѣны, которая совершилась уже въ деревняхъ. Конечно, повторяемъ, перемѣна эта не была такъ значительна, какъ перемѣна въ судьбѣ городовъ въ эпоху ихъ освобожденія. Какъ бы ни размножались въ продолженіе XIII и XIV вв. деревенскія общины, это не приносило земледѣльческимъ классамъ того единства гражданскаго состоянія, которое существовало для буржуазіи съ одного конца королевства до другого.

Сущность освобожденій въ XIII и слѣдующихъ вѣкахъ заключалась именно въ превращеніи сервовъ въ вилланов, крѣпостныхъ— въ зависимыхъ крестьянъ, причемъ процессъ совершался такъ медленно, что еще въ XVIII вѣкѣ онъ былъ оконченъ только благодаря революціи. Другая особенность этихъ освобожденій, отличающая ихъ

отъ тѣхъ, которыя случались въ предыдущихъ вѣкахъ, та, что это уже не были единичныя *manumissiones*, послѣ коихъ вольноотпущенные обыкновенно снова впадали въ рабство, а было нѣчто иное. Въ эпоху полнаго господства феодализма крѣпостные одного сеньера соединялись въ деревеньки, въ которыхъ около XII вѣка являются старосты (меры) изъ крѣпостныхъ же; обязанность ихъ состояла въ соблюденіи господскихъ интересовъ. Такія-то деревни, сдѣлавшіяся впослѣдствіи административными единицами, и стали пріобрѣтать себѣ льготныя грамоты—отъ сеньеровъ, которымъ просто нужно было продавать подобныя льготы: сервы бѣжали съ своихъ земель, остававшихся необработанными, а сеньеры такъ нуждались въ деньгахъ.

Но при этомъ обыкновенно они *старались удержать въ своихъ рукахъ какъ можно болѣе власти и перенести на землю всѣ тягости, которыя лежали прежде на личности серва*. Они были весьма мало склонны къ тому, чтобы ихъ прежніе сервы составляли независимыя отъ административной опеки помѣщика селенія или заключали союзы съ какими-нибудь коммунами; поэтому въ условіяхъ освобожденія сервовъ мы встрѣчаемъ такія статьи, по которымъ освобожденные non poterunt facere communias in jam dictis villis sive communiam in aliqua dictarum... nec esse de communia quamdiu in dicta villa vel in villis manebunt. Право суда обыкновенно оставалось за сеньеромъ же, а не передавалось общинѣ, какъ это дѣлали хартіи, установлявшія коммуны въ городахъ. Повинности и оброки, правда, были теперь опредѣлены въ особыхъ грамотахъ и кутюмахъ, но, большею частью, односторонне самимъ сеньеромъ, дѣлавшимъ ту или другую уступку своимъ крестьянамъ, а не по взаимному соглашенію сторонъ. Далѣе, сеньеры удерживали право на рабскую землю за собою и отдавали ее освобожденнымъ на волю уже въ видѣ цензивы, шампартнаго участка, половнической аренды и т. п. Мало того, въ *условіяхъ освобожденія крестьянской массы лежала возможность ея обезземеленія*, и дѣйствительно, съ этой эпохи все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться извѣстія о людяхъ, живущихъ поденной работой. Кромѣ доходовъ, которые уже приносили сеньеру крестьянскія земли (разнаго рода цензъ, шампаръ, таліи и т. д.), многія новыя повинности легли теперь на самыя крестьянскія семейства или на цѣлыя общины, какъ вѣчная плата за освобожденіе отъ мэнморта, формарьяжа, произвольной таліи и барщины, ибо сервы не могли же выкупаться единовременнымъ взносомъ большой суммы денегъ: послѣднее въ сколько-нибудь обширныхъ размѣрахъ случалось только въ королевскихъ доменахъ. Эти выкупные оброки и повинности были крайне разнообразны, состоя то изъ денегъ, то изъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ, то изъ разнаго рода работы, распредѣляясь либо поголовно, либо по ко-

личеству занимаемой каждымъ земли, либо, напримѣръ, падая на скотъ, на дома (подымная подать) и т. д., то, наконецъ, существуя, какъ самостоятельный оброкъ, то сливаясь съ поземельными платежами. Освобожденія не снимали, далѣе, съ крестьянъ тѣхъ ограниченій въ пользованіи гражданскими правами, которыя феодальныя кутюмы въ силу болѣе или менѣе опредѣленныхъ принциповъ дѣлали почти всегда для лицъ неблагороднаго происхожденія. Равнымъ образомъ сеньеры сохранили исключительное право охоты и рыбной ловли, а баналитеты иногда заводились вновь, въ видѣ вознагражденія за уничтоженіе мэнморта и другихъ подобныхъ правъ.

Къ концу XIV вѣка около двухъ третей сервовъ превратились въ вилланов. *Перемѣна эта не была однообразна во всемъ государствѣ.* Во-первыхъ, экономическія отношенія въ разныхъ мѣстностяхъ были различны, вслѣдствіе чего потребность въ измѣненіи феодальнаго status quo не чувствовалась каждымъ заинтересованнымъ въ одно и то же время, въ одной и той же степени, однимъ и тѣмъ же образомъ. Во-вторыхъ, сама перемѣна была результатомъ не общей государственной мѣры, а частныхъ сдѣлокъ до того разнообразныхъ, что не только деревни одной и той же сеньеріи не пользовались одинаковыми правами, но даже въ одномъ и томъ же селеніи существовало иногда крайнее разнообразіе положеній: вѣдь и городамъ давались привилегіи каждому по одиночкѣ, а не одинаковыя какому-либо классу городовъ или городамъ какой-либо области. Это—характерная черта средневѣковья, которую мы встрѣчаемъ во всѣхъ европейскихъ странахъ. Одно только обстоятельство необходимо отмѣтить при этомъ: въ феодальную эпоху раздѣленія, существовавшія среди земледѣльческаго сословія, были характера, главнымъ образомъ, юридическаго, тогда какъ въ XIV вѣкѣ появляются первые признаки экономическаго раздѣленія. *Наемный трудъ начинаетъ играть нѣкоторую роль, и въ серединѣ вѣка происходитъ даже попытка регулировать рабочую плату.* Съ Филиппа IV въ продолженіе всей столѣтней войны безпрестанно мѣнялся вѣсъ монеты, что дѣлало заработокъ наемнаго человѣка весьма ненадежнымъ, и рабочіе часто набивали себѣ цѣну; тотъ же результатъ должна была имѣть и черная смерть, свирѣпствовавшая въ Европѣ въ 1347 году. Въ то же самое время, когда въ Англіи Эдуардъ III подъ вліяніемъ подобныхъ же обстоятельствъ издаетъ свой *ordinance of labourers*, во Франціи сходный съ нимъ ордоннансъ издается королемъ Іоанномъ: въ немъ опредѣлялась именно та плата, которую каждый земледѣльческій рабочій могъ требовать за свой дневной трудъ. Тотъ же король первый долженъ былъ предпринять и мѣры противъ бродяжничества и нищенства, этихъ постоянныхъ спутниковъ экспропріаціи.

Говоря объ освобожденіи сервовъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, необходимо указать на тѣ внѣшнія неблагопріятныя для него условія, при которыхъ ему приходилось совершаться. Прежде всего въ самомъ феодальномъ правѣ было одно постановленіе, крайне затруднявшее разсматриваемый процессъ. „Никакой вавассоръ или дворянинъ, говорятъ памятники, не можетъ освободить своего серва (hons de cors) безъ согласія барона или главнаго сеньера". Вслѣдствіе этого, если вассалъ освобождалъ своего крѣпостного, то высшій феодальный сеньеръ сохранялъ свое право на него и могъ взять его себѣ, какъ бы оставленнаго вассаломъ, не говоря уже о томъ, что послѣднему, если сюзеренъ хотѣлъ ужъ совсѣмъ придираться, за уменьшеніе феода могла грозить конфискація. Примѣненіе этого принципа во всей строгости весьма затрудняло освобожденія, такъ что въ лучшемъ только случаѣ освобождавшійся платилъ одному своему непосредственному сеньеру. Другія неблагопріятныя обстоятельства заключала въ себѣ вся исторія XIV вѣка. На крестьянъ накладывается гнетъ королевскихъ податей; новая династія, вступившая на престолъ Франціи въ 1328 г., Валуа, становится во главѣ феодальнаго движенія противъ легистовъ, дѣйствовавшихъ при сыновьяхъ Филиппа Красиваго; скоро начинается несчастная столѣтняя война съ англичанами, разоряющая крестьянъ увеличеніемъ налоговъ и выкупами, которые они должны были дѣлать для сеньеровъ, попавшихъ въ плѣнъ, не упоминая ужъ о непосредственномъ вредѣ отъ войны для тѣхъ мѣстностей, которыя были ея театромъ; въ половинѣ вѣка страшныхъ бѣдъ надѣлала, наконецъ, черная смерть, о которой мы будемъ еще говорить по поводу тѣхъ послѣдствій, какія она имѣла для Англіи. Недовольство крестьянъ, давно уже проявлявшееся въ мелкихъ вспышкахъ и въ религіозныхъ броженіяхъ, разразилось тогда цѣлымъ возстаніемъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *жакеріи* (la Jaquerie), и было затоплено только въ крови бунтовщиковъ.

Жакерія представляетъ изъ себя одинъ изъ самыхъ интересныхъ эпизодовъ исторіи XIV в. Броженіе, возникшее въ половинѣ этого столѣтія въ буржуазіи, во главѣ коей сталъ извѣстный Стефанъ Марсель, проникло и въ деревни, нашедшія въ Марселѣ человѣка, который относился къ нимъ весьма сочувственно. Крестьяне отчасти примкнули даже къ этому политическому движенію, хорошенько не понимая его программы. Послѣ пораженія, нанесеннаго французскому дворянству англичанами при Пуатье, страсти разгорѣлись еще болѣе, а дворяне стали увеличивать поборы съ крестьянъ. По одному извѣстію, ближайшимъ поводомъ возстанія былъ § 5 компьенскаго ордонаннса, въ коемъ повелѣвалось *à seux à qui il appartien droit*, т.-е. крестьянамъ поправлять замки въ виду опасности отъ непрія-

теля. Приходилось, кромѣ того, уплачивать выкупы за плѣнныхъ сеньеровъ, а тутъ наступала такая удобная минута итти по стопамъ самихъ же сеньеровъ и буржуазіи, которые пользовались затрудненіями правительства, чтобы вынудить у него уступки. Да и сама королевская власть въ одномъ отношеніи, такъ сказать, давала крестьянамъ косвенное дозволеніе прибѣгнуть къ силѣ: въ первой половинѣ XIV вѣка происходили во Франціи страшныя частныя войны, противъ которыхъ правительство обѣщало употребить самыя энергичныя мѣры, дозволяя въ то же время крестьянамъ самимъ отражать нападенія. Лѣтомъ 1358 г. и вспыхнуло возстаніе въ Бовези, откуда оно распространилось по Иль-де-Франсу, Шампани, Пикардіи. Возставшихъ *Жаковъ Простяковъ* (*Jacques Bonhomme*—такъ привыкли рыцари звать крестьянъ) было около ста тысячъ. Жакерія была, разумѣется, простымъ взрывомъ стихійной силы: крестьяне собирались безъ предводителей, безъ опредѣленныхъ плановъ, и когда ихъ спрашивали, зачѣмъ они это дѣлаютъ, то они отвѣчали, что сами не знаютъ и дѣлаютъ то, что дѣлаютъ другіе. Къ жакамъ спачала примкнули-было и нѣкоторые горожане, но скоро, испугавшись размѣровъ, которые приняло возстаніе, и насилій, коими оно сопровождалось, они отстали отъ движенія, тѣмъ болѣе, что дворяне не безъ успѣха приложили свои старанія, чтобы разъединить буржуазію и жаковъ и подавить возстаніе. Ужасно было мщеніе: дворяне не разбирали ни правыхъ, ни виноватыхъ, убивали мирныхъ поселянъ во время работы, зажигали тѣ деревни, гдѣ крестьяне оставались спокойными.

Однимъ изъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ пришлось совершаться освобожденію крестьянъ, было то обстоятельство, что *съ расширеніемъ королевской власти ко всѣмъ прежнимъ платежамъ, лежавшимъ на сельскомъ населеніи, присоединились еще государственные налоги.* Къ концу XIV вѣка они достигли уже значительной для того времени цифры. Первымъ налогомъ, установленнымъ королями, была *королевская талія*, спачала необычайная, взимавшаяся на военныя издержки, но со времени Филиппа IV Красиваго начавшая собираться довольно правильно, чтобы сдѣлаться постоянною въ царствованіе Карла VII (1422—1461). Съ XIV же вѣка ведутъ свое начало и разные косвенные налоги, изъ которыхъ самый тяжелый былъ соляной, называвшійся *габелью* (*la gabelle*), которую окончательно регламентировалъ Филиппъ VI (1328—1350). Тяжело ложилось на крестьянъ и такъ называемое *droit de prise* (иначе *droit de gîte, de pourvoirie*), имѣвшее происхожденіе въ правѣ сеньера и его людей пользоваться даровымъ продовольствіемъ во время своихъ поѣздокъ. Напрасно сама власть (ордонпансъ Карла V въ 1367 г.) пыталась ограничить число лицъ, которыя могли пользоваться этимъ

правомъ; напрасно жителямъ деревень дозволялось даже (ордоннансъ дофина-регента въ 1357 г.) оказывать вооруженное сопротивленіе грабителямъ: королевскимъ солдатамъ часто нечѣмъ было кормиться, а короли не могли совсѣмъ отказаться отъ этого вида натуральной повинности, въ лучшемъ случаѣ замѣняя ее опредѣленными платежами или заставляя отъ нихъ выкупаться.

Въ началѣ XV в. уже сказываются результаты финансовой системы монархіи: правительство начинаетъ сильно безпокоиться по поводу умножающихся недоимокъ. Въ 1439 г. Карлъ VII, при которомъ возникла постоянная армія съ постоянной таліей на ея содержаніе,—думалъ было помочь дѣлу запрещеніемъ сеньерамъ налагать на крѣпостныхъ новыя подати, но могла ли имѣть какой-либо результатъ подобная мѣра, когда сама королевская талія возрастала почти съ каждымъ новымъ царствованіемъ? Съ 1.800.000 ливровъ при Карлѣ VII она при Людовикѣ XI (1461—1483) возрасла до 4.800.000, чтобы почти удвоиться при Францискѣ I (1515—1547), при которомъ она превышала уже 9 милліоновъ. Только въ царствованіе Людовика XII (1498—1515) сдѣлана была серьезная попытка облегчить тяжесть налоговъ уменьшеніемъ таліи до 1.200.000 и добываніемъ необходимыхъ для казны денегъ изъ королевскихъ доменовъ. Но съ Франциска I начинается эпоха быстраго и постояннаго, безостановочнаго возрастанія налоговъ вплоть до самой революціи, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. *Этому возрастанію тяготы, которую несъ на себѣ крестьянинъ, не соотвѣтствовало такое же возростаніе благосостоянія.* Напротивъ, XIV и XV вѣка были полны общественными бѣдствіями, которыя разоряли крестьянъ въ конецъ. Все XIV столѣтіе состояло изъ періодическихъ повтореній голодныхъ годовъ и эпидемій (особенно 1315, 1338, 1348, 1361 и 1399 гг.). Къ этому присоединялась война съ Англіей, тянувшаяся черезъ всю вторую половину XIV вѣка до середины слѣдующаго, такъ что и въ XV вѣкѣ народъ не выходилъ изъ заколдованнаго круга голода и эпидемій.

Въ это печальное столѣтіе, протекшее съ вступленія на престолъ династіи Валуа до окончанія англійской войны, феодализмъ, казалось, начиналъ воскресать. Крестьяне вынуждены были отбиваться разомъ отъ сеньеровъ, королевскихъ солдатъ и англичанъ: тамъ вспыхнетъ возстаніе противъ внѣшнихъ враговъ, здѣсь повторится жакерія противъ дворянъ и духовныхъ, въ другомъ мѣстѣ возмутятся противъ сборщиковъ податей. Только при Карлѣ VII прекратилась внутренняя анархія и внѣшняя война. Положеніе государства было бѣдственное: общественные нравы одичали, многія мѣстности запустѣли. „Я видѣлъ, говоритъ одинъ современникъ, долины Шампани, Гатинэ, Мэна, Бовези и другія провинціи отъ Сены до

Амьена и Аббевилля совершенно пустыми и необработанными. Жителей не было, въ поляхъ росли сорныя травы". Нѣсколько болѣе благопріятныя условія представляла изъ себя только вторая половина XV в., эпоха окончательной побѣды королевской власти надъ силами феодальнаго міра. Но во время борьбы съ ними эта власть, начиная съ XIV в., *все болѣе и болѣе упускала изъ виду интересы низшихъ классовъ*, а потому при окончательномъ пораженіи сеньеровъ законодательство стало стремиться лишь къ тому, чтобы положить предѣлы ихъ произволу записываніемъ кутюмъ, примѣненіе которыхъ осталось въ рукахъ тѣхъ же сеньеровъ. Болѣе ста лѣтъ одною изъ главныхъ задачъ королевской власти и юристовъ было именно это приведеніе въ порядокъ кутюмнаго права. Въ 1453 г. было предписано Карломъ VII приступить къ этой работѣ, но она началась не тотчасъ же, совершалась весьма медленно, съ перерывами, ибо сеньеры дѣлали всякія препятствія изданію законовъ, связывавшихъ ихъ произволъ. Огромное ихъ большинство составлено было все-таки передъ исходомъ XVI вѣка, къ концу царствованія Генриха III. Хотя ордоннансъ 1497 года и предписывалъ нѣкоторое участіе народа въ составленіи законовъ на основаніи обычнаго права, однако сборники кутюмъ утверждались помимо всякаго его участія, какъ прежде, такъ и послѣ указаннаго ордоннанса. Эти законы, закрѣпившіе въ XV и XVI вв. отношенія, которыя возникли еще въ XI—XIII столѣтіяхъ, сохраняли свою силу во Франціи въ продолженіе XVII и XVIII вѣковъ. И такъ, королевская власть не пошла далѣе регулированія уже установившихся отношеній, нисколько не думая о ихъ реформѣ. Французскіе короли не забыли своего происхожденія въ средѣ феодальной аристократіи и не научились смотрѣть на свою власть, какъ на нѣчто иное, нежели частная собственность извѣстнаго аристократическаго рода; они до самой революціи продолжали смотрѣть на себя, какъ на первыхъ дворянъ Франціи, и на свою власть, какъ на собственность, которая зиждется на тѣхъ же основахъ, на которыхъ покоились всѣ права феодальныхъ сеньеровъ. Тѣмъ же характеромъ отличалось отношеніе и генеральныхъ штатовъ къ крестьянамъ. *Состоя изъ представителей дворянства, духовенства и горожанъ, они сравнительно очень мало заботились объ интересахъ поселянъ*; доказательство этому можно найти въ любой исторіи этого учрежденія, именно въ томъ молчаніи о крестьянскихъ дѣлахъ на генеральныхъ штатахъ, которое мы находимъ у каждаго изъ историковъ, слѣдившихъ за развитіемъ и дѣятельностью національнаго представительства въ старой Франціи. Допущеніе представительства селъ въ общее собраніе государственныхъ чиновъ (1484 г.) сущности дѣла не измѣняло, ибо представителями сельскихъ жителей сдѣлались все-таки буржуа. Въ про-

винціальныхъ же штатахъ даже въ XVIII вѣкѣ деревни представителей не имѣли. Это отсутствіе крестьянъ на мѣстныхъ собраніяхъ играло особенно важную роль въ тѣхъ случаяхъ, когда тремя сословіями обсуждались старыя кутюмы: сельскій людъ не могъ подавать своего голоса.

Новыя кутюмы могутъ служить однимъ изъ источниковъ для составленія себѣ понятія о положеніи крестьянъ въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ. Поэтому большая часть того, что можетъ быть сказано, по крайней мѣрѣ, о юридическихъ отношеніяхъ земледѣльческаго быта въ XVI вѣкѣ, относится одинаково и къ самому кануну революціи. Прежде всего при разсмотрѣніи кутюмъ намъ бросаются въ глаза, такъ сказать, однородность ихъ основы и крайнее разнообразіе въ подробностяхъ, дѣлающее изученіе феодальнаго права весьма труднымъ. По отношенію къ серважу, впрочемъ, кутюмы раздѣлялись на *свободныя* (franches) и *рабскія* (serves): въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ дѣйствовали первыя, крѣпостного состоянія не допускалось болѣе, тогда какъ провинціи, въ которыхъ дѣйствующее право составляли *les coutumes serves*, насчитывали въ своемъ населеніи еще довольно значительное количество сервовъ. Между этими сервами было сравнительно немного полныхъ, или такъ называемыхъ *serfs de corps*, которые хотя и отличались отъ крѣпостныхъ, носившихъ такое имя въ XII в., но все-таки не могли выйти изъ-подъ зависимости отъ своего господина: большинство несвободныхъ крестьянъ принадлежало къ категоріи *serfs d'héritages*, или *serfs réels*, которые могли освободиться, покинувъ свои земли. Далѣе идутъ уже подробности: не только сервы одной провинціи изъ тѣхъ, въ которыхъ они продолжали существовать [1]), не были во всемъ сходны съ сервами другой, но даже въ одной и той же мѣстности существовало крайнее разнообразіе положеній. Вторымъ крупнымъ дѣленіемъ кутюмъ было дѣленіе ихъ на алодіальныя и недопускавшія алода, т.-е. державшіяся правила—*nulle terre sans seigneur*: вторыя составляли общее правило, первыя—незначительное исключеніе. Въ нѣкоторыхъ областяхъ тогда даже закономъ не допускалась свободная собственность, если бы владѣлецъ и доказалъ ея алодіальность какими-либо документами. Въ силу этого правила почти всѣ земли Франціи, которыми только владѣли крестьяне, были цензивами, и на всѣхъ лежали разные платежи въ пользу сеньеровъ въ родѣ ценза или шампара, разныхъ рентъ и пр. и пр., а вмѣстѣ съ платежами и разныя ограниченія въ свободномъ распоряженіи землею, вытекавшія либо изъ необходимости обезпечить правильный взносъ повин-

[1]) Бургундія, Франшъ-Конте, Бретань, Шампань (Troyes, Sens, Vitry) Берри, Ниверпэ, Бурбоннэ, Овернь (pays de Combrailles), Маршъ и др

ностей, либо изъ разныхъ правъ сеньера,—права охоты, напримѣръ Можно принять, что, начиная съ XV вѣка, цензива была самымъ распространеннымъ видомъ крестьянскаго землевладѣнія, начавши даже вытѣснять половничество, пока не стала водворяться система фермерства. Помимо сеньерьяльныхъ поборовъ, которые кутюмы опредѣляли, какъ плату за отданную крестьянамъ землю, существовала масса другихъ, не вытекавшихъ изъ поземельныхъ отношеній. Крестьяне несли старыя, средневѣковыя повинности, отъ которыхъ не успѣли откупиться; они несли повинности и сравнительно болѣе поздняго происхожденія, представлявшія выкупъ за уничтоженіе *мэнморта*, *формарьяжа* и т. п. Въ одномъ мѣстѣ они присягали сеньеру въ вѣрности, въ другомъ въ знакъ покорности дѣлали разныя символическія приношенія въ родѣ заячьей лапки, куриной ножки и т. п., или исполняли какія-либо унизительныя и смѣшныя дѣйствія.

Далѣе, несмотря на то, что судебное право сеньера ограничивало верховную власть короля, несмотря на то, что съ самаго XIII в., королевскіе судьи преслѣдовали одну задачу—уничтожить соперничество съ ихъ юрисдикціей юрисдикціи сеньерьяльной, послѣдняя продолжала существовать, хотя и разсматриваемая, какъ делегированная сеньерамъ функція, хотя и ограниченная какъ кутюмами, такъ, начиная съ XVI в., и спеціальными распоряженіями королевской власти: въ XVII вѣкѣ уже въ полномъ ходу былъ принципъ—*toute justice émane du roi*, и въ теоріи признавалось возвращеніе королю делегированнаго имъ судебнаго права въ случаѣ злоупотребленія сеньера этимъ правомъ. Практика шла своимъ путемъ, и соединеніе въ рукахъ помѣщиковъ съ властью судебною и полицейской власти дѣлало ихъ произволъ еще болѣе возможнымъ и еще менѣе чѣмъ-либо ограниченнымъ.

Такимъ образомъ зависимость крестьянина отъ помѣщика при переходѣ въ новое время была еще весьма велика: вилланъ былъ со всѣхъ сторонъ опутанъ сеньерьяльною властью, ибо на немъ нерѣдко лежали повинности личныя; земля его почти всегда подлежала цензу, шампару и пр. и пр.; для его хлѣба и винограда существовали разныя монопольныя мельницы, печи, точила землевладѣльца; онъ платилъ разныя пошлины заставныя, мостовыя, паромныя; онъ находился подъ административной опекой сеньерьяльныхъ агентовъ; онъ подчинялся ихъ суду и пр., и пр. Казалось, редакція кутюмъ должна была лишь увѣковѣчить *statum quo*, и нѣкоторыя ихъ постановленія, дѣйствительно, носятъ такой характеръ. Такъ тамъ, гдѣ дѣйствовало правило *nulle terre sans seigneur* (а это была почти вся Франція), несвобода почвы была признана вѣчнымъ принципомъ землевладѣнія, ибо отъ ценза и замѣняющихъ его повинностей со всѣми ихъ аттри-

бутами въ родѣ пошлины при продажѣ цензивнаго участка его владѣльцемъ другому лицу (*lods et ventes*),—большею частію нельзя было освободиться никакимъ образомъ. Le cens n'est point rachetable, говоритъ кутюмное право, и если цензитарій выкупалъ свою землю, то тѣмъ переводилъ ее только изъ-подъ зависимости отъ непосредственнаго своего сеньера подъ *dominium directum* другого, высшаго сеньера.

XV. Положеніе нѣмецкихъ крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ *).

Взглядъ на судьбу нѣмецкаго крестьянства въ новое время.—Крупная и мелкая собственность въ Германіи.—Положеніе крестьянъ въ концѣ среднихъ вѣковъ.—Взаимныя отношенія господъ и крестьянъ.—Ухудшеніе экономическаго быта.—Роль юристовъ.—Споліація общинныхъ земель.—Безправное положеніе крестьянъ.—Крестьянскія волненія передъ реформаціей.—Обѣдненіе рыцарства.—Венгерское и польское крестьянство.—Французское, нѣмецкое и англійское крестьянство.

Исторія нѣмецкихъ крестьянъ съ исхода среднихъ вѣковъ есть исторія постепеннаго ухудшенія ихъ быта и въ юридическомъ, и въ экономическомъ отношеніи. Начало XVI вѣка въ исторіи Германіи было ознаменовано цѣлымъ рядомъ крестьянскихъ бунтовъ, предшественниковъ великой крестьянской войны 1524—1525 г., происходившей уже подъ знаменемъ религіозныхъ идей реформаціи. И эти бунты, и эта война были симптомами глубокой перемѣны, совершавшейся въ жизни сельскаго населенія въ эту эпоху. Замѣчательно, что въ то время, какъ во Франціи и особенно въ Англіи принципъ личной свободы крестьянства сдѣлалъ большія завоеванія въ сельскомъ быту, въ Германіи, наоборотъ, усиливается закрѣпощеніе народной массы, сопровождавшееся и уменьшеніемъ ея имущественныхъ правъ. Пораженіе крестьянъ въ 1525 г., понятное дѣло, не могло улучшить ихъ участи, и ухудшеніе идетъ crescendo, особенно въ эпоху тридцатилѣтней войны, вообще бывшей гибельною для Германіи во всѣхъ отношеніяхъ.

Поземельная собственность въ Германіи, какъ и въ другихъ странахъ, принадлежала преимущественно князьямъ, господамъ, мо-

*) *Maurer*. Geschichte der Fronhöfe, der Bauerhofe und der Hofverfassung in Deutschland.—*Его же* Geschichte der Dorfverfassung in Deutschland.—*Его же*. Введеніе въ исторію, общиннаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства.—*Lamprecht*. Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter.—Освобожденіе крестьянъ на Западѣ (переводъ изъ Handwörterbuch der Staatwissenschaften), изд. *Водовозовой*.

настырямъ и, кромѣ того, городамъ, пріобрѣтавшимъ нерѣдко населенныя земли путемъ денежныхъ ссудъ подъ ихъ залогъ или путемъ прямой покупки (напримѣръ, у Ульма было владѣній цѣлыхъ 15 квадратныхъ миль). Крупное землевладѣніе существовало такимъ образомъ и въ Германіи, хотя здѣсь рѣдко имѣнія состояли изъ сплошныхъ территорій: большею частью земли одного и того же господина были раскинуты небольшими участками въ разныхъ деревняхъ, и въ одной и той же деревнѣ бывали участки, принадлежавшіе двумъ, тремъ, четыремъ господамъ, участки же эти были отдѣльные дворы. Съ этимъ своеобразнымъ характеромъ крупнаго землевладѣнія въ Германіи сочеталось сохраненіе весьма многими крестьянами своихъ дворовъ въ свободной собственности, т.-е. рядомъ съ дворами, принадлежавшими помѣщикамъ, хотя и обрабатывавшимися каждый мелкимъ хозяиномъ-крестьяниномъ, въ деревнѣ могли существовать и дворы, составлявшіе собственность вполнѣ свободныхъ или полусвободныхъ крестьянъ. Размѣры всѣхъ этихъ дворовъ были далеко неодинаковы: были дворы покрупнѣе, отъ 3 до 10 гуфъ каждый, считая гуфу въ 30—40 моргеновъ, что составляетъ отъ $10^1/_2$ до 35 десятинъ, были дворы средніе менѣе трехъ гуфъ и мелкіе въ нѣсколько моргеновъ, не считая самыхъ маленькихъ участковъ въ родѣ огорода съ хижиной, принадлежавшихъ бобылямъ (Köter). Дворы, передававшіеся весьма часто по смерти хозяина младшему сыну (минoратъ), составляли или отдѣльные хутора съ замкнутыми территоріями, или сплошныя деревни. Исключивъ крестьянъ-собственниковъ, среди тѣхъ, которые сидѣли на помѣщичьихъ дворахъ, мы можемъ различить разныя положенія, а именно: 1) свободныхъ фермеровъ, встрѣчавшихся большею частью на городскихъ территоріяхъ, на которыхъ крѣпостничество было исключеніемъ, 2) чиншевиковъ, т.-е. пожизненныхъ или наслѣдственныхъ цензитаріевъ, платившихъ чиншъ (цензъ, оброкъ) за обладаніе дворами, которые были по этому чиншевыми ленами (Zinslehen), и 3) настоящихъ крѣпостныхъ (Kopfhörige), каковыхъ было большинство. Крѣпостной крестьянинъ платилъ оброкъ, отбывалъ барщину, былъ прикрѣпленъ къ землѣ, не имѣя права ее оставить, но въ то же самое время пользуясь правомъ не быть лишаемымъ своего двора, пока имъ исполнялись всѣ обязанности по отношенію къ господину, причемъ обязанности эти опредѣлялись обычнымъ правомъ отдѣльныхъ помѣстій (Hofrechte) или областей (Weisthümer). Это же обычное право возлагало и на помѣщика извѣстныя обязанности по отношенію къ крестьянамъ: обязанность имъ помогать въ случаѣ болѣзни, неурожая, падежа скота, разоренія отъ войны и т. п. Были опредѣлены въ обычномъ правѣ и размѣръ чинша, и величина барщины, и тотъ посмертный взносъ (Sterbefall, mortuarium), который

наслѣдникъ умершаго крестьянина долженъ былъ дѣлать помѣщику, а съ другой стороны, опредѣлялось, какія харчи помѣщикъ долженъ былъ давать крестьянамъ, когда они приходили на барщинную работу.

Экономическое положеніе крестьянской массы въ общемъ было сносное и даже, пожалуй, завидное въ сравненіи съ тѣмъ, что въ этомъ отношеніи представляли другія страны, и сама же Германія въ позднѣйшія времена. Лѣтъ черезъ 25 послѣ великой крестьянской войны одинъ современникъ писалъ, что на памяти его отца, который самъ былъ крестьянскій сынъ, крестьяне ѣли совсѣмъ иначе, чѣмъ въ его время: „тогда, прибавляетъ онъ, въ изобиліи были мясо и другія яства, а теперь стало иначе. Вотъ уже много лѣтъ, какъ наступило дорогое и дурное время, и пища болѣе зажиточныхъ крестьянъ сдѣлалась почти во много разъ хуже, чѣмъ прежняя пища поденщиковъ и батраковъ". Это свидѣтельство изъ середины XVI вѣка подтверждается многими данными XV и начала XVI столѣтій. Есть извѣстія о томъ, что достатокъ дѣлалъ крестьянъ нерѣдко чванными и что они позволяли себѣ много лишняго, такъ что нѣкоторые ландтаги XV вѣка издаютъ законы противъ роскоши крестьянъ и установляютъ, напримѣръ, цѣну, выше которой мужикъ не могъ платить за сукно на своемъ платьѣ.—Мы въ состояніи прослѣдить, какъ происходило это ухудшеніе быта и какіе факторы его произвели. Первый изъ нихъ заключался въ томъ, что землевладѣльческое сословіе, рыцари, стали больше требовать отъ крестьянъ, чѣмъ тѣ давали раньше, и причиною этого было то, что произошла перемѣна въ самомъ рыцарскомъ быту: послѣдній въ былыя времена мало чѣмъ отличался отъ быта зажиточныхъ крестьянъ, но мало-по-малу подъ вліяніемъ иноземныхъ нравовъ и примѣра, подававшагося разбогатѣвшими горожанами, нѣмецкіе феодальные господа стали вести болѣе роскошный образъ жизни, требовавшій больше расходовъ и, разумѣется, больше доходовъ, извлекавшихся изъ земли посредствомъ крестьянскихъ оброковъ. Увеличеніе крестьянскихъ платежей вызывалось и другой причиной, значительнымъ сокращеніемъ доходовъ въ силу обезцѣненія денегъ вслѣдствіе открытія Америки: въ Европу сразу изъ Новаго Свѣта нахлынула масса драгоцѣнныхъ металловъ, что отразилось на уменьшеніи цѣны денегъ и на соотвѣтственномъ вздорожаніи товаровъ. Юристы, вводившіе въ жизнь нѣмецкаго народа нормы римскаго права, оказались услужливыми не только по отношенію къ князьямъ, содѣйствуя усиленію ихъ значенія своимъ ученіемъ о власти, но и по отношенію къ феодальнымъ помѣщикамъ. Ихъ роль въ Германіи, гдѣ „рецепція" римскаго права происходила двумя вѣками позже, чѣмъ во Франціи, оказалось менѣе благопріятною по отношенію къ крестьянской свободѣ, нежели роль францyз-

скихъ юристовъ, и пословица, сдѣлавшая изъ юристовъ плохихъ христіанъ (Juristen böse Christen), получаетъ отсюда свой настоящій смыслъ. Между тѣмъ какъ французскіе легисты, толковали всѣ сомнительные случаи въ положеніи крестьянъ въ смыслѣ свободы, нѣмецкіе юристы стремились подвести родную дѣйствительность подъ понятія римскаго права и, находя въ немъ лишь два состоянія людей—свободу и рабство, распространяли понятіе послѣдняго на всѣ зависимыя положенія, въ какихъ могли находиться нѣмецкіе крестьяне по отношенію къ своимъ помѣщикамъ. Въ одномъ только случаѣ теоріи юристовъ во Франціи и въ Германіи не расходились: это тогда именно, когда рѣчь шла о поземельной собственности. Мы уже знаемъ, что въ средніе вѣка земля находилась въ двойной собственности,—форма совсѣмъ незнакомая римскому праву: настоящему владѣльцу принадлежалъ dominium utile, а его сеньеру принадлежалъ dominium directum, какъ совокупность административныхъ, судебныхъ, финансовыхъ и иныхъ правъ. Юристы, проникшіеся воззрѣніями римскаго права, поняли эти отношенія по-своему, отдѣливъ понятіе власти (imperium), которое перенесли на государя, и начавъ толковать dominium directum въ смыслѣ частной собственности, а dominium utile въ смыслѣ простого пользованія. Извѣстный намъ французскій принципъ „nulle terre sans seigneur“ былъ понятъ именно въ этомъ смыслѣ, и изъ него былъ сдѣланъ выводъ, позволившій начать споліацію общинныхъ земель (les communaux). На этомъ нужно нѣсколько остановиться, какъ на явленіи, общемъ Франціи и Германіи, тѣмъ болѣе, что съ нимъ мы встрѣчаемся и въ исторіи Англіи, хотя тамъ и не дѣйствовало римское право.

Дѣлая очеркъ исторіи сельскаго населенія Франціи, я упомянулъ о существованіи въ ней въ средніе вѣка общиннаго землевладѣнія, состоявшаго изъ разнаго рода угодій, въ связи съ чѣмъ находилось и право жителей деревни посылать свой скотъ пастись по всѣмъ ея полямъ по снятіи съ нихъ жатвы. Когда права сеньера въ извѣстной территоріи стали толковаться въ смыслѣ простой собственности, право его на послѣднюю было распространено и на общинныя земли, которыя стали разсматриваться, какъ только уступленныя крестьянамъ въ пользованіе, и на этомъ основаніи сеньеры начали отбирать въ свою пользу значительныя части общинныхъ угодій: жалобами на это полны наказы (cahiers) депутатовъ третьяго сословія на генеральныхъ штатахъ XVI вѣка, встрѣчаются на это жалобы и въ cahiers 1789 г., а въ XVII вѣкѣ это озабочивало само правительство, запрещавшее обирать сельскія общины. Мы увидимъ, что такая споліація происходила въ особенно большихъ размѣрахъ въ Англіи, но и въ Германіи было то же самое и какъ-разъ передъ великой крестьян-

ской войной, во время которой крестьяне, между прочимъ, поставили и такое требованіе, чтобы имъ были возвращены общинныя земли, у нихъ несправедливо отнятыя. Общинное землевладѣніе въ Германіи было довольно развито: „марки" существовали во всѣхъ деревняхъ, и правомъ ими пользоваться обладали и свободные, и крѣпостные жители деревень. Обычное право прямо признавало это за крестьянами, не дѣлая никакого различія между свободными и крѣпостными. Деревня въ административномъ и судебномъ отношеніи была общиной, выбиравшей своего старосту и устанавливавшей порядокъ пользованія своими общими угодьями, къ числу коихъ относились и луга, и воды. Стѣснительные для крестьянъ законы объ охотѣ и рыбной ловлѣ изымали изъ ихъ вѣдѣнія эти лѣса и эти воды. Въ крестьянскихъ статьяхъ 1525 г., заключающихъ въ себѣ требованія значительной части возставшаго народа, отводится мѣсто и требованію вернуть старые порядки въ этой области сельскаго быта, что указываетъ на значительное измѣненіе въ прежнихъ правахъ крестьянъ по отношенію къ общиннымъ угодьямъ.

Таковы были причины ухудшенія крестьянскаго быта въ Германіи. Весьма естественно, что нѣмецкое крестьянство чувствовало, что для него наступаютъ новыя времена, которыя несутъ съ собою много нехорошаго. Все это вызывало среди нихъ броженіе, проявлявшееся сначала въ рядѣ мѣстныхъ вспышекъ и разразившееся, наконецъ, общей войной, которая охватила значительную часть Германіи, причемъ *недовольство народа принимаетъ видъ общественнаго движенія на религіозной подкладкѣ.* Крестьяне были побѣждены, и ухудшеніе ихъ быта пошло быстрыми шагами.

Крестьянская война 1524—1525 г. имѣетъ весьма важное значеніе въ исторіи Германіи въ эпоху реформаціи, и потому весьма интересно ознакомиться съ движеніями, которыя ее подготовили. Одною изъ непосредственныхъ причинъ народнаго броженія было то, что *крестьяне лишились покровительства законовъ,* не имѣя учрежденія, куда могли бы жаловаться на произволъ помѣщиковъ: вслѣдствіе этого они и стали прибѣгать къ своего рода самопомощи и самосуду. Въ сельскихъ общинахъ существовало какое ни-на-есть самоуправленіе съ рѣшеніемъ мелкихъ тяжбъ на деревенскихъ сходахъ, но этотъ порядокъ сталъ отмѣняться, и помѣщичій судъ началъ вытѣснять старое народное право. Съ другой стороны, въ XV в. были весьма часты случаи обращенія крестьянъ съ жалобами на господъ къ императору, къ юридическимъ факультетамъ, къ швабскому союзу и т. п., но право принесенія такихъ жалобъ подверглось также разнымъ стѣсненіямъ. Не говоря уже о томъ, что крѣпостные вообще не могли вчинать исковъ противъ своихъ господъ, а свободные

крестьяне имѣли большія основанія относиться съ недовѣріемъ къ судамъ, тянувшимъ сторону дворянъ, въ концѣ XV и началѣ XVI в. были спеціальныя постановленія, отнимавшія у крестьянъ возможность искать судебной защиты. Когда въ 1495 году былъ учрежденъ верховный имперскій судъ (Reichskammergericht), крестьянскія дѣла не были включены въ его компетенцію, а въ 1500 г. въ Аугсбургѣ было постановлено, что крестьяне могутъ жаловаться на посторонних господъ, никакъ не на своихъ, хотя разнаго рода неудовольствія возбуждались среди крестьянства именно поведеніемъ собственныхъ, а не чужихъ помѣщиковъ. Это имперское законодательство дополнялось аналогичными мѣстными узаконеніями, проходившими въ ландтагахъ, на коихъ крестьянское сословіе не имѣло представителей. Эти же ландтаги, вотировавшіе налоги, сваливали увеличивавшуюся тяжесть послѣднихъ на то же крестьянское сословіе, и вотъ мы видимъ, что, когда въ 1514 г. возстали крестьяне въ Вюртембергѣ, однимъ изъ ихъ требованій было допущеніе въ ландтагъ и ихъ представителей, что̀ на время и осуществилось-было, но въ общемъ въ народѣ былъ тотъ взглядъ, что ландтаги ничего не дѣлаютъ для крестьянъ, кромѣ прибавки новыхъ налоговъ.

Не находя нигдѣ защиты, сельская масса начала волноваться, и въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Германіи вспыхивали крестьянскіе бунты. Можно было бы составить списокъ цѣлаго ряда такихъ бунтовъ, предшествующихъ войнѣ 1524—1525 годовъ. Символомъ крестьянскаго возстанія въ началѣ девятидесятыхъ годовъ XV вѣка дѣлается мужицкій башмакъ съ ремнями, которые привязывали его къ ногѣ (Bundschue), и этотъ символъ группируетъ около себя тайныя сообщества, играющія роль въ исторіи крестьянскаго движенія за цѣлую четверть вѣка передъ наступленіемъ реформаціонной эпохи. Отмѣчаемъ теперь этотъ фактъ для того, чтобы познакомиться съ нимъ подробнѣе при изложеніи этого замѣчательнаго періода въ исторіи Германіи.

Крестьянская война слѣдовала въ Германіи непосредственно за рыцарскимъ возстаніемъ, причины котораго будутъ выяснены при изложеніи самой эпохи. Здѣсь, говоря о соціальномъ положеніи отдѣльныхъ классовъ нѣмецкаго общества, имѣвшихъ отношеніе къ землевладѣнію и земледѣлію, нельзя обойти молчаніемъ, что, кромѣ политическихъ причинъ рыцарскаго недовольства,—а такими причинами была опасность для рыцарской независимости со стороны княжеской власти и новое устройство Германіи, ограничивавшее произволъ рыцарей,—въ томъ движеніи, которое происходило въ этомъ сословіи, дѣйствовала еще причина экономическая. *Землевладѣльцы переживали кризисъ и рыцарство бѣднѣло.* Не говоря уже о томъ, что помѣстья

дробились вслѣдствіе естественнаго размноженія сословія, онѣ еще обезцѣнивались, такъ какъ земля не приносила прежняго дохода вслѣдствіе указаннаго выше экономическаго переворота и другихъ причинъ, стоящихъ въ связи съ образованіемъ богатаго промышленнаго и торговаго класса въ городахъ. Можно сказать, что въ эту эпоху возникаетъ среди рыцарства своего рода пролетаріатъ, хранившій дворянскія претензіи, гнушавшійся работы и даже предпочитавшій труду благородное ремесло грабителя или службу при княжескихъ дворахъ. Если рыцари и сохранили свои имѣнія, то жить доходами съ нихъ становилось трудно, тѣмъ болѣе, что въ XV в. исчезло однообразіе быта менѣе богатыхъ рыцарей и болѣе зажиточныхъ крестьянъ. Одно сословіе особенно возбуждало зависть среди дворянства въ ту эпоху, что было, какъ мы увидимъ, не въ одной Германіи: сословіемъ, о коемъ идетъ рѣчь, было духовенство, обладавшее крупною поземельною собственностью, большимъ движимымъ имуществомъ, огромными доходами, и на него то главнымъ образомъ и направилось рыцарское возстаніе 1522—1523 г. Понятно, что между рыцарями и крестьянами не могло быть никакой солидарности: въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка это были два враждебные лагеря, соединить которые для общаго дѣла было трудно. За пораженіемъ „офицеровъ безъ солдатъ“ въ 1523 г. и за пораженіемъ „солдатъ безъ офицеровъ“ въ 1525 г. соціальныя отношенія, созданныя предыдущей эпохой, не измѣнились къ лучшему: они прямо даже ухудшились.

Не въ одной Германіи мы наблюдаемъ ухудшеніе крестьянскаго быта и развитіе крѣпостничества въ новое время: явленіе это замѣчается и въ другихъ странахъ, близкихъ къ Германіи по степени экономическаго и политическаго развитія. Мало того: не въ одной Германіи собранія государственныхъ чиновъ, въ коихъ не было крестьянскаго представительства, издавали законы противъ народной свободы, и не въ одной Германіи пускались въ ходъ римскія идеи о рабствѣ для узаконенія крестьянскихъ закрѣпощеній. Я имѣю въ виду Венгрію и Польшу.

Въ 1514 г., въ одинъ годъ съ возстаніемъ вюртембергскихъ поселянъ, произошло крестьянское движеніе въ Венгріи. Началомъ послужила проповѣдь крестоваго похода противъ турокъ, увлекшая массу народа, но встрѣченная весьма несочувственно дворянствомъ, которое было противъ того, чтобы крестьяне покидали свои дома и оставляли невоздѣланными поля. Противодѣйствіе съ ихъ стороны возмутило „крестоносцевъ“ (куруцевъ), и они подняли знамя возстанія, сопровождавшагося пожарами и убійствами. Бунтъ былъ подавленъ, и *сеймъ объявилъ государственнымъ закономъ на вѣчныя вре-*

мена полнѣйшее рабство крестьянъ (mera et perpetua servitus). На этотъ законъ ссылались венгерскіе дворяне, когда черезъ 270 лѣтъ императоръ Іосифъ II, король венгерскій, задумалъ освободить венгерскихъ крѣпостныхъ крестьянъ.

Въ Польшѣ эпоха образованія государственнаго сейма и эпоха закрѣпощенія сельскаго населенія прямо совпадаютъ между собою и совпадаютъ съ временемъ, когда въ Германіи происходилъ только-что разсмотрѣнный процессъ. Польская шляхта, высылавшая своихъ пословъ на вольный (общій) сеймъ, безъ согласія котораго съ первыхъ лѣтъ XVI в. не издается никакихъ законовъ, съ самаго же начала пользуется своею властью исключительно ради собственной выгоды и между прочимъ лишаетъ крестьянство прежнихъ его правъ. Въ XV в. польское рыцарство утрачиваетъ свой военный характеръ, превращается въ помѣщичій классъ, начинаетъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и умноженіемъ своихъ доходовъ, шедшихъ главнымъ образомъ на удовлетвореніе той страсти къ роскоши, которая характеризуетъ польскую шляхту въ XVI вѣкѣ. Весь доходъ прежняго шляхтича состоялъ изъ хлопскаго чинша за снятую землю, да того, что давали стадо, мельница, корчма: теперь этого было мало, и *пользуясь своею законодательною властью, шляхта прикрѣпляетъ крестьянина къ землѣ и отнимаетъ у него покровительство законовъ.* Право владѣть „земскими имуществами“ принадлежало одной шляхтѣ, которая и сдѣлалась обладательницей всей земли; крестьянинъ не могъ владѣть землею и въ то же время не имѣлъ права покидать помѣстья, въ которомъ жилъ; барщинныя повинности, на немъ лежавшія, и другіе поборы были увеличены, и въ довершеніе всего у него отнято было право жаловаться на своего пана. Весьма любопытно, что своего рода теоретическое оправданіе такой перемѣны шляхта находила въ перенесеніи на тогдашнюю польскую дѣйствительность понятій, заимствованныхъ изъ римской исторіи: собственное государство являлось ей республикой (rzecz-pospolita), сама она представляла себя свободнымъ народомъ (szlachta naród), живущимъ трудами рабовъ—хлоповъ, рабовъ въ духѣ римскаго права.

Однимъ словомъ, и въ Германіи, и въ Венгріи, и въ Польшѣ, не называя уже другихъ странъ той же степени экономическаго развитія, въ началѣ новаго времени мы встрѣчаемся съ явленіями, которыя Франціей и Англіей были пережиты раньше, которыя въ XIV и XV вв. были для этихъ странъ отдаленнымъ прошлымъ. И особенность средневѣковаго хозяйственнаго быта, состоявшая въ соединеніи крупной земельной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ, характеризуетъ общественный строй странъ, гдѣ происходило указанное ухудшеніе крестьянскаго быта. Шляхтичъ въ Польшѣ былъ

землевладѣлецъ, но онъ велъ хозяйство барщиннымъ трудомъ только на одной части своего помѣстья: все остальное было въ рукахъ безправныхъ хлоповъ, имѣвшихъ однако свои надѣлы, свое хозяйство и отбывавшихъ повинности въ пользу своихъ пановъ. То же самое и въ Германіи. Особенно въ сѣверо-восточной ея части мы рѣдко встрѣчаемся со сколько-нибудь развитымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ, да и на западѣ Германіи мелкое хозяйство крѣпостныхъ или свободныхъ можно считать общимъ правиломъ. Мы видѣли уже, что во Франціи даже началъ намѣчаться процессъ замѣны мелкаго хозяйства болѣе крупнымъ, но опять-таки это не было явленіемъ повсемѣстнымъ и всеобщимъ, какъ то было въ Англіи, къ которой мы теперь и перейдемъ, чтобы остановиться потомъ на церковномъ и монастырскомъ землевладѣніи, игравшемъ особую роль въ исторіи экономическаго переворота, совершавшагося въ сельской жизни, и въ исторіи политическихъ отношеній реформаціонной эпохи. Во всякомъ случаѣ мы можемъ заключить этотъ краткій обзоръ состоянія нѣмецкихъ крестьянъ указаніемъ на то, что изъ трехъ главныхъ странъ европейскаго Запада наиболѣе отсталою въ соціальномъ отношеніи оказалась Германія: Франція ушла гораздо дальше впередъ, а еще далѣе ушла отъ характерныхъ особенностей соціальнаго быта среднихъ вѣковъ— Англія.

XVI. Соціальный строй Англіи [1]).

Экономическій строй Англіи.—Парламентъ и соціальныя отношенія.—Паденіе крѣпостничества въ Англіи.—Черная смерть.—Возстаніе крестьянъ.—Роль парламента въ крестьянскомъ вопросѣ въ серединѣ XIV вѣка.—Соціальная структура англійской націи.—Образованіе сельскаго пролетаріата.—Фермерское хозяйство и фермеры.—Огораживаніе полей.—Эмиграція въ города и бродяжничество.—Крупная собственность.—Разореніе рыцарства.—Возникновеніе соціальнаго антагонизма.

Въ исторіи соціальнаго феодализма мы различаемъ сторону юридическую и экономическую, т.-е., во-первыхъ, несвободу личности и

[1]) *Эшли* (*Ashley*). Экономическая исторія Англіи. — *Нассе*. Сельская община въ Англіи. — *П. Виноградовъ*. Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка (и англійская переработка этой книги подъ заглавіемъ Villainage in England)—*М. Ковалевскій*. Общественный строй Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ.—*Его же*. Полиція рабочихъ въ Англіи въ XIV в.—*Его же*. Англійская Пугачовщина (*Рус. Мысль*, 1895).—*Д. Петрушевскій*. Рабочее законодательство Эдуарда III. — *Его же*. Возстаніе Уота Тайлера. — *Th. Rogers*. A history of agriculture and prices in England.—*Его же*. Six centuries of work

земельнаго надѣла крестьянъ, во-вторыхъ, соединеніе крупной собственности съ развитіемъ мелкаго хозяйства, дѣлавшимъ невозможнымъ сельскій пролетаріатъ. Въ процессѣ феодализаціи сельскаго быта во Франціи мы наблюдаемъ, что личное освобожденіе отнюдь не сопровождается освобожденіемъ земли и, мало того, даже сопровождается разрывомъ той связи, какая установилась между крестьяниномъ и землею. Рѣдко, гдѣ этотъ процессъ проявлялся въ своихъ характерныхъ чертахъ съ такою силою, какъ въ Англіи: Англія—классическая страна крупнаго землевладѣнія и сельскаго пролетаріата, ранняго освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и ранняго же развитія фермерскаго хозяйства. Все это, однако, явленія новаго времени: средневѣковая Англія знала и мелкое крестьянское хозяйство, и крѣпостныхъ крестьянъ, и все дѣло заключалось въ томъ, что *юридическое освобожденіе крѣпостной массы сопровождалось въ Англіи расторженіемъ прежней связи между крестьянствомъ и землею.* Это однако не мѣшало тому, что въ Англіи утвердился принципъ феодальной собственности, въ силу котораго въ ней земля всегда зависѣла въ первой инстанціи отъ короля, во второй—отъ дворянства и рыцарства. Мы и остановимся на этомъ явленіи, какъ на явленіи, наиболѣе характерномъ для Англіи, не заходя въ старыя времена, когда въ этой странѣ господствовали крѣпостныя отношенія и крестьянское хозяйство. Есть и еще причина, заставляющая насъ обратить вниманіе на соціальный процессъ, совершившійся въ Англіи въ XIV и XV вѣкахъ: въ эту эпоху уже существовалъ парламентъ, верхняя палата коего состояла изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, въ нижней же палатѣ мало-по-малу произошло сліяніе землевладѣльческихъ и городскихъ классовъ населенія, и который пріобрѣлъ рѣшающее значеніе въ законодательной дѣятельности государства, и, конечно, мы не можемъ не поставить вопроса о томъ, *какъ представители землевладѣнія, пользовавшіеся въ парламентѣ законодательною властью, относились къ народу вообще и въ частности къ крестьянству.* Мы увидимъ, что въ данномъ случаѣ парламентъ былъ органомъ соціальныхъ интересовъ землевладѣльческихъ классовъ, и то отношеніе, въ какое онъ сталъ къ крестьянской массѣ, было, въ сущности, только частнымъ случаемъ нѣкотораго болѣе общаго правила, подъ какое мы имѣемъ право подвести и отношеніе къ крестьянству, напримѣръ, также и стороны французскихъ генеральныхъ и провинціальныхъ штатовъ: *сила средневѣковаго парламента заключалась въ пред-*

---

and wages: the history of english labour.—*Ochenkowski.* Englands wirthschaftliche Entwicklung im Ausgange des Mittelalters.—*W. Denton.* England in the fifteenth century.—*Seebohm.* English willage community.

ставителяхъ феодальнаго землевладѣнія и вообще поземельной собственности, и нѣтъ ничего мудренаго въ томъ, что *законодательная дѣятельность парламента разрѣшала всѣ вопросы, возникавшіе изъ условій соціальнаго феодализма, не въ пользу крестьянскаго населенія.* Однимъ словомъ, парламентъ былъ въ числѣ факторовъ, игравшихъ роль въ исторіи освобожденія англійскихъ крестьянъ отъ земли, и эта роль была не изъ тѣхъ, которыя дѣлали честь парламенту.

Въ Англіи, какъ и въ другихъ странахъ, въ средніе вѣка существовало крѣпостничество, называвшееся вилленажемъ (villainage), по-латыни villenagium. Къ концу XV вѣка вилленажъ почти исчезаетъ, и крестьянско-земельныя отношенія начинаютъ получать новый характеръ. Причины этого факта были довольно сложныя, но едва ли будетъ ошибочнымъ считать главною изъ нихъ то, что и политически, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ экономически Англія опередила континентальныя страны,—политически потому, что ранѣе, чѣмъ гдѣ-либо, произошло здѣсь торжество государственныхъ началъ надъ феодализмомъ, который въ Англіи и не получалъ значенія политической системы, и потому, что здѣсь же началось сліяніе классовъ, устранявшее возможность выработки чисто кастическаго строя, и вотъ это-то политическое развитіе, обезпечивавшее внутренній порядокъ, содѣйствовало развитію экономическому, которое выразилось въ томъ, что *Англія сравнительно рано переходитъ отъ натуральной системы хозяйства къ денежной*, содѣйствовавшей важнымъ соціальнымъ измѣненіямъ. И помѣщикъ, и крестьянинъ предпочитали уже въ XIII в. денежные оброки натуральнымъ повинностямъ,—первый потому, что получать деньгами крестьянскіе платежи было удобнѣе, второй потому, что отбываніе натуральныхъ повинностей ставило его нерѣдко въ крайне стѣснительное положеніе, особенно когда нужно было отбывать барщину. Нерѣдко выкупъ повинностей сопровождался договорами, которыми, что мы сейчасъ увидимъ, крестьяне пользовались потомъ, какъ доказательствами своей личной свободы.

Въ средніе вѣка вообще существовали классы, такъ сказать, колебавшіеся между крѣпостью и свободой, и они сильно развиваются въ Англіи къ концу среднихъ вѣковъ, нося весьма разнообразныя названія и болѣе приближаясь либо къ вилланамъ, либо къ вполнѣ свободнымъ людямъ, каковые, разумѣется, тоже существовали въ Англіи. Такимъ классомъ особенно въ королевскихъ доменахъ являются сокмены, и всѣ усилія вилланов заключались въ томъ, чтобы перейти постепенно въ положеніе, характеризуемое этимъ названіемъ (socagium): одинъ памятникъ конца XIV в. опредѣляетъ сокмена, какъ свободнаго человѣка, держащаго крѣпостную землю (villenagium),—причемъ держаніе это, твердое и прочное, было не на осно-

ваніи грамоты, а на основаніи обычая. Отъ положенія сокмена былъ только шагъ къ полной гражданской свободѣ. Желаніе крестьянъ освободиться отъ крѣпостныхъ узъ весьма часто встрѣчалось съ стремленіемъ помѣщиковъ избавиться отъ обязанности давать пропитаніе своимъ крѣпостнымъ во времена голодовокъ, каковыя были довольно часты въ первой половинѣ XIV вѣка. Этотъ послѣдній вѣкъ былъ въ исторіи Англіи эпохой особенно сильнаго движенія среди крестьянства. Во-первыхъ, многіе освобождаются судебнымъ порядкомъ, опираясь на законъ, по которому подавать искъ въ судъ могъ только свободный человѣкъ: стоило крестьянину—особенно если у него былъ какой-либо договоръ въ рукахъ—подать искъ въ судъ, и суду стоило лишь его принять, чтобы подавшій сдѣлался свободнымъ, какъ признанный въ таковомъ званіи судомъ, а чтобы господинъ не могъ опротестовать подачи иска, стоило лишь подать его одновременно въ разные суды. Впослѣдствіи сами помѣщики соглашались на такую уловку, чтобы освобождать крѣпостныхъ безъ хлопотъ и формальностей. Во-вторыхъ, крестьяне освобождались посредствомъ бѣгства и проживанія въ какомъ-либо городѣ въ теченіи одного года и одного дня (что имѣло силу во Франціи), и опять-таки помѣщики сами впослѣдствіи пользовались такимъ способомъ, сами позволяя крѣпостнымъ отлучаться на годъ съ днемъ. Однимъ словомъ, и здѣсь дѣло шло, какъ во Франціи, т.-е. путемъ частныхъ сдѣлокъ, а не общихъ законодательныхъ мѣръ, и вмѣстѣ съ этимъ и здѣсь освобожденіе сопровождалось открѣпленіемъ крестьянина отъ земли, остававшейся за помѣщикомъ и снова отдававшейся крестьянину уже не на прежнихъ основаніяхъ.

Въ исторіи этого процесса весьма важное значеніе принадлежитъ „черной смерти“, которая въ серединѣ XIV вѣка обошла всю Европу, посѣтила Англію и унесла изъ ея населенія чуть не половину, нарушивъ правильное теченіе экономической жизни. Въ это время въ Англіи уже существовали наемные рабочіе, и весьма естественно, что плата за ихъ трудъ значительно должна была возрасти послѣ эпидеміи. Тогда въ парламентѣ, состоявшемъ изъ собственниковъ, прошелъ статутъ (1349), коимъ безземельные рабочіе обязывались служить всякому нанимателю, какой только потребуетъ ихъ работы, и получать за это плату, какая въ данномъ мѣстѣ существовала за два года до чумы, и все это подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Въ 1350 г. парламентъ опредѣлилъ самый размѣръ платы и запретилъ рабочимъ оставлять приходы, въ коихъ они жили въ моментъ изданія статута, и опять подъ страхомъ тюремнаго заключенія. Эти распоряженія проводились въ жизнь съ величайшимъ трудомъ, и новыя подтвержденія закона увеличили мѣру наказанія до клей-

менія бѣглыхъ рабочихъ въ лобъ каленымъ желѣзомъ. Вмѣстѣ съ этимъ началось возвращеніе крестьянъ, откупившихся отъ барщины, къ прежнему барщинному труду. Черная смерть затѣмъ опять постигла Англію, нищета была ужасающая. Начинались народныя волненія, явились агитаторы, и парламентъ принимаетъ противъ этого мѣры—запрещеніемъ стачекъ, сообществъ и сборищъ рабочихъ. Въ это время выдвигается личность „сумасшедшаго кентскаго попа", Джона Балля, говорившаго страстныя проповѣди на тему объ естественномъ равенствѣ, и на ту же тему сложилась народная пѣсенка: „когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла, кто былъ тогда дворяниномъ"? (When Adam delved and Eve span Who was then gentleman)? Тогда же и Вильямъ Лонгландъ написалъ свои „Жалобы Петра пахаря" на ту же тему равенства людей и обязательности труда для всѣхъ. Возвращенія черной смерти (вплоть до 1369 г.), новыя строгости противъ рабочихъ, репрессіи противъ крѣпостныхъ, отказывавшихся отъ работы, запрещенія сходокъ и союзовъ въ низшихъ классахъ народа, а вмѣстѣ съ этимъ и война съ Франціей, и борьба Эдуарда III съ парламентомъ, и начало рѣзкихъ отношеній со стороны свѣтскихъ сословій къ папству и духовенству,—все это или прямо подготовляло взрывъ народнаго неудовольствія послѣ смерти Эдуарда III, или косвенно содѣйствовало этому взрыву. Поводомъ было введеніе поголовнаго налога (the pole groates), распространявшагося и на рабочихъ, которые прежде были свободны отъ налога, но главная причина была въ томъ, что поселянъ сильно притѣсняли лэндлорды, потребовавшіе отъ нихъ прежнихъ повинностей и службъ. Агитація, ведшаяся уже нѣсколько лѣтъ, проповѣди нищенствующихъ монаховъ, бѣдныхъ священниковъ, усвоившихъ протестъ Виклифа противъ богатаго духовенства, народныя пѣсни на жгучія темы, произвели свое дѣйствіе, и въ 1381 г. произошло страшное народное возстаніе подъ начальствомъ Вата Тайлера, овладѣвшаго даже Лондономъ. Молодой Ричардъ II, явившійся къ инсургентамъ и принятый ими дружелюбно, обѣщалъ имъ амнистію и освобожденіе отъ рабства: народъ даже и тогда возлагалъ на короля всѣ надежды, когда Ватъ Тайлеръ былъ убитъ въ его присутствіи лондонскимъ мэромъ, находившимся въ королевской свитѣ. Дѣло кончилось, однако, тѣмъ, что возстаніе было подавлено съ страшною жестокостью, а парламентъ не согласился на обѣщанныя и уже сдѣланныя королемъ уступки. Тѣмъ не менѣе возстаніе возымѣло то дѣйствіе, на какое расчитывали крестьяне и ихъ вожди: оно напугало имущіе классы общества и заставило ихъ не только быть осторожнѣе, но и значительно измѣнить свою тактику, такъ что въ общемъ процессъ освобожденія не затормозился. Однако парламентъ 1381 г. выступалъ противъ политики уступокъ, коей желалъ

король и его совѣтъ. Въ своемъ посланіи къ парламенту Ричардъ II указывалъ на то, что, если члены парламента думаютъ отпустить на волю своихъ крѣпостныхъ, то онъ, король, ничего не будетъ имѣть противъ этого, но парламентъ ему отвѣчалъ въ томъ смыслѣ, что грамоты, данныя имъ крестьянамъ, не имѣютъ силы, что крѣпостные составляютъ собственность своихъ господъ, у которыхъ король не имѣетъ права что-либо брать безъ ихъ согласія, и что они скорѣе готовы умереть, чѣмъ согласиться на то, что̀ имъ предлагаютъ. Мало того: въ духѣ статута о рабочихъ парламентъ настоялъ на томъ, чтобы дѣти вилланов не могли поступать ни въ духовное сословіе, ни въ ученики къ городскимъ ремесленникамъ, ни въ общественныя школы.

Роль парламента въ эпоху законодательства о рабочихъ и крѣпостныхъ, вызваннаго черною смертью и крестьянскимъ возстаніемъ, показываетъ намъ, что представленные въ этомъ учрежденіи общественные классы отстаивали не только свои политическіе интересы отъ королевской власти, но и экономическіе свои интересы, имѣя противъ себя народную массу. На чисто соціальной почвѣ въ палатѣ общинъ *объединились въ этомъ отношеніи интересы всякихъ работодателей*, т.-е. и сельскихъ хозяевъ, и промышленныхъ предпринимателей, однимъ словомъ, имущихъ классовъ и въ деревняхъ, и въ городахъ, и парламентъ сдѣлался органомъ этихъ интересовъ: сліяніе въ немъ отдѣльныхъ сословій въ одинъ имущественный классъ завершилось уже извѣстнымъ намъ установленіемъ избирательнаго ценза въ 40 шиллинговъ, коимъ вводилось новое начало въ соціальный строй Англіи—*признаніе за извѣстнымъ размѣромъ собственности самаго важнаго политическаго права*—высылать представителей въ парламентъ. Весьма естественно, что нижняя палата, въ коей руководящая роль принадлежала выборнымъ отъ джентри, должна была заботиться объ усиленіи своего соціальнаго значенія, сходясь въ этомъ отношеніи съ лордами, которые также были землевладѣльцами. Законодательство о рабочихъ въ серединѣ XIV в. уже указываетъ намъ на то, что парламентъ сталъ пользоваться своею властью не только для того, чтобы закрѣплять за земельными собственниками тѣ выгодныя стороны, какія существовали для нихъ въ феодальномъ строѣ, но и для того, чтобы въ выгодномъ же для себя смыслѣ рѣшать вопросы, возникавшіе уже на почвѣ совсѣмъ новыхъ отношеній, сущность коихъ состояла въ томъ, что крѣпостной крестьянинъ открѣплялся отъ земли и становился безземельнымъ рабочимъ, живущимъ платою за трудъ для чужого хозяйства. Въ эту именно сторону направлялся эманципаціонный процессъ въ Англіи, и парламентъ, насколько отъ него зависѣло, регулировалъ этотъ процессъ въ ис-

ключительную пользу имущихъ классовъ. Такимъ образомъ, если въ Англіи, не выработалось замкнутыхъ сословій и образовался въ юридическомъ отношеніи лишь одинъ классъ свободныхъ людей, въ который постепенно переходитъ все населеніе страны, *то впервые въ Англіи возникло чисто экономическое различіе между имущими и неимущими безъ всякихъ сословныхъ перегородокъ.* Въ этомъ отношеніи Англія опередила другія европейскія страны.

Свободные люди, или фримены (freemen) сохранились въ Англіи съ древнихъ временъ, какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. По отношенію къ землѣ они были свободные держатели или фригольдеры (freeholders, libere tenentes), снимая земли по свободному договору у крупныхъ землевладѣльцевъ. Не нужно однако думать, чтобы освобожденные вилланы попали въ это состояніе и въ немъ удержались: *освобождаясь отъ крѣпостной зависимости, крестьяне лишались своихъ земельныхъ участковъ* и превращались въ безземельныхъ батраковъ, работавшихъ уже въ пользу нанимавшихъ ихъ сельскихъ хозяевъ. Обезземеленіе крестьянства въ Англіи идетъ рука объ руку съ двумя важными явленіями въ исторіи поземельныхъ отношеній въ этой странѣ: съ одной стороны, развивается фермерское хозяйство при помощи наемныхъ рабочихъ, съ другой, происходитъ процессъ такъ называемаго огораживанія полей, и оба эти явленія были причинами того, что прекращеніе той юридической связи, какая существовала между вилланомъ и его земельнымъ участкомъ, сопровождалось и фактическимъ открѣпленіемъ крестьянъ отъ земли, превращеніемъ ихъ въ батраковъ, живущихъ наемнымъ трудомъ, т.-е. *образованіемъ сельскаго пролетаріата.* Само собою разумѣется, что процессъ этотъ совершался постепенно, и въ немъ было даже нѣсколько обособленныхъ моментовъ, отдѣленныхъ одинъ отъ другого продолжительными промежутками времени, но сущность дѣла была одна, и въ процессѣ участвовали, съ одной стороны, перемѣны въ системѣ хозяйства въ отдѣльныхъ имѣніяхъ, съ другой—общія законодательныя мѣры, исходившія отъ парламента.

И въ Англіи въ средніе вѣка господствовало соединеніе крупной собственности съ мелкимъ хозяйствомъ. Экономическіе интересы заставляли помѣщиковъ сначала переводить натуральныя повинности крѣпостныхъ, главнымъ образомъ, барщину—на деньги, а потомъ *соединять нѣсколько мелкихъ крестьянскихъ участковъ въ болѣе крупныя фермы, которыя и стали отдаваться въ аренду* предпринимателямъ, обладавшимъ денежными средствами и ведшимъ хозяйство при помощи наемнаго труда. Пока существовалъ барщинный трудъ, помѣщику было выгодно держать на своей землѣ какъ можно больше народа, но потомъ было, наоборотъ, выгоднѣе сокращать число дер-

жателей земли, особенно въ виду того, что крестьяне пользовались правомъ пасти свой скотъ на землѣ помѣщика, а затѣмъ капиталистъ-фермеръ былъ аккуратнѣе въ платежахъ, да и платежи можно было повышать: это было не то что неизмѣнная крестьянская рента. Вытѣсненіе крѣпостной и барщинной обработки земли, т.-е. крестьянскаго и помѣщичьяго хозяйства фермерствомъ было однимъ изъ наиболѣе крупныхъ экономическихъ измѣненій, и въ Англіи, гдѣ оно произошло, конечно, не сразу, а потребовало большого періода времени, процессъ этотъ и раньше начался, и сильнѣе проявился, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы, гдѣ только освобожденіе крѣпостныхъ сопровождалось разрывомъ ихъ старой связи съ землею. Въ Англіи весьма рано появляется и особый классъ такихъ съемщиковъ земли рядомъ съ старыми ея держателями на разныхъ условіяхъ, какія были извѣстны феодальному праву вообще и въ частности прежнимъ англійскимъ законамъ. Этотъ новый классъ (йомены) занялъ посредствующее положеніе между лэндлордомъ и рабочимъ, *доходы съ сельскаго хозяйства стали раздѣляться на ренту*, доходъ землевладѣльца, *на прибыль*, доходъ капиталиста-фермера, и *на рабочую плату*,— *явленіе совершенно неизвѣстное средневѣковому феодальному хозяйству*, но характерное для исторіи новаго времени. Фермерство создало цѣлый классъ людей, бравшихъ землю въ аренду (tenentes ad voluntatem), классъ, отличный и отъ старыхъ фригольдеровъ и такъ называемыхъ копигольдеровъ (copyholders), державшихъ землю по письменному договору (per copiam), замѣнившему прежній крѣпостной обычай. Общій порядокъ превращенія сельскохозяйственныхъ классовъ былъ таковъ: вилланъ дѣлался копигольдеромъ, копигольдеръ—фригольдеромъ, фригольдеръ—фермеромъ. Этому процессу и обязанъ своимъ происхожденіемъ зажиточный классъ йоменовъ (yeomen), большею частью являвшихся изъ городскихъ капиталистовъ. Они дѣлаются мало-по-малу главными сельскими хозяевами, превращая прежнихъ крестьянъ-хозяевъ въ наемныхъ рабочихъ, такъ какъ одна ферма заключала въ себѣ нѣсколько прежнихъ крестьянскихъ участковъ. Это измѣненіе экономическаго быта отразилось на быстрыхъ успѣхахъ земледѣльческой культуры, ибо удалило съ земли классъ, которому наиболѣе было свойственно держаться старинныхъ способовъ обработки земли, и отдало хозяйство въ руки капиталистовъ, имѣвшихъ и интересъ, и возможность довести культуру земли до высокой степени интензивности.

Другая причина обезземеленія крестьянской массы заключалась въ „огораживаніи“ полей. И въ Англіи существовали земли, находившіяся въ общемъ пользованіи отдѣльныхъ деревень. И въ Англіи также былъ обычай, въ силу котораго всѣ изгороди между полями снима-

лись послѣ жатвы для того, чтобы скотъ могъ безпрепятственно пастись по полямъ цѣлой деревни, не исключая и помѣщичьей земли. Фермеры стали нарушать этотъ обычай. Весьма часто ничѣмъ не связанные съ мѣстнымъ населеніемъ, они начали извлекать арендуемыя ими земли изъ общаго пользованія, огораживая ихъ, а помѣщики, желая усилить свои денежныя средства, стали огораживать и часть общинныхъ земель, чтобы отдавать въ аренду и эти выгороженные участки, благодаря чему площадь общинныхъ угодій сильно сокращалась. Была и другая причина, дѣйствовавшая въ томъ же направленіи. Англія въ средніе вѣка весьма выгодно торговала шерстью съ материкомъ Европы, и въ ней поразительно развилось овцеводство, для котораго прямо стало требоваться превращеніе пахотныхъ земель въ пастбища и луга: интересы овцеводства заставляли обводить изгородью луга и поля съ цѣлью ихъ изъятія отъ выпаса осенью, что вызывало часто крестьянскіе безпорядки, сопровождавшіеся разрушеніемъ изгородей.

Открѣпленіе крестьянъ отъ земли сопровождалось переселеніемъ ихъ въ города, гдѣ они искали заработка въ спеціально городскихъ промыслахъ. Это явленіе особенно характеризуетъ соціальную исторію Англіи, гдѣ обезземеленіе народной массы повлекло за собою ея перемѣщеніе въ города, въ коихъ, благодаря этому, постоянно возрастало число свободныхъ рукъ, бывшихъ въ распоряженіи городскихъ промысловъ, т.-е. мануфактуръ и торговли, не говоря уже о томъ, что обширная колонизація отдаленныхъ странъ англичанами въ послѣдующіе вѣка сдѣлалась возможною опять-таки лишь вслѣдствіе обезземеленія массы. Въ томъ же явленіи мы должны видѣть и причину того бродяжничества, противъ коего англійское законодательство принимаетъ въ концѣ среднихъ вѣкомъ весьма суровыя мѣры.

Таковы были перемѣны въ способахъ хозяйства и въ положеніи массы, но перемѣны эти не нанесли ни малѣйшаго ущерба развитію въ Англіи крупнаго землевладѣнія. Напротивъ того, послѣднее въ концѣ XV вѣка было поставлено весьма прочно. Въ самомъ дѣлѣ, земля въ Англіи принадлежала крупными помѣстьями или духовенству и монастырямъ, или лордамъ и рыцарямъ: можно принять, что между духовными и свѣтскими владѣльцами земля раздѣлялась поровну, а изъ того, что приходилось на долю духовенства и монастырей, послѣднимъ принадлежало цѣлыхъ двѣ трети, т.-е. около трети всей поземельной собственности. Даже города не имѣли своей земли: городскія территоріи принадлежали крупнымъ землевладѣльцамъ, и всѣ дома въ городахъ строились на чужой землѣ. Казенныхъ земель въ это время было очень мало, и если въ эпоху войны алой и бѣлой розы побѣдители очень часто прибѣгали къ конфискаціи имѣній по-

бѣжденной стороны, то пріобрѣтаемыя такимъ образомъ помѣстья не удерживались за казною, а расходились по рукамъ лордовъ побѣдившей стороны или раздавались вновь назначеннымъ лордамъ. Мы увидимъ, что то же самое произошло и въ XVI вѣкѣ, когда при Генрихѣ VIII (1509—1547) произошла секуляризація, т.-е. отобраніе въ казну монастырской поземельной собственности: конфискованныя имѣнія и тогда разошлись по рукамъ большею частью крупныхъ землевладѣльцевъ. Ни церковныя помѣстья, ни имѣнія лордовъ не могли дробиться, послѣднія—на основаніи перехода наслѣдства по праву первородства (майоратъ).

Этому сосредоточенію собственности въ рукахъ сравнительно небольшого числа фамилій содѣйствовало разореніе рыцарства, продававшаго свои земли преимущественно лордамъ въ виду того, что долгое время обладаніе рыцарскими помѣстьями было связано съ несеніемъ извѣстныхъ феодальныхъ обязанностей. Причины разоренія рыцарства были довольно разнообразны. Во-первыхъ, постепенная замѣна дарового барщиннаго труда трудомъ наемнымъ при заработной платѣ, обнаруживавшей постоянную тенденцію къ повышенію, дѣлала веденіе хозяйства въ рыцарскихъ имѣніяхъ затруднительнымъ, часто невыгоднымъ. Вторая причина этого разоренія была слѣдующая: хлѣбъ дешевѣлъ вслѣдствіе правительственныхъ запрещеній вывоза его заграницу, а вывозъ шерсти, наоборотъ, поощрялся, такъ что шерсть сдѣлалась главнымъ предметомъ заграничной торговли, и замѣнять хлѣбопашество овцеводствомъ представляло поэтому большую выгоду, но только люди съ значительными денежными средствами, лорды и городскіе капиталисты, могли безъ потрясенія всего своего состоянія переходить отъ одного способа эксплуатаціи поземельной собственности къ другому, конкуррировать съ ними рыцарямъ было не подъ силу, и имъ оставалось продавать свои земли лордамъ и городскимъ капиталистамъ. Замѣчательно, что это сосредоточеніе собственности въ рукахъ лордовъ совпадаетъ съ временемъ ослабленія ихъ политическаго значенія вслѣдствіе междоусобія алой и бѣлой розъ и образованія нѣкоторой соціальной розни. Дѣло въ томъ, что описанный процессъ разорвалъ тѣ старинныя узы, которыя связывали лорда съ его вассалами и фригольдерами, когда вмѣсто прежнихъ „держателей", имѣвшихъ много общихъ интересовъ съ аристократіей и въ общегосударственныхъ дѣлахъ, и въ мѣстной жизни, стали все болѣе и болѣе играть роль фермеры безъ старыхъ традицій, съ интересами, часто враждебными интересамъ лэндлордовъ, весьма часто по этому посылавшіе въ палату общинъ депутатовъ, настроенныхъ по отношенію къ лордамъ не особенно благопріятно. *Между верхней и нижней палатами возникаетъ нѣкоторый антагонизмъ*, и имъ пользуется ко-

ролевская политика преимущественно при Тюдорахъ. Этотъ же антагонизмъ проявляется и въ той великой борьбѣ королевской власти съ парламентомъ, которая разразилась въ XVII столѣтіи. Съ другой стороны, введеніе избирательнаго ценза въ 40 шиллинговъ (какъ мы видѣли, состоявшееся въ 1429 г.) раздѣлило все сельское населеніе Англіи на два класса, свидѣтельствуя о томъ, что прежняя группировка общества по сословіямъ не соотвѣтствовала болѣе распредѣленію въ немъ богатства и благосостоянія. Мы уже раньше познакомились съ процессомъ сліянія старыхъ англійскихъ сословій, теперь мы видимъ еще образованіе экономическихъ классовъ, стоящихъ внѣ ихъ. Въ правящій англійскій классъ, въ то дворянство плутократическаго характера, которое образовалось въ Англіи, нужно включить и высшее духовенство.

XVII. Церковное землевладѣніе [1]).

Политическое и соціальное значеніе духовенства и церковное землевладѣніе.— Три главные вопроса, связанные съ разсмотрѣніемъ этого значенія.—Церковное землевладѣніе и десятина.—Алчность прелатовъ и монастырей.—Причины антагонизма между дворянствомъ и духовенствомъ.—Мысль о секуляризаціи церковной и монастырской собственности.—Нападки на роскошь духовенства.—Новый способъ распоряженія церковными доходами.—Сельское хозяйство на церковныхъ земляхъ.—Демократизмъ низшаго духовенства.—Духовенство и горожане.— Соціальная оппозиція противъ духовенства и ея слѣдствія въ новой исторіи.

На средневѣковое духовное сословіе вмѣстѣ съ монашествомъ можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія по его двоякому положенію въ обществѣ: съ одной стороны, архіепископы, епископы, аббаты, каноники, приходскіе священники и монахи всевозможныхъ орденовъ были соединены въ могучую церковную организацію, имѣвшую своего главу въ папѣ, свое управленіе, свои законы, свои собранія, свои интересы, свои традиціи, какъ организація, отличная отъ свѣтскаго общества и государства и даже поглощавшая въ себѣ отдѣльныя націи и государства, но съ другой, это было одно изъ сословій среди другихъ сословій одной и той же страны, особый чинъ или штатъ, представленный въ государственномъ сеймѣ, пользовавшійся особенными привилегіями, имѣвшій свои собственные интересы и свои традиціи,

---

[1]) *Laurent* L'église et la féodalité (VII т. его Études sur l'histoire de l'humanité).—*Guérard*. Polyptique de l'abbé Jrminon (пролегомены).—*E. Hatch*. Growth of Church institutions.—*Ratzinger*. Geschichte der kirchlichen Armenpflege.—См. во II томѣ сочиненія по исторіи секуляризаціи церковной собственности.

какъ сословіе даннаго государства, т.-е. какъ одна изъ составныхъ его частей. Вотъ съ этой-то политической и соціальной точки зрѣнія мы и разсмотримъ теперь духовенство, оставляя точку зрѣнія церковную до другого времени, но и тутъ нужно сдѣлать одно ограниченіе. *Политическая роль высшаго духовенства мало чѣмъ отличалась отъ политической роли дворянства*, что и позволило намъ не выдѣлять его изъ феодальнаго класса, когда о немъ шла рѣчь. Многіе прелаты добивались положенія владѣтельныхъ князей, всѣ вообще епископы и аббаты были феодальными сеньерами; потомъ они появляются въ сословно-представительныхъ учрежденіяхъ или вмѣстѣ съ свѣтскимъ феодальнымъ сословіемъ (въ палатѣ лордовъ), или составляя особый штатъ или чинъ, который и считается первымъ въ государствѣ. Но въ положеніи духовенства (и между прочимъ въ церковномъ землевладѣніи) были и другія стороны, которыя заставляютъ насъ обратить вниманіе на политическое и соціальное значеніе духовнаго сословія, какъ сословія. Главное, о чемъ будетъ теперь итти рѣчь, сводится къ тремъ основнымъ явленіямъ, характеристичнымъ для разсматриваемой эпохи и тѣсно между собою связаннымъ. Первое явленіе — *антагонизмъ между духовенствомъ и дворянствомъ*, играющій вообще роль въ тогдашнихъ междусословныхъ отношеніяхъ съ ихъ политическими слѣдствіями и въ частности не лишенный значенія въ исторіи реформаціоннаго движенія XVI вѣка. Вторымъ явленіемъ, подлежащимъ разсмотрѣнію, *будетъ измѣненіе хозяйственной системы среднихъ вѣковъ, прежде всего начавшее обнаруживаться на церковныхъ земляхъ и тѣмъ поставившее духовенство въ особое отношеніе къ крестьянству*. Наконецъ, къ этому нужно присоединить третье явленіе, имѣвшее важныя политическія и экономическія слѣдствія въ реформаціонную эпоху, когда въ нѣкоторыхъ государствахъ, въ протестантскихъ княжествахъ Германіи, въ Швеціи, въ Англіи и т. д., *происходила секуляризація, отобраніе государствомъ церковной и монастырской собственности*, возбуждавшей алчныя поползновенія и въ другихъ странахъ. Между прочимъ, мы не поймемъ, напримѣръ, вполнѣ ни того соціальнаго переворота, который совершался въ Англіи въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени, ни общественной стороны религіозной реформаціи, заключающейся между прочимъ и въ сословномъ антагонизмѣ, существовавшемъ между свѣтскими классами общества и духовенствомъ, и въ политикѣ государственной власти по отношенію къ церковному и монастырскому землевладѣнію. Впрочемъ, о секуляризаціи удобнѣе будетъ говорить при изложеніи реформаціонной эпохи; то, о чемъ будетъ итти рѣчь дальше, могло бы быть озаглавлено такъ: 1) духовенство и дворянство и 2) духовенство и крестьяне.

Въ средніе вѣка церковь, какъ мы видѣли раньше, также подверглась процессу феодализаціи, т.-е. духовенство и монастыри заняли въ обществѣ то же мѣсто, что и другіе крупные землевладѣльцы, и притомъ съ тѣми же правами, какія вообще давало землевладѣніе: они сдѣлались феодальными сеньерами, вассалами королей и князей, господами по отношенію къ народной массѣ. *Церковное землевладѣніе, существовавшее уже въ Римской имперіи, сильно развилось въ средніе вѣка,* и если бы обогащеніе духовенства и монастырей поземельною собственностью шло безъ всякихъ препятствій, то церковь могла бы сдѣлаться единственнымъ собственникомъ земли: такъ велики были пространства ея владѣній. Эти обширныя земли составлялись и изъ мелкихъ участковъ, отдававшихся церкви собственниками, которые искали у нея защиты и получали отъ нея обратно свои участки на правахъ зависимаго владѣнія,—составлялись и изъ крупныхъ дареній со стороны королей, для которыхъ во многихъ отношеніяхъ выгоднѣе было имѣть вассалами епископовъ и аббатовъ, чѣмъ свѣтскихъ бароновъ,—составлялись, наконецъ, и изъ пожертвованій, какія дѣлались ради спасенія души самими феодальными сеньерами, отдѣлявшими церкви часть своихъ земель. Съ точностью, конечно, нельзя сказать, какъ велики были церковныя владѣнія сравнительно съ доменами короны и свѣтскими сеньеріями, но можно смѣло утверждать, что, по крайней мѣрѣ, треть всей поземельной собственности была въ рукахъ прелатовъ и монастырей, а иногда и больше того, напримѣръ, цѣлая половина (Англія). Притомъ земли духовенства въ общемъ могли только приращаться: ихъ отчужденіе было немыслимо въ силу юридическаго правила, по которому церковь могла только брать, но не имѣла права отдавать, а кромѣ того, для церковныхъ земель не существовало и того раздробленія собственности, которое было возможно среди свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Съ другой стороны, духовныя лица имѣли доходы—и нужно сказать, значительные доходы—и помимо того, что давали феодальное землевладѣніе и крестьянскіе оброки: между этими доходами самое важное мѣсто принадлежитъ единственному всеобщему налогу, взимавшемуся въ пользу церкви со всѣхъ земель, именно такъ называемой десятинѣ, которую уплачивали всѣ землевладѣльцы, причемъ только часть ея шла на содержаніе низшаго клира и благотворительность, а другая часть доставалась и безъ того богатымъ прелатамъ. Понятно, что церковь была очень богата, и что доходы ея въ общемъ превышали доходы дворянства. Къ этому нужно прибавить, что духовенство оказалось болѣе умѣлымъ въ веденіи сельскаго хозяйства, болѣе бережливымъ по отношенію къ своимъ доходамъ, менѣе расточительнымъ въ своихъ расходахъ, однимъ словомъ, было экономнѣе дворянства, а избытокъ своихъ средствъ

церковь тратила на раздачу бѣднымъ, особенно въ годины бѣдствій и неурожая, когда открывались ея запасные магазины, и даже въ обыкновенное время, такъ какъ монастырь былъ всегда готовымъ кровомъ для безпріютныхъ и обнищавшихъ, что придавало особое соціальное значеніе церкви, какъ великому благотворительному учрежденію.

Но эта благотворительная дѣятельность духовенства и монастырей развивалась только до поры до времени. Въ XIV и XV вв. общій голосъ обвинялъ церковь въ „порчѣ", и мы еще увидимъ, какое важное историческое значеніе вообще принадлежитъ этому факту; въ тѣхъ же отношеніяхъ, которыя мы теперь разсматриваемъ, *порча проявилась въ алчности прелатовъ, въ ихъ любостяжаніи, въ ихъ отказѣ употреблять на бѣдныхъ избытки своихъ доходовъ*. Общее искаженіе, какому подверглись въ концѣ среднихъ вѣковъ церковныя учрежденія Запада, вызвало противъ духовенства и монашества оппозицію съ весьма различныхъ сторонъ, и между другими видами оппозиціи немаловажное мѣсто занимаетъ оппозиція соціальная. Общимъ ея лозунгомъ были жалобы на алчность и праздность клира, но каждое сословіе по-своему понимало то, на что жаловалось весьма часто въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ. Не касаясь здѣсь городского населенія, о которомъ рѣчь будетъ итти еще впереди, мы видимъ, что у дворянства въ жалобахъ на любостяжаніе духовенства и монастырей звучитъ прямо нота завистливаго чувства, какое возбуждалось въ этомъ сословіи при видѣ богатства церкви, тогда какъ крестьянинъ жалуется на несправедливости, притѣсненія и обиды, какія чинили ему духовные въ качествѣ землевладѣльцевъ.

И такъ, *церковное землевладѣніе возбуждало въ дворянствѣ завистливое чувство*, хотя это была не единственная причина неудовольствія свѣтской аристократіи противъ аристократіи духовной. Духовные пользовались десятиною, которая падала одинаково и на дворянскія, и на крестьянскія хозяйства, нерѣдко вызывая разнаго рода столкновенія между сборщиками десятины и плательщиками. Съ этой стороны весьма любопытны споры, происходившіе въ теченіе двухъ столѣтій между польскою шляхтою и духовенствомъ, любопытны именно тѣмъ, что, начавшись еще въ XIV вѣкѣ, они достигли наибольшей силы въ серединѣ XVI вѣка, когда на сеймахъ происходила сильная борьба между рыцарствомъ и епископами, причемъ рыцарская оппозиція шла подъ знаменемъ протестантизма. Въ этой же борьбѣ видную роль игралъ и вопросъ о церковныхъ судахъ, въ коихъ шляхта видѣла нарушеніе своего права судиться только земскимъ судомъ и по земскому праву, и та же самая причина неудовольствія противъ духовенства существовала и въ другихъ странахъ,

напримѣръ, въ Англіи, гдѣ въ началѣ XVI в. надѣлало большого шума присужденіе лорда Серрея къ церковному наказанію за несоблюденіе поста. Наконецъ, во многихъ странахъ дворянство недовольно было финансовыми привилегіями духовенства. Общимъ мнѣніемъ было то, что духовенство служитъ королю своими молитвами, дворянство—проливаемою на войнѣ кровью, а народъ—физическимъ трудомъ, но дворянство не особенно дружелюбно относилось къ такой службѣ духовенства тамъ, гдѣ само оно должно было платить или служить, а духовенство сумѣло создать для себя разныя изъятія. Таковы были въ общихъ чертахъ причины антагонизма, существовавшаго въ разныхъ государствахъ Европы,—и притомъ гдѣ больше, гдѣ меньше,—между дворянствомъ и духовенствомъ, но среди этихъ причинъ несомнѣнно первенствующее значеніе принадлежитъ тому отношенію, въ какое стало дворянство къ церковному землевладѣнію. Богатства духовенства и монастырей, слишкомъ сильно бросающееся въ глаза противорѣчіе между ихъ алчностью и идеаломъ евангельской бѣдности, вызывали противъ церковнаго землевладѣнія моральный протестъ въ предшественникахъ реформаціи, и уже намѣчались взгляды на этотъ предметъ, которые должны были создать и особую политическую точку зрѣнія на церковное землевладѣніе, позволившую въ XVI в. произвести секуляризацію церковной собственности, но разъ подрывался самый принципъ духовнаго и монашескаго землевладѣнія, тѣмъ менѣе могло быть сдержекъ для того чувства, какимъ проникались дворяне при зрѣлищѣ экономической мощи прелатовъ и монастырей. Вмѣстѣ съ этимъ дворянство, переживавшее въ нѣкоторыхъ странахъ тяжелый хозяйственный кризисъ, не могло не видѣть, что его обѣднѣніе находилось въ прямой связи съ обогащеніемъ церкви, такъ какъ многія церковныя земли были когда-то дворянскими, перешедшими въ руки церковныхъ лицъ путемъ даренія, большею частью посмертнаго, для спасенія души. Въ Англіи, напримѣръ, еще при Генрихѣ IV парламентъ представлялъ королю ходатайство на счетъ конфискаціи свѣтскихъ владѣній, церквей и монастырей, и одной изъ причинъ популярности ученія Виклифа было его воззваніе къ отобранію церковныхъ имуществъ, причемъ землевладѣльческій классъ не скрывалъ своего стремленія поживиться на счетъ отобранныхъ имѣній. Въ 1410 г. рыцари графствъ прямо предложили королю и лордамъ конфисковать церковную и монастырскую собственность частью для обогащенія казны, частью для увеличенія численности знати и рыцарства, и равнымъ образомъ въ трактатахъ, приписываемыхъ самому Виклифу или его ученикамъ, выставляется на видъ, что конфискація владѣній клира и монастырей была бы только возвращеніемъ этихъ имѣній къ ихъ первоначальному назначенію слу-

жить постояннымъ фондомъ для вознагражденія служилаго сословія. Въ XVI вѣкѣ аналогичные мотивы въ пользу секуляризаціи проводятъ такіе члены рыцарскаго сословія въ Германіи, какъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и Францъ фонъ-Зиккингенъ. Польская протестантская шляхта въ серединѣ XVI в. точно также указываетъ на церковныя земли, какъ на фондъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, и въ то же время возникаетъ подобная же мысль и во Франціи, гдѣ предполагалось употреблять средства съ церковныхъ земель на воспитаніе неимущей молодежи. Мысль эта не была совершенно нова, ибо то же самое происходило во французскомъ королевствѣ при послѣднихъ Меровингахъ, когда церковная собственность служила средствомъ для надѣленія бенефиціями служилыхъ людей королевства.

Само собою разумѣется, что все сказанное относится главнымъ образомъ, если не исключительно даже, къ высшему клиру, въ экономическомъ отношеніи рѣзко отличавшемуся отъ низшаго духовенства. Громадныя богатства, сосредоточенныя въ распоряженіи епископовъ, аббатовъ, канониковъ, давали имъ возможность вести роскошный образъ жизни: о такомъ образѣ жизни свидѣтельствуетъ и развитая въ XIV и XV вв. сатира, и развивающіяся въ это же время моральныя обличенія предшественниковъ реформаціи, и чисто объективныя описанія быта духовныхъ лицъ, дошедшія отъ этой эпохи. Эта роскошь бросалась въ глаза, и было тутъ чему позавидовать и не для однихъ обѣднѣвшихъ рыцарей. Насмѣшки и обличенія, направленныя на алчность и роскошь служителей алтаря, находили сочувственный пріемъ и въ народной массѣ: церковное богатство создавалось и на ея счетъ, ибо хозяйничанье духовенства въ своихъ владѣніяхъ было именно такого рода, что крестьяне, жившіе на его земляхъ и отъ него зависѣвшіе, чувствовали на себѣ особую тяготу. Въ болѣе отдаленныя времена церковные сервы находились, такъ сказать, въ привилегированномъ положеніи: съ ними ихъ духовные сеньеры и мягче обращались, и менѣе ихъ эксплуатировали. Владѣнія епископовъ, капитуловъ и монастырей были обширны, доходы, состоявшіе преимущественно изъ естественныхъ продуктовъ, весьма значительны, запасные магазины не пустовали, а при неразвитости денежнаго хозяйства ихъ некуда было и сбывать: оставалось кормить бѣдныхъ, которыхъ бывало немало при средневѣковыхъ неурожаяхъ и военныхъ разореніяхъ. Но времена измѣнились, натуральное хозяйство стало уступать мѣсто хозяйству денежному,—явленіе, на которомъ мы еще остановимся,—и та же самая причина, отъ коей зависѣлъ уже извѣстный намъ переводъ барщинныхъ повинностей на денежный оброкъ въ Англіи, оказала вліяніе и на тотъ способъ, какимъ прелаты распоряжались своими доходами: на есте-

ственные продукты, накоплявшiеся въ амбарахъ церковныхъ помѣстiй, явился спросъ, ихъ можно было продавать за деньги и за деньги же многое можно было купить, т.-е для избытковъ нашлось новое употребленiе, шедшее въ разрѣзъ и съ тою цѣлью, ради которой существовали земельная собственность церкви, десятина, эти достоянiя бѣдныхъ, и съ прежними обычаями, и съ требованiями, предъявлявшимися со стороны моралистовъ, публицистовъ, сатириковъ и самого народа, но за то вполнѣ соотвѣтствовавшее коммерческому духу времени. Превращая въ деньги свои доходы и тратя деньги на роскошный образъ жизни, прелаты имѣли и тутъ избытокъ, превышенiе доходовъ надъ расходами: духовенство начинаетъ ссужать деньги, и, напримѣръ, въ Англiи около 1470 года въ обезпеченiе королевскаго долга вестминстерскому аббатству была отдана корона, которую пришлось выкупать для того, чтобы возможно было ее отослать во Францiю ко дню предстоящей коронацiи.

При такомъ направленiи, овладѣвавшемъ духовенствомъ, весьма было естественно, что и въ пользованiи своими землями оно *заводило порядки, существеннымъ образомъ измѣнявшiе положенiе массы и ея отношенiе къ обрабатывавшейся ею почвѣ*. Мы познакомились уже съ экономическимъ процессомъ, происходившимъ въ Англiи въ концѣ среднихъ вѣковъ, но не оттѣнили того факта, что въ этомъ процессѣ обезземеленiя крестьянъ играло роль и веденiе хозяйства на земляхъ принадлежавшихъ церкви. Этотъ послѣднiй фактъ стоитъ въ тѣсной связи съ тѣмъ, какъ вообще извлекало духовенство доходы изъ своихъ земельныхъ владѣнiй.

Духовная сеньерiя въ общемъ была устроена такъ же, какъ и свѣтская: земли было много, но только часть ея обрабатывалась собственными средствами, скажемъ, напримѣръ, монастыря, разумѣя подъ этими средствами, понятное дѣло, барщинный трудъ, коимъ были обязаны сервы, т.-е. только часть территорiи была подъ собственнымъ хозяйствомъ монастыря, ибо другую часть составляли мелкiя крестьянскiя держанiя, на коихъ велись самостоятельныя мелкiя хозяйства и съ коихъ монастырь получалъ оброки. Все различiе между свѣтскимъ и духовнымъ помѣстьемъ могло заключаться и въ количествѣ земли, какое оставлялось сеньеромъ для собственнаго хозяйства, и въ качествѣ самаго хозяйства. Не будетъ ошибкой сказать, что въ общемъ впервые помѣщичье хозяйство, какъ таковое, и въ количественномъ, и въ качественномъ отношенiяхъ развивается на церковныхъ, въ частности на монастырскихъ земляхъ, а помѣщичье хозяйство было прототипомъ позднѣйшаго хозяйства фермерскаго. И впослѣдствiи духовенство не отставало до поры до времени—отъ общаго движенiя въ этой области, а иногда и опережало свѣтскихъ

землевладѣльцевъ. Такъ какъ экономическій процессъ вытѣсненія мелкаго крестьянскаго хозяйства (Англія) или обремененія поселянъ новыми повинностями (Германія) весьма тяжело отзывался на матеріальномъ быту народной массы, то для насъ понятно и озлобленіе, какое вызываютъ противъ себя духовные и монахи,—разумѣется, когда они дѣйствуютъ въ направленіи этого процесса. Выше уже было отмѣчено, что въ Англіи помѣщики стали предпочитать овцеводство земледѣлію, и въ этомъ дѣлѣ, повидимому, иниціаторами (а если и не иниціаторами, то во всякомъ случаѣ весьма ранними дѣятелями) были монастыри, такъ какъ аббаты имѣли обыкновеніе оставлять въ личномъ завѣдываніи цѣлыя помѣстья, прилегавшія къ монастырю, а извѣстно, какъ это отразилось на народномъ быту, особенно въ XVI вѣкѣ. Въ XVI в. Томасъ Морусъ жаловался на овецъ, сживавшихъ съ земли цѣлыя селенія, а въ числѣ лицъ, которыя превращаютъ свои земли въ огороженныя пастбища, называлъ и аббатовъ. Въ другихъ отношеніяхъ духовенство, когда это было выгодно, упорно стояло за старину, и напримѣръ во Франціи передъ революціей 1789 года настоящіе сервы существовали главнымъ образомъ на земляхъ духовенства. Не малую причину народнаго неудовольствія противъ духовенства по поводу отношеній чисто экономическихъ составляла также десятина, при сборѣ которой допускались разныя несправедливости и притѣсненія.

Въ той народной оппозиціи клиру и монастырямъ, съ какою мы встрѣчаемся въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени, весьма часто ея вождями и истолкователями дѣлаются члены низшаго духовенства, обездоленные и загнанные. Во время крестьянскихъ волненій въ Англіи во второй половинѣ XIV в. на сторонѣ крестьянъ стояли такіе проповѣдники, какъ раньше упоминавшійся Балль, но онъ былъ не единственный проповѣдникъ въ томъ же направленіи изъ низшаго духовенства. И во Франціи во время выборовъ въ генеральные штаты 1789 г. сельскіе священники были близкіе народу люди, демократически настроенные, дѣйствовавшіе въ духѣ политическихъ и общественныхъ идей того времени.

Въ особыя отношенія становилось духовенство къ горожанамъ въ разныя эпохи среднихъ вѣковъ. Было время, когда епископы были сеньерами въ городахъ, но коммунальная революція освободила многіе города отъ ихъ власти. Затѣмъ возникли совершенно новыя отношенія, когда городское начальство стало обнаруживать стремленіе подчинить мѣстное духовенство установленнымъ въ городѣ порядкамъ, а послѣднее противилось этому, и въ малыхъ размѣрахъ разыгрывалась на малыхъ территоріяхъ своего рода борьба церкви съ государствомъ, принимавшая подчасъ весьма острый характеръ, когда,

напримѣръ, духовенство пользовалось своимъ орудіемъ отлученія, а городское начальство запрещало продавать духовнымъ съѣстные припасы: одною изъ причинъ такихъ столкновеній было нежеланіе клира что-либо уплачивать въ городскую казну съ недвижимостей своей собственности.

Указаніе на эти отношенія можетъ служить переходомъ къ изображенію соціальнаго быта городовъ. Мы познакомились съ исторіей землевладѣльческихъ и земледѣльческихъ классовъ, къ коимъ принадлежало и духовенство, какъ сословіе, распоряжавшееся громадною недвижимою собственностью, и между иными явленіями, характеризующими эту исторію, было отмѣчено то обстоятельство, что въ области сельскаго хозяйства въ эту эпоху замѣчался переходъ отъ натуральной системы къ денежной, и что духовенство въ этомъ отношеніи не отставало отъ свѣтскихъ землевладѣльцевъ. Мы увидимъ теперь, что настоящимъ мѣстомъ, гдѣ развивалось и росло денежное хозяйство, былъ промышленный и торговый городъ. Но прежде нежели перейти къ разсмотрѣнію соціальной исторіи городскихъ классовъ, мы не можемъ обойти здѣсь молчаніемъ, что указанная *оппозиція духовенству со стороны дворянъ, горожанъ и крестьянъ, оппозиція, имѣвшая чисто экономическую подкладку, оказала свое дѣйствіе, когда былъ поставленъ вопросъ о реформѣ церкви*, и что этимъ подготовленъ былъ тотъ переворотъ, который вычеркнулъ духовенство въ странахъ, принявшихъ протестантизмъ, изъ числа землевладѣльческихъ классовъ, причемъ недвижимыя имущества церкви пошли на усиленіе государственныхъ средствъ и свѣтскаго землевладѣльческаго сословія. Въ этомъ состояла одна изъ важнѣйшихъ сторонъ религіозной реформаціи XVI вѣка, разсматриваемой съ точки зрѣнія политической и соціальной. Только въ государствахъ, оставшихся вѣрными католицизму, духовенство сохранило за собою свои земли и сеньерьяльныя права, связанныя съ землевладѣніемъ, но и здѣсь наступила пора, когда новое государство наложило свою руку на недвижимую собственность клира, и тутъ самымъ важнымъ моментомъ была французская революція. Отобраніе у клира и монастырей тѣхъ имѣній, коими они владѣли, было какъ бы насильственнымъ разрывомъ между церковью и тѣми феодальными отношеніями, какія продолжали у нея существовать съ той поры, когда прелаты были феодальными сеньерами, и въ этомъ отношеніи оно имѣло важное историческое значеніе: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ проявленій наступившей въ концѣ среднихъ вѣковъ дефеодализаціи политическаго быта, и какъ мы увидимъ, силою, нанесшею ударъ церковному землевладѣнію, было государство, въ данномъ случаѣ рѣшившееся на весьма крутую мѣру ради своего обогащенія и награжденія своихъ

союзниковъ въ борьбѣ съ церковью, господство коей надъ государствомъ вообще поколебалось къ концу среднихъ вѣковъ. Можно сказать, что въ XV и XVI столѣтіяхъ церковное землевладѣніе было осуждено въ принципѣ, вызывало противъ себя оппозицію и со стороны дворянства, и со стороны народа, и государству легко было тамъ, гдѣ для него это было нужно, расторгнуть связь церковной организаціи съ остатками феодализма.

XVIII. Цеховое устройство промышленности [1]).

Экономическій партикуляризмъ феодальнаго и муниципальнаго быта.—Зарожденіе денежнаго хозяйства.—Мелкое производство.—Цеховая организація.—Происхожденіе и политическое значеніе цеховъ.—Цеховая монополія и регламентація производства.—Работа на мѣстный рынокъ.—Разладъ между подмастерьями и мастерами.—Разложеніе цеховой жизни извнѣ.—Народное недовольство въ городахъ.

Феодальная организація хозяйственнаго быта въ одномъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствовала феодальной организаціи быта политическаго: и тотъ, и другой были бытомъ обособленныхъ одна отъ другой территорій, обособленныхъ одна отъ другой группъ населенія,— обособленныхъ именно и политически, и экономически. И феодальная сеньерія, державшаяся натуральными повинностями и службами своего населенія, и крестьянскія общины, владѣвшія, какъ мы видѣли, лѣсами, пастбищами и водами, хотя и въ зависимости отъ сеньера, были общественными союзами, внутри которыхъ и совершался весь процессъ производства въ эпоху полнаго господства феодализма. Матеріальная жизнь членовъ крестьянской общины удовлетворялась тѣми продуктами, которые добывались ихъ трудомъ на ихъ землѣ, т.-е. имъ нечего было покупать, да и продавать было некуда; почти то же самое можно сказать и о сеньерѣ, жившемъ натуральными оброками своихъ крестьянъ, содержавшемъ на эти оброки многочи-

---

[1]) *Levasseur.* Histoire des classes ouvrières en France.—*Faigniez.* Histoire de l'industrie à Paris aux XII—XIII s.—*Wilda.* Das Gildenwesen im Mittelalter.—*Arnold.* Das Aufkommen des Handwerkstandes im Mittelalter.—*Neuberg.* Zunftgerichtsbarkeit und Zunftverfassung in der Zeit von XIII bis XVI Jahrh.—*Schönberg.* Zur wirthschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter.—*Gierke.* Das deutsche Genossenschaftsrecht.—*Schanz.* Gesellverbände.—*Schmoller.* Strassburg zur Zeit der Zunftkämpfe.—Strassburger Tucher- und Weber-Zunft.—*Ch. Gross.* The gild merchant.—*J. Malet Lambert.* Two thusand years of gild life.—*Магаймъ.* Профессіональные рабочіе союзы.—Соч. *Эшли* и *Охенковскаго*, указанныя на стр. 147—148. Промышленность (рус. пер. статей изъ Handwörterbuch der Staatswissenschaften).

слепную дворню, среди коей были и ремесленники, изготовлявшіе все необходимое для жителей замка, т.-е. платье, домашнюю утварь, вооруженіе и т. п., хотя, конечно, сеньеру кое-что приходилось добывать и на сторонѣ. Обособленность характеризуетъ и городской бытъ въ средніе вѣка. Эпоха образованія варварскихъ государствъ была временемъ обезлюденія городовъ и паденія торговли, но и потомъ, когда съ развитіемъ экономической жизни оживились городскіе промыслы, ими опять-таки главнымъ образомъ удовлетворялись мѣстныя потребности, даже тогда, когда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались торговые пункты, бывшіе центрами болѣе обширныхъ районовъ. Освобожденіе городовъ, бывшее результатомъ уже нѣкотораго экономическаго развитія, въ свою очередь содѣйствовало подъему ихъ хозяйственнаго быта: въ городахъ впервые осуществился свободный трудъ, трудъ ремесленниковъ, вышедшихъ изъ служебныхъ отношеній къ феодальнымъ сеньерамъ, и города сдѣлались мѣстами, гдѣ ремесленники, служившіе раньше господамъ въ замкахъ, могли работать на себя, т.-е. заработывать хлѣбъ продажей своихъ произведеній и городскому населенію, и феодальнымъ сеньерамъ прилегавшей къ городу территоріи, въ то же время покупая хлѣбъ у сельскихъ хозяевъ. Такимъ образомъ началось экономическое взаимодѣйствіе между городомъ и окружавшими его феодальными помѣстьями съ крестьянскими общинами, входившими въ ихъ составъ, и на почвѣ этого взаимодѣйствія *зародилось денежное хозяйство, чуждое экономической сторонѣ феодализма*. Мы уже видѣли, что къ концу среднихъ вѣковъ оно сдѣлало даже успѣхи въ сельскомъ быту: сюда мы должны отнести и переложеніе крестьянскихъ оброковъ и службъ на деньги, и отдачу земель въ наемъ за деньги же, и появленіе сельскихъ рабочихъ, живущихъ наемнымъ трудомъ, и начало фермерской обработки земли, требовавшей приложенія денежнаго капитала, и продажу монастырями сельско-хозяйственныхъ избытковъ, и обращеніе въ Англіи пахотныхъ земель въ пастбища для овецъ, дававшихъ шерсть для продажи,—все такія, уже извѣстныя намъ явленія, которыя указываютъ на возникновеніе въ сельской жизни новыхъ началъ, совершенно отличныхъ отъ соотвѣтствовавшей самому существу феодальнаго хозяйства системы. Но настоящіе успѣхи денежное хозяйство сдѣлало къ концу среднихъ вѣковъ въ городахъ: въ нихъ появляется денежный капиталъ, появляются капиталисты, а ихъ появленіе должно было подѣйствовать разлагающимъ образомъ и на феодальный бытъ. Тою дѣятельностью, которая создавала въ городахъ крупныя состоянія и классъ, получившій впослѣдствіи названіе буржуазіи въ болѣе узкомъ смыслѣ, была въ исходѣ среднихъ вѣковъ торговля, т.-е. классъ капиталистовъ состоялъ главнымъ обра-

зомъ изъ купцовъ, тогда какъ промышленность продолжала еще жить чисто средневѣковой формой мелкаго производства, расчитаннаго на мѣстный сбытъ, хотя бы и здѣсь уже замѣчалась нѣкоторая перемѣна въ смыслѣ захвата капитализмомъ и обработывающей промышленности.

Существуетъ аналогія въ средніе вѣка между хозяйствомъ въ деревнѣ и въ городѣ: сельское хозяйство было въ рукахъ крестьянъ, сидѣвшихъ на мелкихъ участкахъ, и только къ концу среднихъ вѣковъ эта форма пользованія землею начинаетъ (да и то не повсемѣстно) замѣняться фермерствомъ, при которомъ хозяинъ-капиталистъ велъ свое дѣло руками наемныхъ рабочихъ. Въ промышленномъ быту фермерству впослѣдствіи соотвѣтствовала (въ экономическомъ смыслѣ, разумѣется) мануфактура: и здѣсь былъ предприниматель, обладавшій капиталомъ, и были наемные рабочіе. Развитіе мануфактуръ принадлежитъ уже новому времени, *а средневѣковая промышленная жизнь отмѣчается, какъ характернымъ своимъ признакомъ, преобладаніемъ мелкаго производства*, находившимся въ рукахъ хозяевъ-ремесленниковъ. Эта черта проявляется главнымъ образомъ въ цеховой организаціи городскихъ промысловъ.

Не входя въ подробности, можно такъ представить себѣ цеховое устройство и его значеніе, причемъ мы будемъ имѣть въ виду главнымъ образомъ цехъ нѣмецкій. Въ каждомъ городѣ ремесленники группировались въ цехи, т.-е. въ союзы представителей одного и того же ремесла: цехъ установлялъ между ними солидарность и *не давалъ возникнуть крупному производству*, такъ какъ ремесла были въ рукахъ нѣсколькихъ мелкихъ хозяевъ (мастеровъ, Meister, maître) съ ихъ младшими товарищами (подмастерьями, Geselle, compagnon) и учениками (Lehrling, apprenti), и цеховые уставы ограничивали число подмастерьевъ и учениковъ у одного и того же мастера, такъ что послѣднему невозможно было въ рамкахъ, налагавшихся на его дѣятельность цехомъ, расширить свое производство, а потому и доходы всѣхъ мастеровъ были болѣе или менѣе одинаковы. Это была одна сторона цеховой организаціи, выгодная для рабочаго люда. Другая выгода этого устройства заключалась въ томъ, что въ цехѣ долженъ былъ работать каждый, и не было рѣзкой границы между хозяиномъ и его рабочими, такъ какъ работалъ и самъ мастеръ, а его рабочіе могли безъ особаго труда сдѣлаться сами мастерами. Хотя только мастеръ былъ полноправнымъ членомъ цеха, но мастеромъ могъ сдѣлаться тотъ, кто самъ былъ раньше ученикомъ и подмастерьемъ, а съ другой стороны, *цеховое устройство ставило рабочаго лишь временно въ положеніе наймита*, *открывая каждому доступъ къ званію мастера*, т.-е. къ возможности самому сдѣлаться

хозяиномъ. Дѣло происходило такъ. Ученикъ поступалъ въ выучку къ мастеру на опредѣленный срокъ, по прошествіи коего мастеръ представлялъ цеху доказательства умѣлости ученика въ данномъ ремеслѣ, и цехъ возводилъ его въ званіе подмастерья. Подмастерье уже получалъ плату за свой трудъ и могъ мѣнять хозяевъ, оставаясь однако въ зависимости отъ цеха, какъ его неполноправный членъ. Чтобы сдѣлаться мастеромъ, онъ долженъ былъ выдержать испытаніе въ ремеслѣ, и результаты этого испытанія разсматривались въ коммиссіи мастеровъ цеха. Вновь принятый мастеръ получалъ право работать самостоятельно и участвовать въ цеховыхъ собраніяхъ. На мастера цехъ налагалъ и извѣстныя обязанности, опредѣлявшіяся уставомъ: между прочимъ цеховой статутъ установлялъ и подробности самаго производства, въ силу чего цехъ контролировалъ доброкачественность товара, производившагося его членами, и чинилъ судъ надъ тѣми, которые отступали отъ устава. Контролемъ своимъ *цехъ ограждалъ интересы потребителей, для которыхъ было выгодно и непосредственное соприкосновеніе съ производителями*, такъ какъ между тѣми и другими не было перекупщиковъ, создавшихъ свое благополучіе на дешевой куплѣ товара у однихъ и на дорогой его продажѣ другимъ. Техника производства страдала отъ мелочной регламентаціи ремеслъ цеховыми уставами, и мелкое производство (какъ и мелкое хозяйство) вообще было менѣе способно къ техническимъ улучшеніямъ, но за то цехи давали ремесленному классу организацію, при которой орудія производства не были отдѣлены отъ представителей труда. Не принадлежа къ цеху, не подчиняясь его уставу, никто не могъ заниматься ремесломъ; заниматься имъ имѣлъ право лишь тотъ, кто умѣлъ самъ работать; ограниченное число рабочихъ въ каждомъ отдѣльномъ заведеніи ограждало многія мелкія производства отъ поглощенія однимъ крупнымъ, и въ томъ же направленіи дѣйствовало—подчасъ, правда, вредное для техническихъ успѣховъ—строгое отграниченіе близкихъ одно отъ другого ремеслъ, ибо дѣлало невозможнымъ крупное предпріятіе, требовавшее соединенія подъ однимъ управленіемъ нѣсколькихъ спеціальностей. Цеховое устройство, разсчитанное на непосредственный сбытъ хозяевами мелкихъ ремесленныхъ заведеній на мѣстномъ рынкѣ, было съ этой стороны продуктомъ экономическаго партикуляризма, о которомъ было сказано выше, а торговля между отдѣльными городами и странами Европы и съ отдаленнымъ Востокомъ, создававшая для экономическаго оборота болѣе обширную арену, чѣмъ городъ съ его маленькимъ рыночнымъ райономъ,—торговля, вносившая начала денежнаго хозяйства и въ промышленность, была какъ разъ тѣмъ факторомъ, который дѣйствовалъ разлагающимъ образомъ на цеховую организацію.

Такова была въ общихъ и существенныхъ чертахъ эта организація, процвѣтавшая въ исходѣ среднихъ вѣковъ, но уже и начинавшая тогда же обнаруживать признаки будущаго паденія. Прежде нежели, однако, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію этихъ признаковъ, остановимся еще нѣсколько на самомъ устройствѣ цеха, чтобы понять его происхожденіе, оцѣнить его политическую роль въ городской жизни и дополнить нѣсколькими подробностями то общее о немъ представленіе какое дано выше. Ограничимся во всемъ этомъ однимъ самымъ необходимымъ и характернымъ.

Кромѣ экономической стороны, которую мы нарочно выдвигаемъ на первый планъ, цехи имѣли еще значеніе благотворительныхъ учрежденій и политическихъ союзовъ. Первымъ моментомъ въ ихъ образованіи было религіозное соединеніе рабочихъ одного и того же ремесла: они выбирали себѣ въ патроны того или другого святого, изображеніе коего ставили въ церкви, устраивая праздникъ въ день его памяти; такимъ покровителемъ плотниковъ былъ, напр., св. Іосифъ. Значеніе такого союза было благотворительное: изъ общихъ взносовъ составлялась касса для помощи заболѣвшимъ или впавшимъ въ какое-либо бѣдствіе товарищамъ. Монополизація ремесла присоединилась позднѣе къ этимъ товарищескимъ общеніямъ, выросшимъ подъ сѣнью церкви; а источниками этой монополизаціи могли быть или собственные интересы участниковъ, или право сеньеровъ отдавать на откупъ извѣстныя ремесла. Въ послѣднемъ случаѣ цеховая монополія прямо развивается на почвѣ сеньерьяльныхъ правъ феодальнаго владѣльца. Во Франціи, напр., гдѣ города были дольше въ феодальной зависимости, цехи получали свои права нерѣдко отъ сеньеровъ, позволявшихъ довольно часто заниматься извѣстнымъ промысломъ только лицамъ, взявшимъ у нихъ это право на откупъ. Даже въ деревняхъ, какъ мы видѣли, существовали монополіи, обозначавшіяся названіемъ баналитетовъ въ родѣ баналитета печи, въ силу котораго только арендаторъ сеньерьяльной банальной печи имѣлъ право печь хлѣбъ. Но каково бы ни было происхожденіе цеховъ, какъ товарищескихъ союзовъ съ монопольными правами, они *получали и политическое значеніе* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда представляли изъ себя организацію рабочаго класса въ борьбѣ съ городскимъ патриціатомъ. Въ свое время нами было отмѣчено, что въ городахъ образовались два различные класса, изъ коихъ только одинъ пользовался полными правами гражданства, замкнувшагося, благодаря этому, въ ограниченное число фамилій. Притомъ въ силу общаго строя средневѣковой жизни, требовавшаго, чтобы каждый человѣкъ былъ, такъ сказать, привязанъ или къ землѣ (крѣпостничество), или къ другому человѣку (вассалитетъ), или къ какой нибудь общинѣ либо корпораціи,

для пользованія гражданскими правами недостаточно было простой осѣдлости или уплаты городскихъ налоговъ, а нужно было принадлежать къ какой-либо гильдіи или цеху, представлявшимъ изъ себя въ городской жизни своего рода административныя и судебныя единицы. Эта-то организація и дозволила ремесленникамъ добиваться права участвовать въ городскомъ управленіи путемъ борьбы, составляющей одну изъ интересныхъ страницъ въ исторіи, напр., нѣмецкихъ городовъ (съ XIV в.). Во время этой борьбы цеховъ съ городскими совѣтами, состоявшими изъ членовъ купеческихъ гильдій, мастера особенно заботились о поддержаніи хорошихъ отношеній съ подмастерьями и учениками, давали имъ разныя льготы. Весьма часто ремесленники побѣждали, и результатомъ этого бывало допущеніе цеховыхъ представителей въ городское управленіе: можно сказать, что цехи воспитывали низшій классъ городского населенія для общественной жизни. Мало того: въ безправныя времена, когда отдѣльная личность ради защиты своей должна была становиться подъ покровительство какого-либо сильнаго человѣка, цехъ представлялъ собою новую форму самозащиты, именно самозащиты путемъ соединенія слабыхъ, и цехъ оказывалъ покровительство своимъ членамъ, оказывалъ имъ и помощь матеріальную въ случаѣ болѣзни, разоренія и т. п.

Дѣлая характеристику экономическаго и политическаго значенія цеховъ, мы имѣли въ виду преимущественно Германію, но и въ другихъ странахъ повторяются существенныя черты этого устройства быта городскихъ ремесленниковъ. Дополнимъ теперь это общее изображеніе нѣкоторыми частными подробностями, заимствуя ихъ изъ разныхъ странъ и имѣя въ виду необходимость выясненія причинъ позднѣйшаго разстройства цеховой жизни. Остановимся прежде всего на цеховой монополіи, или на цеховомъ принужденіи (Zunftzwang), въ силу котораго нельзя было заниматься ремесломъ безъ вступленія въ цехъ. Если, напримѣръ, ремесленникъ устраивалъ мастерскую для выдѣлки сукна на своемъ станкѣ независимо отъ цеха, то его могли насильно удалить изъ той мѣстности, въ которой онъ жилъ или появлялся. Другая черта цеховой организаціи заключалась въ томъ, что одно ремесло было строго отдѣлено отъ другого, хотя бы и весьма къ нему близкаго, въ силу чего и не могли возникать мануфактуры, требовавшія сосредоточенія разныхъ производствъ подъ однимъ управленіемъ. Пряжей шерсти, напр., занимался одинъ цехъ, выдѣлкою изъ нея сукна—другой, а окраскою этого сукна—третій. Въ Парижѣ въ XIII вѣкѣ были три особыхъ цеха для выдѣлки четокъ: одинъ выдѣлывалъ четки изъ костей и раковинъ, другой—изъ кораловъ, третій—изъ камня. Каждый, далѣе, долженъ былъ оберегать тайну своего ремесла и вступающій въ цехъ былъ обязанъ по-

этому давать клятву въ томъ, что онъ будетъ соблюдать его секреты. Особенно это считалось необходимымъ въ виду того, что ученикъ, получивши званіе подмастерья, могъ начать странствовать по другимъ городамъ. Наприм., по религіозному характеру весьма интересенъ цехъ каменщиковъ или гильдія строителей (преимущественно храмовъ), жившихъ иногда прямо на мѣстѣ постройки, гдѣ эти francs maçons (вольные каменщики) строили для себя лачужки (ложи). Многіе обряды позднѣйшихъ франмассоновъ ведутъ свое начало отъ этихъ гильдій. Цеховыя постановленія обыкновенно записывались, и такимъ образомъ возникали уставы цеховъ, иногда очень древніе. Напр., въ XIII в. во Франціи Стефанъ Буало составилъ собраніе уставовъ почти 100 ремесленныхъ корпорацій, существовавшихъ въ Парижѣ (Grand livre des métiers). Въ Германіи составленіемъ такихъ сводовъ занимались преимущественно въ XIV в. По большей части эти уставы ведутъ свое начало изъ тѣхъ временъ, когда еще мы не встрѣчаемъ антагонизма между мастерами и подмастерьями, проявившагося впослѣдствіи. Въ связи съ этой монополизаціей производства, закрѣплявшейся цеховыми уставами, стояла и его регламентація, исходившая изъ соображенія, что цехъ долженъ отвѣчать за доброкачественность продуктовъ своихъ членовъ. Поэтому на продукты накладывалось особое клеймо. Каждый цехъ имѣлъ свой знакъ, которымъ могъ отмѣчать произведенія своихъ членовъ. Эта регламентація должна была, конечно, стѣснять производство, потому что всѣ мастера обязаны были работать по заранѣе опредѣленному образцу. Напр., парижскіе ножевщики, которые дѣлали и ручки къ ножамъ, не имѣли права украшать костяныя ручки серебромъ или золотомъ, такъ какъ можно было скрыть подъ металломъ плохую кость и выдать ее за слоновую. Цеховые мастера работали, главнымъ образомъ, на мѣстный рынокъ. Развитію мелкаго производства, расчитаннаго на удовлетвореніе потребностей мѣстныхъ покупателей содѣйствовало то обстоятельство, что крупная торговля въ средніе вѣка существовала только по отношенію къ предметамъ иностраннаго ввоза и вывоза. Кто хотѣлъ купить что-либо, покупалъ прямо у мѣстнаго мастера. Только впослѣдствіи сукно и нѣкоторые другіе товары сдѣлались предметомъ оптовой торговли. Дѣло въ томъ, что въ эпоху процвѣтанія цеховъ не существовало дѣятельнаго обмѣна между продуктами отдѣльныхъ городовъ, такъ что цехъ почти исключительно работалъ на свой городъ и ближайшій округъ.—Уже въ концѣ среднихъ вѣковъ происходитъ разложеніе цеховъ, какъ извнутри, такъ и извнѣ. Въ Германіи, напр., солидарность между отдѣльными чинами цеха была сильна въ XIV в., когда происходила борьба ремесленниковъ съ патриціатомъ. Въ это время подмастерья получили всѣ права, которыя дѣлали выгоднымъ

ихъ положеніе. Но борьба окончилась, и въ XV в. мы присутствуемъ, при началѣ внутренняго разложенія цеховъ. Мастера, единственные полноправные члены цеховъ, все еще хлопочутъ объ уничтоженіи крупнаго производства и стараются ограничить число учениковъ у отдѣльныхъ хозяевъ; но по отношенію къ нимъ самимъ цеховые уставы дѣлаются все болѣе и болѣе снисходительными, а по отношенію къ прочимъ членамъ цеха, наоборотъ, все болѣе и болѣе строгими. Срокъ ученія увеличивается (иногда, впрочемъ, оттого, что самое ремесло развивается), а это увеличеніе срока было выгодно для мастеровъ, потому что давало имъ больше дарового труда. Мастера, далѣе, всячески придираются къ подмастерьямъ, но въ то же время дѣлаютъ всякія льготы для своихъ сыновей. Подмастерье, становясь мастеромъ, долженъ былъ вносить большую сумму въ пользу цеха, сумму значительно уменьшавшуюся для сыновей мастеровъ. И вообще мастера перестаютъ смотрѣть на подмастерьевъ, какъ на своихъ товарищей. Это общее ухудшеніе участи послѣднихъ лучше всего видно изъ того, что и они начинаютъ заключать между собою особые союзы, имѣвшіе цѣлью взаимную помощь и посредничество въ случаѣ столкновеній между ними и ихъ хозяевами. Разсматриваемый переворотъ въ жизни цеховъ происходитъ, главнымъ образомъ, въ XV в., особенно же къ концу его, когда развивается и другое вредное для цеховъ явленіе. Такъ какъ каждый продуктъ до своего появленія на рынкѣ проходилъ черезъ руки нѣсколькихъ цеховъ, занимавшихся, напримѣръ, пряжей, тканьемъ, окрашеніемъ, то должны были образоваться, такъ сказать, спеціальности высшія и низшія. Чтобы придать продукту окончательную обработку, нужно было больше умѣнья, чѣмъ вначалѣ, и вотъ рабочіе низшей спеціальности начинаютъ переходить и на низшую ступень общественнаго строя. Такимъ образомъ уже внутри самихъ цеховъ мы наблюдаемъ разложеніе старыхъ основъ; но и извнѣ точно также дѣйствовала одна сила, которая способствовала разложенію цеха. Этою силою явилось купеческое сословіе, организованное въ гильдіи и съ развитіемъ торговыхъ сношеній начавшее принимать непосредственное участіе не только въ продажѣ, но и въ производствѣ товаровъ. Напримѣръ, купецъ заказываетъ всѣмъ мастерамъ одного цеха извѣстное количество товара, но недодѣланнаго, т.-е. такого, которому еще остается придать окончательную обработку. Послѣднюю купецъ беретъ уже на себя и отъ себя же отправляетъ на рынокъ громадное количество даннаго товара. Такимъ образомъ, между производителемъ и потребителемъ становится предприниматель, что, конечно, невыгодно отзывается на работникахъ, имѣвшихъ прежде дѣло съ покупателемъ непосредственно. Затѣмъ возникаютъ и заведенія въ родѣ позднѣйшихъ фабрикъ, въ коихъ работаетъ большое количество най-

митовъ, при чемъ предприниматели пользуются увеличившимся предложеніемъ дешеваго труда, множествомъ свободныхъ рукъ, появившихся въ городахъ вслѣдствіе экономическаго переворота въ деревняхъ, и начинаютъ конкурировать съ цехами. Вотъ почему, напримѣръ, въ Германіи въ XV в. мы постоянно слышимъ жалобы на появленіе купцовъ, разоряющихъ народъ; но напрасно ландтаги запрещали монополизацію и произвольное возвышеніе цѣнъ на товары ихъ скупщиками, ибо запрещенія эти ни къ чему не приводили. А между тѣмъ въ ремесленныхъ цехахъ еще жива была память о прежнемъ благосостояніи, вслѣдствіе чего броженіе въ нихъ противъ купеческой аристократіи было очень сильно. Ремесленное сословіе обращается за защитою своихъ интересовъ къ церкви, но духовенство въ XV и XVI вв. само выступало въ роли притѣснителей народа. Неудовольствіе низшаго сословія и успѣхъ реформаціи въ нѣмецкихъ городахъ въ XVI в. объясняются именно антагонизмомъ противъ духовенства и купцовъ. Поэтому же и тогдашнее сектантство съ программою соціальнаго переворота, пользовавшееся успѣхомъ среди крестьянъ, имѣло его и въ низшемъ городскомъ классѣ. Тотъ же процессъ, что происходилъ въ Германіи, наблюдается и въ Англіи, и во Франціи. Въ первой изъ этихъ двухъ странъ особенно быстро должно было совершаться разложеніе цеховъ, потому что открѣпленіе крестьянъ отъ земли гнало ихъ на заработки въ города, чѣмъ пользовались и капиталисты для того, чтобы заводить крупныя промышленныя предпріятія, и мастеры для своего выдѣленія въ ремесленную аристократію. Для рабочаго люда доступъ къ званію мастера все болѣе и болѣе затрудняется: образцовая работа требуется такая, что только немногіе могутъ ее выполнить, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ дѣтей самихъ мастеровъ освобождаютъ отъ этой тяготы. Начинаютъ, далѣе, продавать званіе мастера просто за деньги, чтобы обогатить цеховую казну, которою пользуются опять-таки одни мастера. Исчезаютъ, наконецъ, прежнія товарищескія отношенія къ подмастерьямъ и замѣняюсся эксплуатаціей. Внутренніе безпорядки цеховой жизни заставили и само правительство вмѣшиваться въ дѣла цеховъ и регламентировать ихъ производство своими постановленіями, но вмѣшательство это открывало путь къ тому, что правительство (особенно во Франціи) стало продавать за деньги званіе мастера или патенты на занятіе извѣстнымъ производствомъ.

XIX. Начало денежнаго хозяйства [1]).

Городскіе капиталисты въ новое время.—Ихъ отношенія къ аристократіи, народу и государству.—Привилегированныя гильдіи въ средніе вѣка.—Средневѣковая торговля.—Ея главные пути.—Развитіе купеческаго класса.—Кредитъ и денежный ростъ въ средніе вѣка.—Слѣдствія открытія Америки.—Зарожденіе меркантилизма.—Намѣчающаяся политика по отношенію къ рабочему классу.—Культурное значеніе выдѣленія буржуазіи.—Переходъ къ послѣдующему.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ только-что намѣчается происшедшее уже въ новое время развитіе крупной промышленности и соединенное съ нимъ возникновеніе промышленнаго капитала и класса крупныхъ предпринимателей, неизвѣстнаго въ эпоху полнаго господства цеховой организаціи. Въ средніе вѣка обладаніе большими денежными капиталами могло быть результатомъ, главнымъ образомъ, торговли, такъ что слова купецъ и капиталистъ были почти синонимами, но въ новое время происходитъ, какъ только-что было сказано, *развитіе капиталистическаго производства*, отражающееся на разныхъ сторонахъ общественнаго быта. Уже не разъ выше приходилось отмѣчать замѣну натуральнаго хозяйства феодальной эпохи денежнымъ хозяйствомъ новаго времени, и вотъ въ связи съ этою замѣною находятся два явленія, коими опредѣляется положеніе класса капиталистовъ и по отношенію къ крупнымъ землевладѣльцамъ, и по отношенію къ ремесленному классу. До появленія денежнаго капитала главною экономическою опорою соціальной мощи было землевладѣніе, съ коимъ въ эпоху полнаго господства феодализма соединялось даже и обладаніе верховною властью, а съ паденіемъ политическаго феодализма—во всякомъ случаѣ господствующее положеніе въ обществѣ; капиталъ является другою экономическою основою соціальной силы, *и рядомъ съ землевладѣльческимъ дворянствомъ развивается капиталистическая буржуазія, соперничество между коими имѣетъ столь важное значеніе въ соціальной исторіи новаго времени*, представляя изъ себя на экономической почвѣ продолженіе того антагонизма, который проявился раньше въ политической сферѣ между феодальной сеньеріей и муниципальной общиной. Съ другой стороны, *развитіе крупнаго производства создало раздѣленіе въ промышлен-*

---

[1]) *Беръ*. Исторія всемірной торговли.—*Falke*. Die Geschichte des deutschen Handels. — *Pigeaunneau*. Histoire du commerce de la France. — *Gross*. Gilda Mercatoria. — *Schanz*. Englische Handelspolitik gegen Ende des Mittelalters. — *Max Weber*. Zur Geschichte der Handelsgesellschaften im Mittelalter.

номъ классѣ, отдѣливъ интересы капиталистовъ-предпринимателей отъ интересовъ наемныхъ рабочихъ, что было явленіемъ невѣдомымъ цеховому устройству среднихъ вѣковъ. Благодаря всему этому, образовался дѣйствительно какъ-бы особый классъ, занявшій среднее положеніе между землевладѣльческою аристократіей (духовной и свѣтской) и народомъ, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ крестьянства и городскихъ рабочихъ: отъ аристократіи этотъ классъ отличался отсутствіемъ привилегій, оставшихся за нею, какъ соціальное наслѣдіе феодализма, отъ народа, особенно отъ безземельныхъ крестьянъ и отъ городского пролетаріата — своею имущественною состоятельностью, приближавшею его къ аристократіи. Понятное дѣло, что въ исходѣ среднихъ вѣковъ и въ новѣйшее время этотъ общественный классъ былъ далеко не одно и то же, въ частности же зародыши его мы должны видѣть не въ крупныхъ промышленныхъ предпринимателяхъ,—которыхъ не существовало,—а въ купцахъ, ведшихъ обширную торговлю. Рядомъ съ двумя только-что отмѣченными явленіями нужно поставить и третье: буржуазія становится въ особыя отношенія не только къ землевладѣльческому и рабочему классамъ, но къ самому также государству: *государство новаго времени при расширеніи своей дѣятельности все болѣе и болѣе стало нуждаться въ деньгахъ, и тотъ общественный классъ, который обладалъ деньгами, вслѣдствіе этого могъ начать играть особую роль въ государствѣ.* Намъ придется еще видѣть, какъ государство новаго времени стало покровительствовать развитію крупныхъ предпріятій въ области промышленности и торговли, что, въ свою очередь, способствовало росту общественнаго класса, все соціальное значеніе котораго заключалось именно въ обладаніи капиталами. Это постепенное развитіе буржуазіи въ новое время, ранѣе всего обнаружившееся изъ трехъ странъ, политическія и соціальныя отношенія коихъ мы разсматривали до сихъ поръ въ Англіи, принимало разныя формы и отражалось на разныхъ сторонахъ быта. Между прочимъ, разбогатѣвшіе горожане стали устремляться и въ деревни, гдѣ арендою или покупкою земель и сеньерьяльныхъ правъ до извѣстной степени обезсиливали потомковъ феодальныхъ владѣльцевъ.

Появленіе промышленнаго капитала—фактъ, относящійся къ новому порядку вещей въ сферѣ экономическихъ отношеній: ему предшествуетъ эпоха, когда крупные капиталы создавались исключительно путемъ торговыхъ операцій. Прежде нежели мы коснемся средневѣковой торговли съ точки зрѣнія ея соціальнаго значенія, намъ нужно еще остановиться на одномъ явленіи, имѣющемъ отношеніе и къ цеховой организаціи промышленности, и къ зарожденію буржуазіи въ позднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Дѣло въ томъ, что

въ отдѣльныхъ городахъ существовали цехи болѣе важные и менѣе важные, и что одни сравнительно съ другими занимали и болѣе привилегированное положеніе въ городскомъ быту. Конечно, парижскіе ремесленники, работавшіе надъ выдѣлкою четокъ, причемъ самый промыселъ этотъ дробился еще на отдѣльныя спеціальности, не могли ни значительно обогащаться, ни играть выдающейся роли въ жизни города, но были зато цехи, которые по весьма понятнымъ причинамъ выдвигались изъ другихъ подобныхъ корпорацій и составляли своего рода аристократію среди ремесленнаго класса. Въ Парижѣ, напримѣръ, такое положеніе заняли въ средніе вѣка булочники, мясники, суконщики, золотыхъ дѣлъ мастера и т. п., а напримѣръ, мясники пытались даже играть и политическую роль. Ихъ корпорація, дѣйствительно, имѣла весьма прочную организацію и пользовалась значительнымъ вліяніемъ. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ ихъ заведенія были расположены на правомъ берегу Сены и составляли то, что̀ стало называться „la grande Boucherie“, а церковь св. Іакова, находившаяся въ этой мѣстности, стала обозначаться, какъ Saint Jacques la Boucherie (ея башня существуетъ и понынѣ). Этой корпораціи удалось получить почти монопольныя права, что̀ было довольно затруднительно при существованіи въ Парижѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ одна отъ другой юрисдикцій, Напримѣръ, аббатства Siant-Germain des-Prés и Saint-Martin устроили собственныя бойни въ своихъ кварталахъ; „большой бойнѣ“ пришлось съ этимъ примириться, но она была счастливѣе въ своемъ процессѣ съ аббатиссой Монмартрскаго монастыря и съ храмовниками, коимъ принадлежалъ особый кварталъ (Temple). Въ 1413 г. мясники и ихъ рабочіе, а между ними особенно l' écorcheur Caboche, потребовали, какъ мы уже видѣли, цѣлаго ряда реформъ (l'ordonnance cabochienne). Еще болѣе, чѣмъ мясники, имѣла значенія въ Парижѣ торговая гильдія, парижская „ганза“, носившая названіе „marchandise de l' eau“, т.-е. корпорація купцовъ, занимавшихся торговлею на Сенѣ и имѣвшихъ монопольное право перевозки товаровъ по этой рѣкѣ. Отъ этой корпораціи находились въ экономической зависимости многія другія корпораціи, такъ какъ безъ нея они не могли обходиться. Во главѣ „marchandise de l'eau“ стоялъ prévôt des marchands, сдѣлавшійся мэромъ Парижа, и извѣстный намъ Стефанъ Марсель, ставшій въ серединѣ XIV в. во главѣ цѣлаго политическаго движенія, былъ именно такимъ купеческимъ головой Парижа. Такое же корпоративное устройство имѣли въ Парижѣ, замѣтимъ кстати, и представители научныхъ занятій, ибо изъ нихъ образовался на лѣвомъ берегу Сены университетъ съ выборнымъ начальствомъ и юрисдикціей не только надъ своими членами, учащими и учащимися, но и надъ всѣми, жившими въ „латинской странѣ“ (те-

перешній quartier latin) и имѣвшими отношенія къ университету въ качествѣ квартирныхъ хозяевъ, книгопродавцевъ и т. п. Одной изъ принадлежавшихъ ему привилегій было ограниченіе торговли пергаменомъ правомъ университета прежде другихъ запасаться этимъ товаромъ на ярмаркѣ въ С. Дени, но совершенно такъ же и продавцы шерсти не могли начать торговлю своимъ товаромъ, пока послѣднимъ не запасался цехъ суконщиковъ. Подобныя привилегированныя корпораціи существовали и въ другихъ городахъ Франціи. То же самое мы находимъ и въ Англіи, гдѣ существовали свои привилегированныя „гильдіи“. Неодинаковое ихъ значеніе въ городской жизни явствуетъ хотя бы изъ того, что въ Лондонѣ было четыре гильдіи (среди нихъ суконщики и золотыхъ дѣлъ мастера), посылавшія въ городской совѣтъ по шести выборныхъ, двѣнадцать гильдій, отъ коихъ являлось туда по 4 представителя, тогда какъ остальныя имѣли право лишь на двоихъ депутатовъ. Любопытно, что среди этихъ гильдій мы не встрѣчаемъ особой гильдіи крупныхъ торговцевъ, производившихъ вывозъ товаровъ. Это объясняется тѣмъ, что торговля по Темзѣ велась иностранными купцами (ганзейскими, фламандскими, итальянскими), и потому въ Лондонѣ не было корпораціи, соотвѣтствовавшей парижской marchandise de l'eau. Мало того: англійское законодательство, вообще не дававшее развиться крупной промышленности на счетъ благосостоянія рабочаго люда, относилось неблагопріятно и къ крупной торговлѣ. Отдѣльные богатые купцы, разумѣется, были, но ихъ было не много, и на нихъ смотрѣли, какъ на какихъ-то общественныхъ паразитовъ. Они допускались къ товару не раньше того, какъ выставленный на рынкѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, онъ пріобрѣтался мѣстными жителями въ томъ количествѣ, въ какомъ былъ имъ необходимъ, и потому оптовая торговля продуктами внутренняго производства была невозможна: она оставалась только для привозныхъ товаровъ, которые и скупались оптомъ такъ называемыми grossers или grossiers, составлявшими особую гильдію. Хотя она и заняла первенствующее положеніе среди другихъ гильдій, но ея значеніе въ политическомъ смыслѣ было ничтожно: правительство по своему усмотрѣнію облагало гроссеровъ „беневоленціями“, т.-е. добровольными (конечно, лишь по имени) подарками и принудительными займами. Этотъ примѣръ показываетъ, что въ странѣ, которая впослѣдствіи сдѣлалась главной представительницей капиталистическаго производства, *накопленіе крупныхъ капиталовъ было возможно на первыхъ порахъ лишь путемъ оптовой торговли и преимущественно предметами ввоза.*

Внутренняя торговля въ срединѣ вѣка вообще была развита мало. Системѣ натуральнаго хозяйства, мелкаго производства, работы

на мѣстный рынокъ, непосредственныхъ сношеній между покупателемъ и производителемъ, однимъ словомъ, тому партикуляризму, о которомъ было говорено выше, какъ нельзя больше соотвѣтствовали другія неблагопріятныя для развитія торговли условія культурнаго и политическаго свойства, каковы были жалкое состояніе сухопутнаго сообщенія, множество заставъ, у которыхъ взимались въ пользу владѣльцевъ разныя пошлины, разбойничество, въ коемъ участвовали весьма часто и рыцари. Наилучшіе пути были водяные, во-первыхъ, по рѣкамъ, во-вторыхъ, по морямъ. Изъ рѣкъ получили въ этомъ отношеніи особое значеніе тѣ, по которымъ можно было перевозить товары отъ Средиземнаго моря къ сѣвернымъ морямъ, а изъ морей главное торговое значеніе принадлежало именно Средиземному: отсюда важная роль въ иностранной торговлѣ городовъ итальянскихъ (особенно Генуи и Венеціи), южно-французскихъ, особенно приморскихъ и приронскихъ, а въ Германіи городовъ по Дунаю и по Рейну и т. п. Въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени происходятъ событія, измѣнившія направленіе торговыхъ путей: сношенія съ Востокомъ дѣлались все болѣе и болѣе затруднительными, почему начали подумывать о морскомъ пути въ Индію, что приводитъ въ самомъ концѣ XV в. почти одновременно къ открытію Америки (1492) и мыса Доброй Надежды (1498), а завоеваніе Египта турецкимъ султаномъ Селимомъ I (1512—1520) совсѣмъ отрѣзываетъ Европу отъ богатой Индіи, заперши единственный извѣстный древнему міру путь на Востокъ, который оставался еще свободнымъ, что отразилось на торговомъ значеніи итальянскихъ городовъ и городовъ, расположенныхъ по Дунаю и по Рейну. Главную выгоду изъ великихъ морскихъ открытій извлекли для себя Испанія и Португалія: при новыхъ путяхъ первенствующая роль въ торговлѣ принадлежитъ этимъ двумъ государствамъ, изъ коихъ одна (Испанія), какъ извѣстно, пріобрѣла и громадное политическое значеніе въ XVI вѣкѣ. Но это преобладаніе Испаніи и Португаліи было непродолжительно, ибо изъ позиціи, занятой ими въ XVI вѣкѣ, онѣ въ слѣдующемъ столѣтіи вытѣсняются Нидерландами, Франціей и Англіей. Перемѣщеніе центровъ торговли сильно подорвало знаменитый ганзейскій союзъ, который въ концѣ среднихъ вѣковъ былъ весьма значительною силой. Правда, въ XVI вѣкѣ онъ насчитываетъ еще въ своемъ составѣ 60—70 городовъ, раздѣленныхъ на четыре округа съ Любекомъ, Кельномъ, Брауншвейгомъ и Данцигомъ во главѣ (при общемъ главенствѣ Любека), но это была уже сила, отживавшая свое время. Послѣдствія, коими сопровождалось перемѣщеніе главныхъ торговыхъ путей, упадокъ однихъ городовъ и, наоборотъ, развитіе другихъ, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что первенствующую причину

ихъ обогащенія составляла международная торговля, и именно этой-то международной торговлѣ обязанъ былъ своимъ развитіемъ классъ богатыхъ купцовъ, съ коимъ мы встрѣчаемся въ средневѣковыхъ городахъ: его мы находимъ въ Италіи, въ Германіи, во Франціи, а въ Англіи онъ только что зарождается, но Англія быстро опережаетъ другія страны въ торговомъ отношеніи, тогда какъ, наоборотъ, Германія сравнительно съ прошлымъ приходитъ въ упадокъ.

Не останавливаясь вообще сколько-нибудь подробно на международныхъ отношеніяхъ, касались ли они дѣлъ войны и мира между государствами, т.-е. политическихъ союзовъ и дипломатическихъ сношеній или соперничества на поприщѣ промышленности и торговли, слѣдя преимущественно за внутренними общественными и духовными измѣненіями въ жизни западно-европейскихъ народовъ, мы можемъ ограничиться сказаннымъ о роли отдѣльныхъ странъ и международной торговлѣ въ концѣ среднихъ вѣковъ и началѣ новаго времени. Въ эту переходную эпоху, когда существовалъ только торговый капиталъ, промышленный же едва лишь возникалъ, образованіе въ той или другой странѣ класса богатыхъ горожанъ зависѣло отъ условій, въ какія она вообще тогда была поставлена относительно международной торговли. Понятно, что ранѣе всего должно было произойти торговое развитіе въ Италіи, занимающей центральное положеніе на Средиземномъ морѣ, въ этой ближайшей греческому и мусульманскому Востоку западно-европейской землѣ. Итальянцы сдѣлались въ торговомъ отношеніи посредниками между Востокомъ и Западомъ, итальянскіе города—центрами денежнаго хозяйства, итальянское купечество—капиталистическимъ классомъ, а за Италіей наступила очередь и для другихъ странъ. Конецъ среднихъ вѣковъ оставилъ намъ массу свидѣтельствъ о богатствѣ и зажиточности горожанъ. Суверенная аристократія Венеціи и Генуи была купеческая. Купеческая фамилія Медичи возвышается въ флорентійской республикѣ и дѣлается родоначальницей тосканскихъ герцоговъ XVI вѣка. Въ Германіи чего стоитъ одинъ торговый домъ Фуггеровъ; во Франціи страшнымъ богачемъ былъ въ первой половинѣ XV в. извѣстный Jacques Coeur, настоящій милліонеръ.

Долгое время непреодолимымъ препятствіемъ для образованія крупныхъ капиталистовъ въ торговомъ классѣ было запрещеніе церковью денежнаго роста, поддерживавшееся свѣтскимъ законодательствомъ и мѣшавшее развитію кредита. Въ Англіи парламентскіе статуты, муниципальныя постановленія, судебныя рѣшенія противъ ростовщиковъ, дѣлали крайне затруднительною отдачу денегъ подъ проценты, этотъ „несправедливый и омерзительный договоръ“, но для иноземныхъ капиталистовъ допускалось исключеніе, а такими денеж-

ными иностранцами были здѣсь преимущественно итальянцы или „ломбарды", какъ ихъ называли, и къ нимъ вынуждается прибѣгать само правительство. Извѣстно, что ломбарды были предметомъ народной ненависти и вызвали противъ себя не одинъ мятежъ. Ломбардовъ, отдающихъ деньги взаймы за проценты, мы встрѣчаемъ и во Франціи, гдѣ одни они пользуются той же привилегіей. Съ ломбардами конкуррировали только евреи, коимъ нечего было бояться церковной анаѳемы, и для которыхъ законодательствомъ почти совсѣмъ были закрыты другія профессіи, кромѣ денежныхъ операцій, но евреи были менѣе обезпечены въ своемъ положеніи, чѣмъ ломбарды. Это появленіе итальянскихъ капиталистовъ въ чужихъ странахъ съ цѣлью обогащенія путемъ отдачи денегъ подъ проценты указываетъ на то, что въ Италіи весьма рано пали средневѣковыя преграды для такого способа обогащенія, и дѣйствительно, Италія въ этомъ отношеніи подавала примѣръ другимъ государствамъ. Не даромъ ломбардами стали называться и банки, въ коихъ можно было получать деньги подъ залогъ, да и само названіе банка—итальянское: banco—скамья, на которой сидѣлъ мѣняло. Акціонеры генуэзскаго банка владѣли всѣми финансами республики. Флорентійскіе Медичи были банкиры. Явились потомъ банки—и нужно сказать знаменитые банки—въ Франкфуртѣ-на-Майнѣ и въ Антверпенѣ. Денежныя операціи, идущія по стопамъ крупной торговли, содѣйствуютъ сосредоточенію большихъ капиталовъ, которые потомъ начинаютъ примѣняться къ промышленности, чтобы во многихъ ея отрасляхъ вытѣснить старое цеховое производство. Другими словами, сами деньги дѣлались товаромъ, торговать которымъ составляло особую выгоду.

Сильному развитію денежнаго хозяйства особенно содѣйствовало открытіе Америки, сопровождавшееся страшнымъ наплывомъ въ Европу драгоцѣнныхъ металловъ; послѣдній, въ свою очередь, вызвалъ пониженіе цѣнности денегъ и соотвѣтственное вздорожаніе товаровъ въ XVI вѣкѣ, отразившееся гибелью на благосостояніи низшихъ классовъ общества, такъ какъ ихъ заработокъ оставался тотъ же, что и прежде, или возросталъ далеко не въ такой степени, какъ возростала цѣна товаровъ. Но особенно важно здѣсь отмѣтить *зарожденіе меркантилизма,* характеризующаго экономическую политику новаго времени. Измѣненіе торговыхъ путей, приливъ драгоцѣнныхъ металловъ, появленіе на рынкахъ новыхъ продуктовъ—все это содѣйствовало и безъ того уже совершавшемуся экономическому процессу, но кромѣ того, долженъ былъ особенно дѣйствовать на умы примѣръ Испаніи и Португаліи, которыя, благодаря открытію Новаго Свѣта и морского пути въ Индію, развили у себя торговлю и ею

очень обогатились: торговля стала считаться особенно выгоднымъ занятіемъ, и ему стало оказываться покровительство со стороны государства, нуждавшагося въ новыхъ доходахъ. И вотъ является экономическое ученіе меркантелизма, достигшее своего апогея въ XVII в., ученіе, признававшее, что благосостояніе государствъ создается деньгами, добываемыми лишь одною внѣшнею торговлею. Правительства берутъ подъ свое покровительство вмѣстѣ съ національною торговлею и тотъ классъ, который ею занимался. Подъ опекою государства онъ растетъ, развивается и направляетъ свою дѣятельность мало-по-малу на обрабатывающую промышленность, развитіе которой въ формѣ крупнаго производства для вывоза его продуктовъ на заграничные рынки тоже должно было считаться желательнымъ для привлеченія въ страну денегъ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ этимъ устранялась необходимость ввоза заграничныхъ товаровъ, разъ они производились у себя дома: можно было такимъ образомъ получать изъ чужихъ странъ деньги, а отъ себя денегъ не выпускать. Матеріальная выгода отъ всего этого выпадала на долю капиталистическаго класса, и въ то самое время, какъ *государство новыхъ вѣковъ*, разрушивши феодализмъ, какъ политическую систему, *оставляетъ неприкосновенными феодальныя отношенія въ соціальной сферѣ, охраняя установившіяся юридическія отношенія между дворянствомъ и крестьянствомъ, въ экономической сферѣ имъ оказывается преимущественное покровительство городскому денежному хозяйству, идущее рука объ руку съ крайней невнимательностью къ сельскому хозяйству*, которое по самому существу дѣла наиболѣе подчинялось общимъ условіямъ хозяйства натуральнаго. Во имя старыхъ правъ поддерживалась феодальная зависимость крестьянина отъ сеньера, во имя новыхъ интересовъ трудъ приносился въ жертву капиталу. Все это, впрочемъ, явленія, развитіе коихъ принадлежитъ уже новому времени.

Въ эпоху полнаго господства феодализма и до образованія очень богатаго купечества въ городахъ, было только два сословія, обладавшія большою экономическою мощью, духовенство (да и то одно лишь высшее) и дворянство, оба сходные между собою въ томъ, что ихъ экономическое значеніе покоилось на землевладѣніи. Обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи, и духовенство, и дворянство различались между собою въ сферѣ духовныхъ интересовъ. Высшимъ культурнымъ проявленіемъ одного сословія былъ монахъ-аскетъ, которому въ другомъ соотвѣтствовалъ рыцарь-воитель. Богатый или только зажиточный горожанинъ по своей матеріальной обезпеченности становится рядомъ съ клирикомъ и дворяниномъ, но ему чужды интересы и монастырской кельи, и феодальнаго замка, ему чужды идеалы аскета и идеалы рыцаря; горожанинъ является новымъ общественнымъ

типомъ, и если, какъ мы видѣли, въ жизни горожанъ впервые появляются новые, антифеодальные принципы политической жизни, если и въ соціальной сферѣ горожане составляютъ новый классъ съ такою экономическою основою, какая была невѣдома феодальному міру, то и въ отношеніи культурномъ главнымъ образомъ на почвѣ городского быта возникаетъ интеллигенція новаго времени, столь отличная отъ средневѣковой интеллигенціи, цѣликомъ или входившей въ составъ, или группировавшейся около церкви. Съ этою городскою интеллигенціей мы впервые встрѣчаемся въ Италіи, гдѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, городъ высвободился изъ-подъ феодальнаго гнета, ранѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ произошло образованіе вліятельнаго купечества и гдѣ ранѣе опять-таки, чѣмъ въ другихъ странахъ, получилъ начало свѣтскій культурный классъ.

Этимъ мы и кончимъ общую характеристику общественной структуры западной Европы въ исходѣ среднихъ вѣковъ и въ началѣ новаго времени. Переходомъ къ изображенію культурнаго состоянія будутъ служить краткіе очерки двухъ сторонъ общественнаго быта той же эпохи, а именно, отраженіе классовыхъ воззрѣній, т.-е. традицій, интересовъ и стремленій въ литературѣ и положеніе личности въ средневѣковомъ обществѣ, и это тѣмъ болѣе необходимо будетъ сдѣлать, что въ новой исторіи литературному выраженію, съ одной стороны, общественныхъ настроеній, и индивидуальному сознанію, съ другой, принадлежитъ весьма важное значеніе, что требуетъ отъ насъ и нѣкоторыхъ новыхъ теоретическихъ соображеній. Мы познакомились съ разными классами, на которые распадалось средневѣковое общество, взятое съ чисто свѣтской стороны: посмотримъ, какъ выражались идеи этихъ классовъ въ литературныхъ произведеніяхъ среднихъ вѣковъ и однѣ ли они выражались. Равнымъ образомъ мы имѣемъ теперь передъ глазами главныя общественныя состоянія, на которыя можемъ смотрѣть, какъ на особыя положенія, въ какія могла попадать отдѣльная личность: понятно, что эти состоянія должны имѣть разное значеніе по отношенію къ самой личности и сознанію ею своихъ правъ [1]).

---

[1]) Самые послѣдніе труды по исторіи цеховъ и гильдій: *Martin Saint-Léon.* Histoire des corporations de métiers depuis leur origine jusqu'à leur suppression en 1791.—*A. Doren.* Entwicklung und Organisation der Florentinen Zünfte im XIII und XIV Jahrhundert.—*Van der Linden.* Les gildes machandes dans les Pays-Bas au moyen âge.

XX. Общественный характеръ литературы.

Общественная сторона литературы.—Феодально-рыцарская поэзія.—Литература горожанъ.—Значеніе литературныхъ перемѣнъ.—Народныя жалобы и стремленія въ литературѣ.—Религіозный демократизмъ и сословность.—Идея общаго блага.—Памфлетная публицистика въ Германіи.—«Реформація Фридриха III».—Сознаніе необходимости общественной реформы.—Сатирическая литература.—Необходимость разсмотрѣнія личнаго начала.

„Литература есть зеркало, въ которомъ отражается общество". Эта избитая фраза сдѣлалась общимъ мѣстомъ, хотя при этомъ не всегда принимается въ расчетъ, что общество, отражающееся въ литературѣ, само распадается на отдѣльныя группы, на сословія, классы, профессіи, и что при разсмотрѣніи литературы, какъ отраженія общества мы должны имѣть въ виду существованіе своего рода сословности и литературныхъ произведеній, такъ какъ и литературные вкусы, и степень пониманія, и общественное міросозерцаніе, и интересы отдѣльныхъ классовъ не совпадаютъ между собою. Общій колоритъ средневѣковой литературѣ, несомнѣнно, давало культурное преобладаніе духовенства, но внѣ этого явленія, о которомъ рѣчь будетъ итти впереди, она получала и различные соціальные оттѣнки, смотря по тому, выраженіемъ идей и стремленій какого класса она служила. Это послѣднее замѣчаніе касается, конечно, свѣтской и національной литературы, развивающейся только во второй половинѣ среднихъ вѣковъ, когда церковная письменность на латинскомъ языкѣ съ космополитическимъ характеромъ уже вполнѣ опредѣлилась и выработала свое главное содержаніе. Далѣе, свѣтская литература, заслуживающая здѣсь нашего вниманія, была или поэтическая, или публицистическая, или же ея произведенія занимали, такъ сказать, среднее положеніе между чистою поэзіей и чистою публицистикой. Наконецъ, сообразно съ тѣмъ, что средневѣковое общество распадалось на феодальное дворянство, на „среднее" городское сословіе и на народъ, мы можемъ говорить о литературѣ спеціально дворянской, спеціально городской и спеціально народной [1]).

Свѣтская литература среднихъ вѣковъ зарождается въ сферѣ пѣсеннаго прославленія національныхъ героевъ, изъ коего и возникла, напримѣръ, средневѣковая французская эпическая поэзія chansons de geste, т.-е. поэмъ о подвигахъ. Народная по своему происхожденію,

[1]) Многія изъ высказанныхъ здѣсь мыслей подробнѣе развиты въ моей книгѣ „Литературная эволюція на Западѣ". Воронежъ, 1886.

эта эпическая поэзія дѣлается феодальною и рыцарскою въ своемъ развитіи, благодаря тому, что въ традиціонныя формы все болѣе и болѣе вкладывалось сословное содержаніе тѣми труверами, которые занимались переработкой старыхъ сюжетовъ о Карлѣ Великомъ, о Роландѣ, о другихъ сподвижникахъ Карла. Жонглеръ XII в. все еще воспѣвалъ ихъ дѣянія (gesta), но его вдохновляли уже крестовые походы; онъ прославлялъ подвиги традиціонныхъ Рено и Жирара, но на самомъ дѣлѣ изображалъ возстанія крупныхъ вассаловъ противъ Людовиковъ VI и VII. Въ этой поэзіи подвергался переработкѣ и образъ Карла Великаго съ его сподвижниками: спокойный и справедливый государь единаго королевства, всѣмъ заправляющій и у всѣхъ находящій послушаніе и вѣрную службу, превращается въ своего рода „перваго между равными“ феодальнаго сюзерена, капризнаго и несправедливаго, и окружаютъ его уже не прежніе паладины, долгомъ своимъ считающіе умирать за него, а самовольные вассалы, ежечасно готовые къ возстанію. На феодальной почвѣ развилось рыцарство, и оно нашло свое особое отраженіе въ такъ называемыхъ romans d'aventures, содержаніе коихъ—рыцарскія приключенія, рыцарская любовь къ дамѣ сердца, турниры и судебные поединки,—въ романахъ, бывшихъ не только порожденіемъ военнаго быта и крестовыхъ походовъ, но и въ свою очередь вліявшихъ на самый духъ рыцарства. Общему характеру этихъ романовъ подчинились и самые chansons de geste. Феодально-рыцарская французская поэзія XII и XIII вѣковъ оказала сильное вліяніе на другія западныя литературы, но въ XIV и XV вѣкахъ она находится уже въ упадкѣ. Эпосъ chansons de geste и romans d'aventures—порожденіе сѣверной Франціи, на югѣ процвѣтала своя, провансальская культура, породившая лирическую поэзію трубадуровъ, также оказавшую вліяніе на другія страны. Эта лирика имѣла характеръ дворянскій и придворный: добрая половина изъ четырехъ сотенъ трубадуровъ принадлежала къ рыцарству, а въ его средѣ насчитывается десятка два царственныхъ особъ. Содержаніе этой лирики—условная рыцарская любовь къ дамѣ или свѣтскій протестъ противъ духовенства. Въ XIV и XV вв. и она также находится въ упадкѣ. Рыцарско-придворный характеръ имѣетъ, наконецъ, и нѣмецкая „пѣсня любви“ (Minnegesang), ибо миннезингеръ является германскимъ повтореніемъ провансальскаго трубадура.

Въ XIV и XV вв. параллельно съ паденіемъ дворянскихъ эпоса и лирики развивается литература горожанъ. Въ то самое время, какъ рыцарскіе романы передѣлываются въ прозу и происходитъ компиляція ихъ въ произведенія, разсчитанныя на читателей изъ горожанъ, а лирика миннезингеровъ переселяется въ города къ педантическимъ бюргерамъ, устраивающимъ у себя цеховое мастерство пѣ-

сенъ (мейстерзингерство), однимъ словомъ, когда въ дворянскомъ кругу изсякаетъ творчество и дворянская литература, перенесенная на городскую почву, лишается жизненности, превращаясь во что-то искусственное, на этой же самой почвѣ городского быта развивается своя литература съ характеромъ дидактическимъ и сатирическимъ. Аллегорическія поэмы и разсказы въ стихахъ и сказки (fabliaux et contes) съ своимъ отпрыскомъ—новеллой характеризуютъ національную литературу XIV и XV в.; съ нихъ почти прямо даже начинается развитіе итальянской и англійской литературъ: Данте создалъ величайшую аллегорическую поэму, Боккачіо прославился въ области новеллы, и на аллегоризмѣ съ фабліо воспитался отецъ англійской литературы Чосеръ. Аллегорія легко соединялась съ дидактикой и сатирой, съ своего рода публицистикой, бывшей въ большомъ ходу въ концѣ среднихъ вѣковъ. Разсудочность и сатира вносятся съ середины XIV в. въ фабліо, короткія, веселыя, шутливо-добродушныя стихотворныя повѣстушки восточнаго происхожденія, приспособленныя къ понятіямъ и отношеніямъ знакомаго общества, и въ нихъ выводятся на сцену горожане, крестьяне, приходскіе священники, лица, хорошо извѣстныя человѣку изъ средняго круга націи. Новому читателю все это понятнѣе и ближе, чѣмъ глубина религіознаго чувства церковной письменности и фантастическая восторженность рыцарскаго романа: ему больше нравятся простой здравый смыслъ и грубоватость фабліо, разсудочный аллегоризмъ, суховатая дидактика съ критикой существующаго и проповѣдью новыхъ общественныхъ идей. Въ новое время и эта литература пойдетъ по слѣдамъ рыцарской поэзіи, и на счетъ обѣихъ разовьется придворный академизмъ, получившій начало при дворахъ итальянскихъ династовъ, чтобы итти рука объ руку съ королевскимъ абсолютизмомъ и вмѣстѣ съ нимъ во французскомъ ложно-классицизмѣ XVII—XVIII вв., достигнуть своего апогея. Этими литературными перемѣнами отмѣчаются такимъ образомъ начавшееся паденіе феодализма, выступленіе городского сословія, а позднѣе, усиленіе королевской власти, стремящейся подчинить себѣ и литературу, какъ появленіе вообще свѣтской литературы въ обществѣ, раньше имѣвшемъ почти только одну духовную письменность, отмѣчаетъ, съ другой стороны, важный переворотъ культурный. Далѣе, усиленіе въ свѣтской литературѣ дидактическаго и сатирическаго элемента указываетъ на то, что литература начинаетъ дѣлаться общественной силой, органомъ воззрѣній и настроеній общественныхъ классовъ, то сходящихся въ своихъ желаніяхъ и стремленіяхъ, то, наоборотъ, враждебно между собою сталкивающихся. Съ этой точки зрѣнія литературныя произведенія съ общественнымъ характеромъ и особенно съ содержаніемъ публицисти-

ческимъ могутъ быть прекрасной иллюстраціей фактическихъ отношеній, существующихъ въ обществѣ, и служить дополненіемъ къ исторіи соціальнаго строя. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не признать особаго значенія за тѣми произведеніями литературы, въ коихъ выражаются народныя нужды, жалобы, просьбы и стремленія. Одна исторія французскаго крестьянства, напримѣръ, можетъ иллюстрироваться цѣлымъ рядомъ литературныхъ отрывковъ, въ коихъ отражается народная жизнь [1]). Любопытно, напримѣръ, какъ одинъ средневѣковой поэтъ (Robert Wace) передаетъ ропотъ поселянъ въ эпоху большого возстанія въ Нормандіи (въ X в.): „Мы такіе же люди, какъ и они, у насъ тѣ же члены и такое же, какъ у нихъ, тѣло и мы также можемъ страдать. Намъ нужно быть только храбрыми: соединимся клятвенно, чтобы другъ другу помогать, одному другого защищать и все имѣть сообща. А захотятъ они съ нами драться, вѣдь у насъ противъ одного рыцаря тридцать или сорокъ крестьянъ сильныхъ и умѣющихъ сражаться". Особенно интересна „Жалоба бѣднаго земледѣльца", относящаяся къ началу XV вѣка и обращенная къ „прелатамъ, князьямъ и добрымъ господамъ, къ горожанамъ, купцамъ и адвокатамъ, къ ремесленникамъ, военнымъ и людямъ трехъ чиновъ", равно какъ и къ „весьма благородному королю Франціи": въ этой жалобѣ говорится о крайней нищетѣ, о тяжеломъ трудѣ, о полной безнадежности положенія крестьянъ (et ne sçavons que devenir). Поселянинъ, напримѣръ, обращается спеціально къ прелатамъ и церковникамъ, жалуясь на то, что остается даже безъ рубашки, жалуясь тѣмъ самымъ клирикамъ, о коихъ одинъ поэтъ XIII в. говорилъ, что ихъ недолюбливаетъ простонародье (ongues la gens vilaine n'aima clerc ni prêtre). Есть и особое обращеніе къ горожанамъ, которые обвиняются въ томъ, что ни въ грошъ не ставятъ крестьянъ.

Есть, наконецъ, въ этой complainte и жалоба крестьянъ на тягость налоговъ, на дурныя послѣдствія ухудшеній монеты, на обиды, чинимыя королевскими сержантами, на полное разореніе, не оставляющее послѣднимъ ничего, что̀ они могли-бы взять у крестьянъ. Въ Англіи въ эпоху крестьянскихъ волненій XIV вѣка, какъ мы видѣли, также пѣлась пѣсенка, заключавшая вопросъ о томъ, гдѣ находился дворянинъ, когда Адамъ пахалъ, а Ева пряла. Англійская исторія этого періода выставила и народнаго поэта Вильяма Лонгланда, автора „Видѣніе пахаря Петруши", вызвавшаго нѣсколько подражаній. Весьма любопытно, что особенно въ произведеніяхъ подобнаго рода (а ихъ было множество) сильнѣе всего достается духовенству, на что мы еще обратимъ вниманіе и въ другомъ мѣстѣ,

---

[1]) Смотри мой „Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ".

основнымъ же принципомъ защитниковъ народныхъ интересовъ является религіозная идея евангельскаго братства. Въ поэмѣ Лонгланда есть такого рода обращеніе къ рыцарю: „хотя онъ и подданный твой, но вѣдь, быть можетъ, на небѣ онъ будетъ признанъ болѣе тебя достойнымъ и получитъ большее блаженство, такъ какъ тамъ трудно распознать, кто рыцарь, и кто мужикъ". Ссылки на евангельскую свободу и евангельское равенство мы найдемъ и въ народныхъ жалобахъ и программахъ великой крестьянской войны въ Германіи въ реформаціонную эпоху, да и вообще съ этой стороны демократическая проповѣдь конца среднихъ вѣковъ и временъ религіозной реформаціи всегда принимала характеръ обращенія къ авторитету Евангелія. Связь народныхъ движеній съ движеніями религіозными мною будетъ еще указана, но и тутъ нельзя не отмѣтить, что *религія была такою почвою, на которой разрушались сословныя перегородки среднихъ вѣковъ и возникала принципіальная оппозиція противъ общественнаго неравенства.* Съ особенною силою должно было бросаться въ глаза противорѣчіе между ученіями церкви и правами и привилегіями сословія ея служителей, и ссылка на равенство разрушала сложившійся и у самихъ церковниковъ, нашедшій даже литературное выраженіе, взглядъ, по которому сословный строй феодальнаго общества былъ созданъ самимъ Богомъ, обрекшимъ крестьянъ на вѣчную работу въ пользу духовенства и дворянства. Въ эпоху полнаго господства феодализма на такую точку зрѣнія становились даже духовныя лица на соборахъ и въ литературѣ, что мы находимъ, напримѣръ, въ одномъ латинскомъ посланіи XI в., въ коемъ изображается дѣленіе людей на благородныхъ и рабовъ, какъ вполнѣ естественное явленіе. Только съ точки зрѣнія религіознаго равенства и могли защитники народныхъ нуждъ и интересовъ возражать высшимъ сословіямъ, высказывавшимъ пренебреженіе къ крестьянамъ. „Богъ, говоритъ одинъ средневѣковый поэтъ, ненавидитъ вилановъ и потому-то онъ и обрекъ ихъ на такую тяжелую жизнь" (por ce fist il toutes les paines passer parmi outre lor mains). По аналогическому представленію, Богъ не оставилъ имъ мѣста въ раю, такъ какъ Іисусъ Христосъ не желаетъ, чтобы виланы были съ нимъ. На той же почвѣ воззрѣнія, по которому Богъ создалъ для всѣхъ людей разныя блага жизни, и возможна была только аргументація въ пользу доступности и для народа матеріальнаго благосостоянія. Словами „nos sumes hommes cum il sunt" (мы такіе же люди, какъ и они) поэмы Роберта Васа или заявленіемъ, что и мужикъ хочетъ жить vivre nous fault, c'est le remede) „Жалобы" начала XV вѣка народъ какъ-бы возражаетъ поэтамъ, заставлявшимъ крестьянъ питаться кормомъ скота ((il déussent parmi les landes—pestre herbe avec

bues cornus—a quatre piez aler toz nus). На тѣ же принципы ссылались и народные проповѣдники изъ низшаго духовенства въ родѣ Джона Баллъ, о которомъ шла рѣчь выше. „Если, говорилъ онъ, напримѣръ, мы всѣ происходимъ отъ одного отца и матери, отъ Адама и Евы, какое право имѣютъ они (лорды и дворяне) говорить и на чемъ они основываютъ, будто они лучше насъ, кромѣ, пожалуй, того, что они принуждаютъ насъ добывать для нихъ своимъ трудомъ все то, что потомъ питаетъ ихъ роскошь и гордость?"

Понятное дѣло, мы сдѣлали бы большую ошибку, если бы стали утверждать, что поэзія и публицистика среднихъ вѣковъ были проникнуты только духомъ и интересами отдѣльныхъ сословій: въ этой литературѣ, какъ въ ученой на латинскомъ языкѣ, такъ и въ національной на народныхъ нарѣчіяхъ, мы, конечно, найдемъ и выраженія болѣе широкихъ взглядовъ и на человѣка, и на общество, причемъ *до развитія гуманистической литературы, которая принципіально была враждебна сословнымъ перегородкамъ, аргументація въ пользу правъ личности заимствовалась изъ соображеній религіозныхъ, изъ которыхъ брались доказательства и той идеи, что есть нѣкоторое общее благо,* требующее жертвъ со стороны не только личныхъ, но и сословныхъ интересовъ. Рядомъ съ этими религіозными соображеніями уже второстепенное мѣсто принадлежитъ аргументамъ, заимствованнымъ изъ римскаго права, когда, напримѣръ, французскіе легисты ссылались на естественную свободу всѣхъ людей, и опять-таки до развитія гуманистической литературы, возвратившейся къ античной традиціи свѣтскаго государства, идея общаго блага олицетворялась въ высшемъ союзѣ, существующемъ на землѣ и основанномъ самимъ Богомъ, въ церкви. Отвлеченныя политическія ученія среднихъ вѣковъ стоятъ въ тѣсной связи съ принципами католицизма, хотя мы въ ученіяхъ этихъ и находимъ отголоски классическихъ воззрѣній на общее благо и на salutem populi, а что разсужденія на подобныя темы не оставались въ сферѣ однѣхъ абстракцій церковныхъ мыслителей, это можетъ быть видно изъ того, что переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени богатъ и публицистическою проповѣдью общаго блага, съ точки зрѣнія которой порицаются злоупотребленія сословными правами и даже сами сословные порядки.

Образцикомъ реформаціонныхъ идей въ сферѣ политическихъ и соціальныхъ отношеній можетъ служить одинъ памфлетъ конца XV в., извѣстный подъ названіемъ „Реформаціи императора Фридриха III". Съ середины XV в. появляется въ Германіи множество памфлетовъ, „летучихъ листковъ" (fliegende Blätter), въ коихъ обсуждались жгучіе вопросы эпохи съ весьма радикальныхъ иногда точекъ зрѣнія, и между этими оппозиціонными произведеніями можно отличить такія,

въ коихъ высказывались взгляды тогдашнихъ культурныхъ классовъ, и такія, которыя были выраженіемъ прямо народной думы. „Въ то время, говоритъ о концѣ XV в. (1482 г.) одинъ хроникеръ (Шпангенбергъ въ „Саксонской хроникѣ“), составлялись и пѣлись пѣсни, напоминавшія начальству и убѣждавшія его соблюдать въ правленіи справедливость, не давать дворянству слишкомъ много воли и силы, не дозволять бюргерамъ въ городахъ слишкомъ большой роскоши, не обременять простой крестьянскій людъ (das gemeine Bawervolk) черезъ его силу, держать дороги въ безопасности и каждому оказывать право и справедливость“. Одновременно съ этимъ раздается и радикальная проповѣдь, напримѣръ, Іоганна Beheim'а или Богемца (Böhme), сожженнаго за свои смѣлыя рѣчи. Эти пѣсни и проповѣди дополнялись печатными памфлетами, составителями коихъ были люди съ нѣкоторымъ школьнымъ образованіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ принимавшіе близко къ сердцу народныя нужды. Къ числу такихъ памфлетовъ и относится упомянутая „Реформація Фридриха III“ [1]). Не излагая въ подробности этого памятника, довольно объемистаго, я отмѣчу такія его требованія какъ то, чтобы „бѣдный крестьянинъ не былъ обремененъ и чтобы уважались его человѣческое достоинство и свобода“ (статья 2), чтобы всѣмъ городамъ и селамъ были „опредѣлены ихъ права и обязанности, не принимая въ соображеніе ихъ древнихъ привилегій, обычаевъ или заведеннаго порядка, единственно на основаніи христіанской свободы, человѣческаго достоинства, здраваго природнаго смысла, дабы всѣмъ людямъ было равномѣрно и необременительно“, ибо „чрезъ это общее благо получитъ свое подобающее призваніе“ (статья 3), чтобы изъ постановленій римскаго права, вообще предлагавшагося къ упраздненію, были оставлены лишь справедливыя, „дабы бѣдный могъ пользоваться безъ коварства и обиды свободою и своимъ правомъ, какъ и богатый, хотя бы онъ былъ князь имперіи“ (ст. 7), чтобы отмѣнены были всѣ налоги и поборы, кромѣ необходимыхъ, „дабы частный интересъ не падалъ бременемъ на общество и не стѣснилъ бы всѣ промыслы и ежедневныя сношенія“ (ст. 8), чтобы были преобразованы „большія, купеческія компаніи и другія товарищества, которыя ежедневно вредятъ общественной пользѣ, на что вопіютъ не только знать, духовные и другіе богатые люди, но и мелочные торговцы и мелочные потребители, принужденные брать товаръ у нихъ, не говоря уже о бѣдныхъ рабочихъ, которые грошевыя свои потребности оплачиваютъ дорогою цѣною, между тѣмъ, какъ компаніи и товарищества вымогаютъ у нихъ запасы свои по самымъ

---

[1]) Переводъ ея имѣется въ спеціальномъ изслѣдованіи о ней проф. Бауера въ приложеніи къ I т. его „Лекцій по новой исторіи“.

низкимъ цѣнамъ“ (см. 11). Эти и другіе пункты разъясняются и развиваются въ особыхъ къ нимъ декларацiяхъ, въ коихъ составители высказываютъ постоянную заботливость объ общемъ благѣ и о большинствѣ народа, выражая, напримѣръ, желапія относительно уменьшенія чинша за землю съ крестьянъ, „чтобы простой человѣкъ, кромѣ уплаты части того, что даетъ Божья благодать, не былъ обременяемъ своимъ господиномъ какимъ-либо инымъ способомъ“, ибо „тогда христіанская и человѣческая свобода сохранитъ свое истинное значеніе въ томъ видѣ, въ какомъ Богъ даровалъ ее людямъ“ (3 декларація на 3 статью),—или выражая мысль объ установленіи для общаго блага опредѣленной заработной платы „для того, чтобы простой человѣкъ не былъ обманутъ, чтобы съ него не требовали слишкомъ много и чтобы каждый ремесленникъ и поденщикъ былъ достаточно вознагражденъ за свое искусство, трудъ и работу, ибо братская любовь и общее благо того не терпятъ, чтобы кто-либо былъ лишенъ своего заработка или своего капитала“ (4 декларація на 3 статью). Въ деклараціи четвертой на 4 статью говорится, напримѣръ, что общее благо возвышается и развивается христіанской свободой, братской любовью и уваженіемъ человѣческаго достоинства. Въ памфлетѣ этомъ слышится и предостереженіе: жалуясь на поборы князей, духовенства, дворянства и городовъ, первое объясненіе деклараціи на статью 8 замѣчаетъ, „точно какъ будто они (вы) хотятъ (хотите) вынудить крестьянина къ тому, чтобъ онъ ихъ (васъ) отстранилъ отъ худого ихъ (вашего) управленія. Смотрите, сказано далѣе, чтобы вы сверхъ этого не лишены были вашего родового владѣнія или, пожалуй въ худшемъ случаѣ, даже жизни“. Это былъ цѣлый планъ реформъ, въ коемъ не были забыты ни одно сословіе и даже иностранцы: въ немъ предлагалось дать „всѣмъ сословіямъ въ имперіи, признаннымъ и включеннымъ въ проектъ преобразованія, не исключая ни одного, настолько свободы, правъ и привилегій, чтобы никому не было впредь необходимости искать защиты и покровительства иначе, какъ у священной Римской имперіи“ (1 декл. на 12 ст.), и „куда бы, говорится еще, иностранецъ въ границахъ имперіи германской націи ни отправился, откуда бы ни выѣзжалъ и куда бы ни въѣзжалъ, онъ пользовался бы со всѣмъ своимъ имуществомъ и товаромъ такою же безопасностью, какъ и на территоріи своего государя“ (2 декл. на 12 ст.). Эта „Реформація“ имѣетъ цѣлую исторію какъ памфлетъ, подвергавшійся многимъ наслоеніямъ, что указываетъ на его популярность въ XV и XVI вв.,—и какъ памятникъ, обращавшій на себя всегда большое вниманіе историковъ, что, конечно, свидѣтельствуетъ о его важности. Но онъ не стоитъ одиноко, ибо и другія литературныя произведенія эпохи указываютъ на необходимость

реформы, и слово reformatio, получившее въ XVI вѣкѣ такой опредѣленный смыслъ, въ XV в. понималось прямо въ значеніи преобразованій государственныхъ и общественныхъ. Германія особенно богата такими проектами въ XV вѣкѣ: таковъ проектъ De concordantia catholica (1433) Николая Кребса (впослѣдствіи кардинала Николая Кузанскаго); такова „Реформація императора Сигизмунда“, своего рода выраженіе стремленій городского сословія; таковъ и упомянутый проектъ. Тутъ мало еще указать на соціальный протестъ противъ злоупотребленій и дурного общественнаго устройства: въ памфлетахъ, подобныхъ „Реформаціи Фридриха III“, *мы имѣемъ еще дѣло съ сознательнымъ стремленіемъ ихъ авторовъ измѣнить общественное устройство согласно съ болѣе широкимъ пониманіемъ существа и цѣли человѣческаго общества*, нежели то, какое мы находимъ у представителей сословныхъ интересовъ. *Это сознательное отношеніе къ соціальной жизни есть тоже одинъ изъ признаковъ новаго времени:* та же сознательность обнаруживается въ развитіи сатирической литературы, бичующей не отвлеченные общечеловѣческіе пороки и слабости, а недостатки той среды, въ коей появлялась эта, дѣйствительно, общественная сатира. Декамеронъ Боккачіо въ Италіи, Кентерберійскіе разсказы (Canterbury Tales) Чосера, этого „отца англійской литературы“ (XIV в.), въ Англіи, особенно же нѣмецкія сатирическія произведенія XV в., каковы der Pfaffe von Kalenberg Филиппа Франкфурта, Narrenschiff Себастіана Брандта (1494), Till Eulenspiegel (1483) и т. п. могутъ служить примѣрами осмѣянія современнаго ихъ авторамъ общества, и конечно, не случайностью было то, что главнымъ объектомъ насмѣшекъ сдѣлались прелаты, низшее духовенство и монахи, противъ которыхъ направляются и гуманистическое, и реформаціонное движенія XIV—XVI вѣковъ.

Но въ этомъ возвышеніи единичныхъ авторовъ надъ интересами отдѣльныхъ сословій во имя идей достоинства человѣческой личности и общаго блага, въ этомъ отрицательномъ отношеніи къ окружающей дѣйствительности,—проявлялось ли оно въ сатирическомъ осмѣяніи своего общества, или въ реформаціонныхъ проектахъ тогдашней публицистики,—выступаетъ еще одно начало, присущее исторіи во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, имѣющихъ исторію, но не всегда одинаково развитое, часто весьма мало даже развитое, а именно, начало человѣческой личности. Это начало намъ и нужно теперь разсмотрѣть, ибо дѣйствіе его въ новой исторіи получаетъ особую силу.

XXI. Положеніе личности въ обществѣ.

Личность въ античномъ мірѣ и въ новой Европѣ.—Личныя права въ феодальномъ обществѣ.—Личное право, какъ сословная привилегія.—Личность и государство въ новое время.—Духовная свобода личности.—Неразвитость личнаго начала въ средневѣковомъ обществѣ.—Корпоративность средневѣковой жизни и индивидуализмъ.—Традиціонная литература и личное творчество.—Инноваторская роль личности.—Біографическій элементъ въ исторіи.—Переходъ къ разсмотрѣнію духовной культуры.

Въ исторической, философской, политической и юридической литературѣ неразъ отмѣчалось различіе въ положеніи личности въ обществѣ античномъ и новомъ, различіе, заключающееся въ томъ, что въ классическомъ мірѣ личность поглощалась государствомъ и права индивидуальной свободы не существовало, тогда какъ въ западной Европѣ, начиная съ среднихъ вѣковъ и особенно въ новое время, утверждаются права личности, происходитъ ея эманципація. Это положеніе, сдѣлавшееся избитымъ общимъ мѣстомъ, возможно принять только условно и съ сильными ограниченіями. Во-первыхъ, и въ классическомъ мірѣ, и въ новой Европѣ,—въ одномъ рабство, въ другой—крѣпостничество, просуществовавшее до XIX в. и серьезно начавшее падать лишь со временъ французской революціи, не говоря уже о рабствѣ негровъ въ Америкѣ,—были явленіями, возможными лишь при отрицаніи элементарныхъ правъ личности, и Европѣ нужно было дожить до „просвѣщенія“ XVIII вѣка, чтобы могъ начаться рѣшительный протестъ противъ состояній гражданской несвободы, каковы были рабство и крѣпостничество, протестъ, разумѣется, не со стороны тѣхъ, которые сами находились въ этомъ состояніи, такъ какъ они начали протестовать раньше. Исключивъ низшіе слои общества, рабовъ, колоновъ, сервовъ, разныхъ крѣпостныхъ и зависимыхъ, обращаясь къ однимъ свободнымъ классамъ, мы и тутъ видимъ сходство въ положеніяхъ личности въ античныхъ и новыхъ государствахъ, и вся разница будетъ заключаться въ томъ, какіе періоды мы будемъ брать для сравненія. И въ древнемъ государствѣ, поглощавшемъ личность, возможны были явленія, совершенно противоположнаго свойства, проявленія индивидуализма, блестящимъ примѣромъ коего можетъ служить аѳинская жизнь въ эпоху наивысшаго своего процвѣтанія, такія притомъ проявленія, которыя, какъ это было въ эпоху упадка, дѣйствовали разлагающимъ образомъ на государственную жизнь, и, наоборотъ, въ новой Европѣ было равнымъ образомъ немалое количество фактовъ принципіальнаго и дѣйствительнаго поглощенія лич-

ности государствомъ, закрѣпощенія первой второму, фактовъ, съ которыми намъ придется постоянно встрѣчаться. Но дѣло, дѣйствительно, въ томъ, что принципіальное провозглашеніе правъ личности совершается, главнымъ образомъ, въ новой Европѣ, и весьма любопытно, что въ процессѣ развитія индивидуализма весьма видную роль играла и возродившаяся античная литература, какъ это будетъ показано въ очеркѣ гуманистическаго движенія. Правда—и то, что античное и новое пониманіе свободы не одинаково: въ первомъ главная вещь—участіе гражданина въ верховной власти, во второмъ—личная независимость. Было бы, однако, невѣрнымъ утверждать, будто это различіе относится ко всѣмъ эпохамъ древняго и новаго міровъ. Подобно тому, какъ въ исторіи классическаго общества наступали времена, когда падало стремленіе къ политической свободѣ, падалъ интересъ къ государственной жизни, и частная жизнь выдвигалась на первый планъ, такъ и въ новомъ обществѣ были эпохи,—и весьма продолжительныя,—когда личная свобода вообще не особенно высоко цѣнилась. Не касаясь пока религіозной сферы, не говоря о роли христіанства въ эманципаціи личнаго начала, мы едва ли должны согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, будто индивидуализмъ былъ внесенъ въ исторію впервые германскими варварами, разрушившими Западную Римскую имперію. Такимъ индивидуализмомъ, какой проявили германцы, отличаются всѣ народы на извѣстныхъ ступеняхъ историческаго развитія, и онъ не въ меньшей мѣрѣ былъ присущъ грекамъ гомерической эпохи, нежели германцамъ временъ великаго переселенія народовъ: это—простая недисциплинированность личности, первобытная независимость человѣка, не умѣющаго подчиняться соціальной необходимости, необузданность того, кто имѣетъ возможность не повиноваться закону, а не та индивидуальная свобода, которая совмѣстима съ правильнымъ общественнымъ порядкомъ, съ уваженіемъ къ чужой свободѣ и къ закону. Древнегерманская личная свобода граничила съ произволомъ, когда человѣкъ по тѣмъ или другимъ причинамъ имѣлъ возможность насильничать; но сознаніе возможности при извѣстныхъ условіяхъ быть свободнымъ въ такомъ смыслѣ не исключало закрѣпощеній и самозакрѣпощеній, которыя въ эпоху феодализаціи сократили до minimum'а число свободныхъ людей. Если принимать въ расчетъ не непокорный нравъ знатныхъ и богатыхъ, въ которомъ выразился, главнымъ образомъ, варварскій индивидуализмъ, а то отсутствіе чувства свободы въ массахъ, которое сдѣлало возможными (конечно, при содѣйствіи причинъ экономическихъ и политическихъ) столь распространенныя самозакрѣпощенія временъ установленія феодальнаго режима, то мы придемъ къ взгляду, противоположному обычнымъ представленіямъ объ индивидуализмѣ начальной исторіи

среднихъ вѣковъ. Историки не разъ обращали вниманіе на тотъ общій фактъ, что процессъ феодализаціи не встрѣчалъ сопротивленія со стороны народной массы, и что только позднѣе, главнымъ образомъ съ эпохи крестовыхъ походовъ, начинаются возстанія горожанъ и крестьянъ во имя личной свободы и защиты личныхъ правъ.

Феодальное общество рѣзко дѣлилось на благородныхъ и подлыхъ. Только первые пользовались свободою и притомъ свободою въ широкихъ размѣрахъ: здѣсь, дѣйствительно, *развивается сознаніе права личности по отношенію къ государству.* Феодализмъ и разложеніе государства—синонимы, ибо феодальныя узы имѣли частный характеръ. Повиновеніе вассала сюзерену не было безусловнымъ, такъ какъ феодальный договоръ ограничивалъ политическую власть послѣдняго надъ первымъ, давалъ королю не одни права, но налагалъ на него и обязанности, нарушеніе коихъ освобождало вассала отъ его обязанностей по отношенію къ сюзерену, и такимъ образомъ личность и государство (послѣднее въ лицѣ короля) были поставлены въ особое отношеніе другъ къ другу. Безусловность суверенитета, безправіе личности по отношенію къ государству не имѣютъ мѣста въ феодальномъ обществѣ,—разумѣется, при исключеніи изъ него закрѣпощенной массы,—и этотъ принципъ начинаетъ играть роль въ законодательствѣ. Знаменитая 39 статья magnae chartae libertatum представляетъ собою одно изъ рельефныхъ проявленій новаго начала. Съ другой стороны, въ этомъ обществѣ развивается сознаніе личнаго достоинства, въ формѣ рыцарской или дворянской чести, личнаго достоинства, правда, какъ и личное право, ограниченныхъ лишь извѣстнымъ состояніемъ: дворянинъ признаетъ за собою извѣстныя личныя права, нарушеніе коихъ со стороны государства разсматривается, какъ нѣчто незаконное, и признаетъ за собою личное достоинство, не какъ человѣческая личность вообще, а какъ членъ сословія, не возвышаясь до признанія этихъ правъ и этого достоинства за всѣми, уже много, если распространяя ихъ на всѣхъ свободныхъ (т.-е. некрѣпостныхъ), какъ мы это видимъ въ 39 статьѣ великой хартіи. Такимъ образомъ, *личное право является на практикѣ, какъ сословная привилегія,* хотя бы теорія и возвышалась до признанія личнаго права, какъ права общечеловѣческаго. Въ новой исторіи къ числу личныхъ правъ прибавляется, какъ мы увидимъ, свобода совѣсти, но и эта свобода осуществляется сначала въ формѣ сословной привилегіи, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ государствахъ.

Признаніе новымъ государствомъ индивидуальной свободы не могло быть прочнымъ при такой исключительности. Кромѣ Англіи, гдѣ сословныя права уступили мѣсто общему праву страны, паденіе феодализма съ его привилегіями, сопровождавшееся расширеніемъ

правъ другихъ сословій по отношенію къ феодальному дворянству, не только не влекло за собою увеличенія правъ массы по отношенію къ государству, но расширяло, наоборотъ, его власть и надъ самими привилегированными сословіями. Мы еще увидимъ, какою силою сдѣлалось государство новаго времени и какъ въ немъ возобладали античныя традиціи, неблагопріятныя для зародышей индивидуальной свободы, хотя бы и съ сословнымъ характеромъ, вынесенныхъ обществомъ изъ среднихъ вѣковъ: *успѣхи новой государственности были часто даже рядомъ пораженій для индивидуализма*, вообще усиливающагося въ исходѣ среднихъ вѣковъ и проявившагося въ гуманизмѣ, протестантизмѣ и просвѣтительной литературѣ, прежде чѣмъ стать практическимъ требованіемъ въ „декларація правъ человѣка и гражданина" 1789 года.

Сословный характеръ индивидуальныхъ правъ въ средніе вѣка и многіе факты новой исторіи указываютъ на то, что основа этихъ правъ заключалась во внѣшнемъ положеніи личности, въ ея матеріальной мощи, позволявшей ей отстаивать свою свободу; по содержаніе, какое вкладывалось въ понятіе свободы, обнаруживаетъ, наоборотъ, *весьма малое развитіе внутренней, духовной свободы въ средніе вѣка*, т.-е. другими словами, свобода съуживалась не только количественно, но и качественно, такъ какъ индивидуальное *я* было весьма ограничено въ своихъ проявленіяхъ, ограничено, главнымъ образомъ, областью внѣшнихъ дѣйствій, выражавшихся въ непокорности по отношенію къ власти и въ произволѣ по отношенію къ низшимъ. Между тѣмъ личная свобода покоится не только на возможности ея огражденія внѣшними средствами, но и на внутреннемъ сознаніи правъ духовной личности на самоопредѣленіе. Феодальный классъ жилъ черезъ-чуръ внѣшнею жизнью войны, охоты, турнировъ, пировъ, въ лучшемъ случаѣ—заботъ о матеріальномъ обезпеченіи себя болѣе упорядоченнымъ хозяйствомъ и развлеченій условною поэзіею своего сословія, а то сословіе, которое было призвано къ занятіямъ въ области мышленія, было подчинено неизмѣннымъ авторитетамъ традиціи, такъ что для стремленія къ духовной свободѣ слишкомъ мало оставалось мѣста въ жизни средневѣкового общества. *Въ послѣднемъ вообще было мало развито личное начало*, ибо развитіе этого начала вообще относится къ эпохамъ болѣе позднимъ, когда культурно-соціальная эволюція обогащаетъ духовное содержаніе личности новыми идеями, создаетъ возвышающуюся надъ сословными перегородками интеллигенцію, возбуждаетъ критическую мысль и приводитъ къ болѣе широкому личному и общественному самосознанію, создавая вмѣстѣ съ тѣмъ способы и средства для внѣшняго проявленія этого самосознанія въ рядѣ соціальныхъ условій, юридическихъ устано-

вленій и политическихъ учрежденій, ставящихъ личность въ болѣе благопріятное положеніе по отношенію ко всему, что препятствуетъ свободнымъ ея проявленіямъ. Мы еще увидимъ, какъ относился средневѣковой католицизмъ къ индивидуальной свободѣ, а это—немаловажная сторона дѣла, теперь же остановимся на неразвитости личнаго начала въ средніе вѣка, наблюдаемой въ фактахъ политической жизни и въ исторіи литературы, чтобы отмѣтить вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ къ концу среднихъ вѣковъ происходитъ эмансипація этого начала [1]).

Средніе вѣка были, какъ мы неразъ видѣли, эпохой политическаго и экономическаго партикуляризма, въ сферѣ коего и вращалась отдѣльная личность. Отмѣченное явленіе имѣло и другую сторону. *Общественная жизнь въ эту эпоху принимаетъ строго корпоративный характеръ*, дробясь на жизнь мелкихъ мѣстныхъ союзовъ или болѣе крупныхъ, но исключительныхъ, въ составъ которыхъ душою и тѣломъ входятъ отдѣльныя личности, т.-е. дробясь на жизнь обособленной сельской общины, феодальной сеньеріи, монастыря, города, цеха, гильдіи, товарищества, монашескаго ордена, университета, сословія и т. п. Въ этихъ корпораціяхъ исчезалъ и поглощался индивидуумъ, выступая на сцену міра именно въ качествѣ члена той или другой корпораціи, въ большинствѣ случаевъ въ ней родившагося, вполнѣ проникнутаго ея воззрѣніями и интересами, изъ нея не выходящаго, въ качествѣ дѣятеля, являющагося простымъ экземпляромъ извѣстной культурной группы, простымъ представителемъ извѣстнаго общественнаго союза. Въ городахъ возникали партіи, и двѣ великія партіи (гибеллиновъ и гвельфовъ) имѣли универсальное значеніе; но человѣкъ становился въ ряды той или другой партіи не потому, что лично ей больше симпатизировалъ, а потому, что родился въ гвельфской или гибеллинской семьѣ. Даже тогда, когда личность выступала на великой исторической сценѣ, она была лишь представительницей извѣстной, безъ нея сложившейся системы, представительницей, напримѣръ, папства или имперіи. Однимъ словомъ, личность поглощена вполнѣ своею культурно-соціальною средою, ограничена своими рамками, недостаточно проявляетъ оригинальность и самобытность своего *я*. Въ этомъ отношеніи новое время гораздо индивидуалистичнѣе среднихъ вѣковъ, впервые же болѣе развитой индивидуализмъ проявился въ Италіи XIV и XV вѣковъ, принявъ здѣсь формы не особенно симпатичныя съ нравственной точки зрѣнія, чего, конечно, не слѣдуетъ распространять на личное начало вообще.

---

[1]) Многое о литературѣ подробнѣе изложено въ моей книгѣ „Литературная эволюція на Западѣ".

Съ конца XIII в. начинается въ Италіи разложеніе средневѣкового быта, разложеніе муниципальной жизни и той системы папства и имперіи, которая придавала нѣкоторое единство странѣ при ея муниципальной разрозненности. Съ паденіемъ имперіи, а за нимъ съ началомъ упадка и папства, партіи гибеллиновъ и гвельфовъ потеряли свой смыслъ, и подъ ихъ знамена становятся сначала сословные интересы, а потомъ личные интересы и эгоистическія страсти, что весьма пагубно отразилось на общественной нравственности. Эгоистическій индивидуализмъ эпохи особенно рельефно выразился въ двухъ ея характерныхъ явленіяхъ—въ кондотьерствѣ и принципатѣ. Въ концѣ среднихъ вѣковъ въ Италіи возникаютъ наемныя военныя дружины подъ начальствомъ такъ называемыхъ кондотьеровъ: это не были отряды феодальныхъ вассаловъ подъ предводительствомъ сюзерена, не были городскія милиціи, а сборища людей, не связанныхъ между собою ни феодальными, ни муниципальными узами, сошедшихся изъ разныхъ сторонъ авантюристовъ, искавшихъ легкой наживы и соединявшихся между собою въ силу личнаго подчиненія одному и тому же кондотьеру, который дѣйствовалъ самъ отъ себя и самъ для себя, нанимаясь на службу къ кому угодно, измѣняя интересамъ своихъ нанимателей, вступая въ сдѣлку съ кондотьеромъ противоположной стороны, при случаѣ будучи готовымъ наложить руку и на довѣрившійся ему городъ, сдѣлаться въ немъ княземъ. И принципатъ основывался на томъ же началѣ личнаго умѣнія, личной способности, личнаго своекорыстія, ибо князь пользовался въ своихъ видахъ соціальнымъ раздоромъ въ городѣ, захватывалъ власть въ свои руки, опирался не на наслѣдственное право, а на обстоятельства, которыя эксплуатировалъ въ собственную пользу, и на личное искусство пользоваться игрою чужихъ эгоистическихъ интересовъ, прибѣгая къ ловкой рѣчи и бойкому перу гуманистовъ, извлекая изъ покровительства литературѣ возможность окружать себя блескомъ и славой. И кондотьеръ, и „принчипе" не были частями готовой общественной системы: они не рождались съ правомъ на власть, какъ сеньеры, не достигали власти правильнымъ путемъ избранія, какъ духовные, они сами, личными силами своими создавали себѣ извѣстное положеніе и опирались не на опредѣленные политическіе принципы и традиціи, не на ранѣе существовавшую организацію соціальныхъ интересовъ, а на индивидуальныя страсти минуты, на благопріятно сложившіяся обстоятельства или дипломатическою своею ловкостью создавая для себя такія именно обстоятельства. Тутъ все—не наслѣдственное званіе, не высокій санъ, составлявшіе части феодальной или католической системы, тутъ все—въ личной смѣлости и удачѣ. Кондотьера и князя окружали такіе же люди, ибо борьба по-

литическихъ партій въ городахъ съ конфискаціями имѣній и изгнаніями гражданъ создавала большой контингентъ наемныхъ дружинъ.

Но индивидуализмъ способенъ былъ принимать и не такія формы, которымъ въ данномъ случаѣ содѣйствовала общая дезорганизація стараго быта: напримѣръ, въ области литературнаго творчества онъ проявляется совершенно въ иномъ видѣ.

Преобладанію корпоративнаго надъ личнымъ вполнѣ соотвѣтствуетъ преобладаніе традиціоннаго надъ самобытнымъ. Въ исторіи литературы при переходѣ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени наблюдается эманципація личности отъ условной традиціонности и своего рода коллективнаго творчества, какъ это не разъ отмѣчалось историками литературы. Область, въ которой безпрепятственнѣе всего проявляется личное начало, есть область духовной дѣятельности вообще, въ частности литература. Средневѣковая литература была, однако, весьма далека отъ того, чтобы быть выразительницей личныхъ воззрѣній и настроеній, и на ся произведеніяхъ особенно отражались сила традиціи, коллективное творчество и слабое пониманіе общественной роли литературы, какъ органа, посредствомъ котораго личность пропагандируетъ свою мысль. Поэтическое творчество въ средніе вѣка вращалось въ извѣстныхъ традиціонныхъ границахъ, воспроизводило почти исключительно старинныя преданія о временахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ и обработывало уже извѣстный литературный матеріалъ. Вмѣстѣ съ этимъ національныя поэмы среднихъ вѣковъ, французскіе chansons de geste и romans d'aventures, находившіе подражаніе и въ другихъ странахъ, нѣмецкіе Нибелунги и т. п. были результатомъ коллективнаго творчества: находя, напримѣръ, въ болѣе раннихъ „кантиленахъ" готовые сюжеты, французскіе поэты (труверы) перерабатывали ихъ такъ, что въ ихъ произведеніяхъ отражалась не столько личность автора, сколько духъ среды, его окружавшей. Каждая поэма среднихъ вѣковъ носитъ на себѣ печать коллективнаго происхожденія: ей предшествуютъ былины, слагавшіяся многими народными пѣвцами, изъ этихъ былинъ заимствуется матеріалъ, который перерабатывается потомъ нѣсколькими поэтами, опять-таки весьма схожими между собою. Словомъ, личность автора стушевывается тутъ передъ литературной традиціей и духомъ извѣстной группы лицъ, принадлежащихъ къ одному соціальному классу, къ одной профессіи. Поэтому біографія поэта еще мало объясняетъ его произведенія: почти все ихъ объясненіе—въ заимствованіяхъ изъ традиціоннаго литературнаго матеріала, исключавшихъ необходимость собственной выдумки, да въ общемъ духѣ среды, отражающемся на творчествѣ одного поэта почти такъ же, какъ и на творчествѣ другихъ. Не даромъ не дошли до насъ біографическія свѣдѣнія объ авторахъ, напримѣръ,

Нибелунговъ, большей части chansons de geste и т. п. При такомъ состояніи литературы ея общественная роль была весьма ограниченною: авторъ, перепѣвая старое традиціонное содержаніе въ одномъ духѣ и направленіи съ другими современными ему поэтами, не смотрѣлъ на это дѣло, какъ на способъ высказывать свои моральные и общественные взгляды, поэзія оставалась увеселеніемъ, забавой, лишь безсознательнымъ или непреднамѣреннымъ выраженіемъ мысли и настроенія личности и окружающей послѣднюю среды. Жизненные импульсы еще слабо вліяли поэтому на поэзію, и подражательность не имѣла въ нихъ противовѣса. Лишь провансальская лирика, пѣсни трубадуровъ, впервые начинаетъ больше жить современностью, носить на себѣ слѣды разнообразія личныхъ характеровъ и сознательно выражать личный взглядъ на общественныя дѣла: не даромъ современники трубадуровъ оставили десятки тетрадокъ съ біографіями этихъ поэтовъ, недаромъ ихъ „сирвенты“ заключаютъ въ себѣ сознательныя тенденціи съ публицистическимъ характеромъ. Тутъ же впервые зарождается и литературная критика, въ основѣ которой лежитъ личная и сознательная оцѣнка поэтическихъ произведеній.

Раньше нами было указано на то, что въ поэзіи конца среднихъ вѣковъ преобладаютъ аллегорія, дидактика и сатира: онѣ уже менѣе всего даютъ возможности вращаться въ области традиціи, еще болѣе выдвигаютъ личность и даже прямо представляютъ въ себѣ связь поэзіи съ публицистикой и литературной критикой. Французскіе фабліо, а за ними новеллы уже выводятъ на сцену окружающее общество. За подробностями по этимъ вопросамъ мы позволяемъ себѣ отослать къ своей книгѣ „Литературная эволюція на Западѣ“, гдѣ развитіе словесности разсматривается именно съ точки зрѣнія слабости или силы проявляющагося въ ней личнаго начала и гдѣ указывается, между прочимъ, на примѣръ Данте, какъ перваго великаго вполнѣ личнаго поэта, составлявшаго, какъ самъ онъ о себѣ говоритъ, одинъ всю свою партію, хотя въ своемъ міросозерцаніи онъ еще стоитъ на чисто средневѣковыхъ точкахъ зрѣнія католицизма и схоластики. Въ самомъ дѣлѣ, съ конца среднихъ вѣковъ литература подъ вліяніемъ бо́льшаго развитія личности принимаетъ новый характеръ. Развитая личность не можетъ не получать импульсовъ отъ жизни, отъ окружающей дѣйствительности, отъ текущей современности и не выражать въ той или другой формѣ этихъ импульсовъ въ своихъ произведеніяхъ, и если къ концу среднихъ вѣковъ падаетъ въ качественномъ (но не въ количественномъ, правда) отношеніи поэтическая разработка традиціоннаго содержанія въ традиціонныхъ формахъ, то современность и личное отношеніе автора къ современности въ ней проявляются уже съ значительною силою.

Примѣръ литературной эволюціи на Западѣ въ средніе вѣка и въ новое время можетъ служить иллюстраціей нѣкотораго болѣе общаго тезиса. Культурно-соціальная среда, какъ и литературная традиція, оставались бы неизмѣнными безъ инноваторской роли личности: чѣмъ развитѣе индивидуумъ по общимъ культурнымъ и соціальнымъ условіямъ, тѣмъ сознательнѣе и самостоятельнѣе относится онъ къ окружающей его средѣ, тѣмъ больше новаго и самобытнаго вноситъ онъ въ умы современниковъ и въ формы общественнаго быта, и тѣмъ, слѣдовательно, сильнѣе проявляется личное начало въ исторіи и въ жизни. Развитой индивидуумъ не мирится съ исчезновеніемъ соего *я* въ традиціонныхъ воззрѣніяхъ культурной среды, съ поглощеніемъ этого *я* въ традиціонныхъ требованіяхъ соціальной организаціи, въ составъ которой онъ входитъ: благодаря личной иниціативѣ, благодаря поддержкѣ, какую она находитъ въ другихъ, благодаря общему подъему уровня личнаго развитія въ обществѣ, индивидуализмъ начинаетъ все болѣе и болѣе играть роль историческаго фактора [1]). Въ этомъ отношеніи существуетъ большая разница между средними вѣками и новымъ временемъ: въ средніе вѣка культурно-соціальная среда господствовала надъ личностью, и біографіи средневѣковыхъ дѣятелей интересны преимущественно тѣми чертами культурно-соціальнаго состоянія, которыя отражались на отдѣльныхъ личностяхъ, тогда какъ, наоборотъ, въ новое время наибольшій интересъ имѣютъ біографіи людей, становившихся въ противорѣчіе съ окружавшею ихъ средою и содѣйствовавшихъ ея измѣненію, т.-е., біографіи реформаторовъ и новаторовъ, вносившихъ въ жизнь личную мысль, личную иниціативу. Конечно, и въ средніе вѣка были люди иниціативы, и въ новое время, какъ и всегда, традиція представляетъ изъ себя сильный общественный факторъ; конечно, и въ каждой отдѣльной біографіи переплетаются между собою и черты индивидуальнаго характера, и черты окружающей культурно-соціальной среды, но въ общемъ въ новое время число людей иниціативы увеличивается, сама иниціатива усиливается. Разумѣется, что и индивидуальная біографія поэтому можетъ быть понята лишь при одинаковомъ отношеніи къ тому, что въ данномъ индивидуумѣ оригинально, такъ и къ тому, въ чемъ этотъ индвивидуумъ является, лишь какъ представитель извѣстной культурной группы, извѣстной соціальной организаціи, но именно общее, положительное или отрицательное отношеніе личности къ той или иной культурно-соціальной средѣ и заставляетъ историка видѣть въ ней преимущественно или носителя извѣстныхъ, внѣ ея

---

[1]) См. мою книгу „Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи".

существующихъ воззрѣній, или носителя собственныхъ, ею самою выработанныхъ взглядовъ.

Индивидуальное развитіе выражается между прочимъ и въ томъ, что болѣе развитая личность требуетъ себѣ отъ общества бо́льшихъ правъ, большей свободы для своей внутренней и внѣшней жизни. Мы разсматривали до сихъ поръ, главнымъ образомъ, общественную структуру, опредѣлявшую собою внѣшнее положеніе личности, а теперь перейдемъ къ духовной культурѣ среднихъ вѣковъ и переходнаго времени. Въ этой области большее личное развитіе новыхъ вѣковъ проявилось въ двухъ культурныхъ движеніяхъ гуманизма и протестантизма, нанесшихъ ударъ средневѣковому міросозерцанію съ его антииндивидуалистической подкладкой.

Томъ II. Исторія XVI и XVII вѣковъ. Часть II (*Выпускъ 4*). **Исторія XVII вѣка. Тридцатилѣтняя война, французскій абсолютизмъ и англійскія революціи.**

XXVI. Политическія противоположности XVI и XVII вѣковъ.—XXIII. Реакція въ Германіи и происхожденіе тридцатилѣтней войны.—XXIV. Тридцатилѣтняя война.—XXX. Утвержденіе абсолютизма во Франціи.—XXXI. Организаціонная работа французской монархіи.—XXXII. Тюдоры и парламентъ.—XXXIII. Политика Стюартовъ и столкновеніе Іакова I съ парламентомъ.—XXXIV. Карлъ I, Страффордъ и Лоудъ.—XXXV. Долгій парламентъ, кавалеры и круглоголовые.—XXXVI. Выступленіе индепендентовъ.—XXXVII. Установленіе республики въ Англіи.—XXXVIII. Историческая роль Оливера Кромвеля.—XXXIX. Политическая и соціальная исторія англійской республики.—XL. „Вѣкъ Людовика XIV.—XLI. Характеръ, идеи и политическое поведеніе Людовика XIV.—XLII. Правительственная система Людовика XIV.—XLIII. Внѣшняя политика Людовика XIV.—XLIV. Реставрація Стюартовъ.—XLV. Вильгельмъ Оранскій и вторая англійская революція.—XLVI. Англійскія религіозныя и политическія идеи.

Томъ III. Исторія XVIII вѣка. Часть I (*Выпускъ 5*). **Старый порядокъ и новыя идеи.**

Вступленіе. I. Изученіе исторіи XVIII вѣка.

Старые государственные и общественные порядки. II. Сущность „старыхъ порядковъ".—III. Періодъ королевскаго абсолютизма.—IV. Остатки феодальныхъ учрежденій.—V. Англійскій парламентъ въ XVIII вѣкѣ.—VI. Личная и общественная свобода въ XVIII вѣкѣ.—VII. Аристократія и буржуазія въ XVIII вѣкѣ.—VIII. Крестьянскія отношенія въ XVIII вѣкѣ.—IX. Разложеніе цеховой организаціи.—X. Связь „старыхъ порядковъ" съ внѣшней политикой.

Новыя культурныя и общественныя идеи. XI. Происхожденіе и общій характеръ „просвѣщенія" XVIII вѣка—XII. Жизнь и идеи Вольтера.—XIII. Монтескье и его политическая теорія.—XIV. Руссо, его характеръ и идеи.—XV. Дидро и энциклопедисты.—XVI. Политическія ученія и общественныя идеи XVIII вѣка.—XVII. Отношеніе публицистики XVIII вѣка къ народу.—XVIII. „Просвѣщеніе" XVIII вѣка внѣ Франціи.

Томъ III. Исторія XVIII вѣка. Часть II (*Выпускъ 6*). **Просвѣщенный абсолютизмъ и французская революція.**

Просвѣщенный абсолютизмъ. XIX. Общій характеръ „просвѣщеннаго абсолютизма".—XX. Страны „просвѣщеннаго абсолютизма" и его представители.—XXI. Фридрихъ II и прусская политика.—XXII. Воспитаніе и характеръ Фридриха II.—XXIII. Политическія идеи и правительственная дѣятельность Фридриха II.—XXIV. Марія-Терезія и Іосифъ II.—XXV. Іозефинизмъ и консервативная оппозиція.—XXVI. Реформы въ области администраціи, финансовъ, суда и культурной жизни. XXVII. Государственная власть и католическая церковь во второй половинѣ XVIII вѣка.—XXVIII. Реформы въ области сословныхъ отношеній и крестьянскаго быта.

Французская революція. XXIX. Мѣстное и европейское значеніе революціи.—XXX. Царствованіе Людовика XV.—XXXI. Тюрго и неудача его реформъ.—XXXII. Франція наканунѣ революціи.—XXXIII. Созывъ генеральныхъ штатовъ и наказы 1789 года.—XXXIV. Первые мѣсяцы революціи.—XXXV. Монархія и нація въ 1789—91 гг.—XXXVI. Принципы индивидуальной свободы и народовластія въ законодательствѣ конституанты.—XXXVII. Преобразованіе общественнаго строя Франціи въ эпоху революціи.—XXXVIII. Переходъ Франціи къ республикѣ.—XXXIX. Жирондисты и якобинцы.—XL. Борьба партій въ конвентѣ и терроръ.—XLI. Законодательство конвента.—XLII. Внѣшнія побѣды и внутреннее безсиліе Франціи въ эпоху директоріи.

Томъ IV. Исторія XIX вѣка. Консульство, имперія и реставрація.

Вступленіе. Исторія XIX вѣка и ея изученіе.—II. Вліяніе французской революціи на Европу.—III. Исходъ революціи по отношенію къ внутренней жизни Франціи.

Эпоха консульства и имперіи. IV. Наполеоновская эпоха и ея исторіографія.—V. Наполеонъ Бонапартъ до 1799 г.—VI. Восемнадцатое брюмера и наполеоновскія конституціи.—VII. Внутренняя политика консульства и имперіи.—VIII. Господство Франціи въ Европѣ при Наполеонѣ I.—IX. Внутреннія перемѣны въ западно-европейскихъ государствахъ въ наполеоновскую эпоху.—X. Разложеніе стараго порядка и попытка реформъ въ Пруссіи.—XI. Внѣшняя и внутренняя оппозиція противъ имперіи Наполеона I.—XII. Паденіе имперіи, „сто дней“ и вѣнскій конгрессъ.

Эпоха реставраціи. XIII. Происхожденіе и характеръ реакціонныхъ стремленій эпохи.—XIV. Общая характеристика либерализма въ эпоху реставраціи.—XV. Священный союзъ, южно-романскія революціи и конгрессы.—XVI. Побѣда партикуляризма и реакціи въ Германіи.—XVII. Реставрація и установленіе конституціонной монархіи во Франціи. — XVIII. Реакціонная политика во Франціи въ эпоху реставраціи.—XIX. Борьба французскаго либерализма противъ реакціи.—XX. Происхожденіе англійской реакціи конца XVIII и начала XIX вѣка.—XXI. Реакція и борьба за свободу въ Англіи до 1830 года.

Соціальная исторія первой трети XIX вѣка. XXII. Существенное содержаніе соціальной исторіи XIX вѣка и ея изученіе.—XXIII. Крестьянскій вопросъ въ первой трети XIX в.—XXIV. Перемѣны въ промышленномъ быту западной Европы въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка.—XXV. Капитализмъ, пролетаріатъ, пауперизмъ и начало рабочаго вопроса.—XXVI. Экономическія теоріи эпохи въ связи съ моральными и политическими ученіями.—XXVII. Соціальныя ученія первой трети XIX вѣка.
